

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

С.В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ,
Почетный работник науки
и техники РФ

Д.И. Аминов,

доктор юридических наук, профессор

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН

А.В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН

Е.В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л.Д. Гаухман,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Л.П. Дашков,

доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный работник
высшей школы РФ, академик РАЕН

Д.В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

О.Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ,
академик РАЕН

О.Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор

Г.М. Казиахмедов,

доктор экономических наук, профессор

S.V. Alekseev,

doctor of legal sciences,
professor, Honorary worker of higher
professional education of Russia,
Honorary worker of science
and technology of Russia

D.I. Aminov,

doctor of legal sciences, professor

Yu.M. Antonyan,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

Yu.T. Akhvlediani,

doctor of economic sciences,
professor, member of RANS

A.V. Barkov,

doctor of legal sciences, professor

A.R. Belkin,

doctor of legal sciences, professor,
member of RANS

E.V. Bogdanov,

doctor of legal sciences, professor

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor

L.D. Gaukhan,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

L.P. Dashkov,

doctor of economic sciences,
professor, Honored worker of higher
school of Russia, member of RANS

D.V. Dianov,

doctor of economic sciences, professor

O.D. Zhuk,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary prosecutor of Russia,
member of RANS

O.Yu. Ilyina,

doctor of legal sciences, professor

R.V. Ilyuhina,

doctor of economic sciences, professor

N.G. Kadnikov,

doctor of legal sciences, professor

G.M. Kaziahmedov,

doctor of economic sciences, professor

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.А. Крылов,
доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, доцент

И.А. Майбуrows,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки РФ

М.М. Максимцов,
доктор экономических наук,
профессор, Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences, professor

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher education of Russia

I.B. Kardashova,
doctor of legal sciences, professor

V.G. Kogdenko,
doctor of economic sciences, professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences, professor

M.A. Komarov,
doctor of economic sciences, professor

I.I. Kotlyarov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.A. Krylov,
doctor of economic sciences, professor

E.I. Kuznetsova,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Kupreshchenko,
doctor of economic sciences, professor

S.Ya. Lebedev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.N. Levushkin,
doctor of legal sciences, associate professor

I.A. Mayburov,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Maylis,
doctor of legal sciences,
professor, Honored lawyer of Russia,
Honored worker of science of Russia

M.M. Maksimtov,
doctor of economic sciences,
professor, Honorary worker of higher
professional education of Russia

V.P. Malakhov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

V.B. Mantusov,
doctor of economic sciences, professor

G.B. Mirzoev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Ф.Г. Мышко,
доктор юридических наук

А.М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

А.Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

В.С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

А.С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

С.Г. Симагина,
доктор экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
доктор юридических наук

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

A.L. Mironov,
candidate of legal sciences, associate professor

N.V. Mikhailova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

R.S. Mulukaev,
doctor of legal sciences, professor, Honored worker
of science of Russia, member of RANS

F.G. Myshko,
doctor of legal sciences

A.M. Osavelyuk,
doctor of legal sciences, professor

A.Yu. Olimpiev,
candidate of legal sciences,
doctor of historical sciences

V.S. Osipov,
doctor of economic sciences, professor

G.B. Polyak,
doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,
member of RANS

A.S. Prudnikov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

S.G. Simagina,
doctor of economic sciences, associate professor

A.V. Simonenko,
doctor of legal sciences, professor

L.V. Tumanova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

E.N. Khazov,
doctor of legal sciences, professor

O.V. Khimicheva,
doctor of legal sciences, professor

N.M. Chepurnova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.P. Shergin,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate
of legal sciences, doctor of economic sciences,
professor, winner of an Award of the Government
of Russia in the field of science and technology

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*

Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

*В подготовке номера
участвовали:*

А.Л. Миронов
*кандидат юридических наук,
доцент*
И.И. Кубарь
кандидат юридических наук,
А.И. Антошина,
М.И. Никитин,
Л.С. Антоненко,
Д.Е. Барикаева,
Т.А. Гридчина

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**ФГОУ ВПО «Академия
экономической безопасности
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**
Приказом МВД России № 716
от 24 июня 2011 г. Академия
реорганизована путем
присоединения к Московскому
университету МВД России
имени В.Я. Кикотя

129329, г. Москва, ул. Кольская, д. 2

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16

**Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» – 81108**
Подписано в печать
20 июля 2015 г.
Цена свободная

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2015

Круглый стол «Радикализм в современном мире»

Обращение Начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя генерал-майора полиции И.А. Калининко к участникам Круглого стола	6
БЕЛЬСКИЙ В.Ю. Радикализация современной Европы как угроза социальному прогрессу.....	8
БОРОЗДИН А.Н. Радикализм как социально-политический феномен.....	12
ГУСЕВ Н.Н. Радикализм в социологическом измерении.....	17
КОСТИН А.И. Стратегия устойчивого развития цивилизации как концепт радикального общественного выбора.....	21
ЛЕПЕХИН В.А. Радикализация как способ воздействия на политические процессы и противодействие ей.....	27
ОПАЛЕВ А.В. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества.....	31
ЛОЩАКОВ Д.Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе и ее факторы.....	35
ОЛЕЙНИК В.И. Радикальный ислам в современном мире: политический аспект.....	40
СЕЛЕЗНЕВ И.А. Феномен радикального политического ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России.....	43
КОПЫЛОВ И.А. Фундаментализм в идеологии и практике современного радикального исламизма.....	46
ПОЛОЗОВА И.В. Христианский радикализм и его проявления в общественной жизни России.....	50
КАФТАН В.В. Теоретические основания конструирования идеологии радикального национализма.....	54
МАКЕЕВ А.В. Радикальный национализм как проявление политической деструктивности.....	59
АНДРИЯНЧЕНКО Е.Г. Радикальный национализм как социально-психологическое явление и факторы его формирования в российском обществе.....	62
ГАЛИЦКИЙ В.П. Радикализм в национальных отношениях в современной России и проблема «Русского национализма».....	66
ТКАЧЕНКО А.Г. Укрепление российской национальной идентичности как противодействие радикальному национализму.....	70
ВЫСОЦКИЙ Д.А. Проявления радикального национализма и административное противодействие ему в российском обществе.....	75
КОШКАРОВА Ю.А. Фашизм как разновидность правого радикализма.....	78
САЦУТА А.И. Социально-политические силы и проявления современного украинского радикализма.....	81
ГУДИМЕНКО Д.В. Украинский радикальный национализм: идеология войны и террора.....	85
МОИСЕЕВ А.Б. Некоторые особенности либеральной радикализации массового сознания с использованием рунета.....	87
БАЗАРНОВ М.А. Морализирование и моральный террор как антиподы нравственного воспитания.....	92
БОГДАНОВ А.В., ДОРОЖКО Ф.Л., ХАЗОВ Е.Н. Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика.....	95
ГОРОХОВА В.В. Формирование толерантного поведения и культуры межнационального общения у сотрудников полиции.....	100
КУШНАРЕНКО И.А., ЭРДНИЕВ А.С. Формирование профессионально- нравственных качеств личности курсантов ВУЗов МВД России.....	103
МОРОЗОВ И.А. Место бюджетов муниципальных образований в бюджете региона (на примере Костромской области).....	107
ПАШКОВ В.И. Вклад великого князя Александра Невского в развитие традиций духовно-нравственного воспитания русских воинов.....	111
РЕУЦКАЯ Г.М. Доверие как категория профессиональной этики.....	115
СУРОВА Н.Ю., КОСОВ М.Е. Инновационный подход к управлению процессами интеграции системы образования, вузовской науки и бизнеса для развития предпринимательской среды.....	119
ЭРИАШВИЛИ Н.Д. Периодизация истории развития уголовного законодательства России о присвоении и растрате чужого имущества.....	124

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА», журналом
«Закон и право»

• Мнение редакции может
не совпадать с точкой зрения
авторов публикаций.
Ответственность за содержание
публикаций и достоверность
фактов несут авторы материалов.
В первую очередь редакция
публикует материалы своих
подписчиков.

• Редакция не вступает
в переписку с авторами писем,
рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

• При перепечатке
или воспроизведении любым
способом полностью
или частично материалов
журнала ссылка на журнал
обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Зако-
на РФ от 27 декабря 1991 г.
№ 2124-1 «О средствах массовой
информации» письма, адресо-
ванные в редакцию, могут быть
использованы в сообщениях
и материалах данного средства
массовой информации, если
при этом не искажается смысл
письма. Редакция не обязана
отвечать на письма граждан
и пересылать эти письма
тем органам, организациям
и должностным лицам, в чью
компетенцию входит
их рассмотрение. Никто
не в праве обязать редакцию
опубликовать отклоненное
ею произведение, письмо, другое
сообщение или материал, если
иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).

Отпечатано в типографии
«Буки Веди» ООО «Ваш
полиграфический партнер»
Москва, Ильменский пр-д., д. 1,
корп. 6
Тел. 8 (495) 926-63-96

BULLETIN

OF ACADEMY OF ECONOMIC SECURITY OF MIA OF RUSSIA

Contents № 6 • 2015

Round table «Radicalism in the modern world»

The appeal of the Head of the Moscow University of the MIA of Russia name of V.Ya. Kikot general major of police	
I.A. Kalinichenko to the participants of the Round table.....	6
BELSKIY V.Y. The radicalization of modern Europe as a threat to social progress.....	8
BOROZDIN A.N. Radicalism as a socio-political phenomenon.....	12
GUSEV N.N. Radicalism in sociological measurement.....	17
KOSTIN A.I. The strategy of sustainable development of civilization as a concept of radical social choice.....	21
LEPEKHIN V.A. Radicalization as a way of influencing political processes and responses to it.....	27
OPALEV A.V. The causes of radicalism among the youth of the modern Russian society.....	31
LOSCHAKOV D.G. The radicalization of youth in contemporary Russian society and its factors.....	35
OLEYNIK V.I. Radical Islam in the contemporary world: political aspect.....	40
SELEZNEV I.A. The phenomenon of radical political Islam in delinquent environment in modern Europe and Russia.....	43
KOPYLOV I.A. Fundamentalism in the ideology and practice of modern radical Islamism.....	46
POLOZOVA I.V. Christian radicalism and its manifestations in public life of Russia.....	50
KAFTAN V.V. Theoretical foundations of the construct of the ideology of radical nationalism.....	54
MAKEEV A.V. Radical nationalism as a political destructiveness.....	59
ANDRIYANCHENKO E.G. Radical nationalism as a socio-psychological phenomenon and the factors of its formation in the Russian society.....	62
GALITSKII V.P. Radicalism in national relations in modern Russia and the problem of «Russian nationalism».....	66
TKACHENKO A.G. The strengthening of Russian national identity as a counteraction to radical nationalism.....	70
VYSOTSKY D.A. Manifestations of radical nationalism and the administrative response in Russian society.....	75
KOSHKAROVA J.A. Fascism as a kind of right wing radicalism.....	78
SATSUTA A.I. Socio-political forces and manifestations of modern Ukrainian radicalism.....	81
GUDIMENKO D.V. Ukrainian radical nationalism: ideology of war and terror.....	85
MOISEEV A.B. Some features of liberal radicalization of public consciousness with the use of Runet.....	87
BAZARNOV M.A. The morals and moral terror as the antipodes of moral education.....	92
BOGDANOV A.V., DOROZHKO F.L., KHAZOV E.N.	
Threats and challenges of extremism and terrorism in the modern world: investigative characteristics.....	95
GOROKHOVA V.V. The formation of tolerant behavior and culture of interethnic communication from officers.....	100
KUSHNARENKO I.A., ERDNEV A.S. Formation of professional and moral qualities of the person of students of universities of Russian Interior Ministry.....	103
MOROZOV I.A. Place of municipal budgets in the budget of the region (on example of the Kostroma region).....	107
PASHKOV V.I. The contribution of great Prince Alexander Nevsky in the development of traditions of spiritual and moral education of Russian soldiers.....	111
REUTSKAJA G.M. Trust as a category of professional ethics.....	115
SUROVA N.U., KOSOV M.E. An innovative approach to process management integration system of education, university of science and business for the development of business environment postgraduate.....	119
ERIASHVILI N.D. Periodization of history of development of criminal legislation on misappropriation and embezzlement of somebody's property.....	124

**ОБРАЩЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ПОЛИЦИИ
ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЛИНИЧЕНКО,
КАНДИДАТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
К УЧАСТНИКАМ КРУГЛОГО СТОЛА**

Уважаемые товарищи!

Приветствую Вас – участников круглого стола «Радикализм в современном мире», организованного кафедрой социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя!

Радикализм в современном мире – проблема актуальная, требующая основательного теоретического анализа и осмысления, всесторонней и комплексной оценки с практических позиций. В ней отражаются самые различные аспекты, как современных международных отношений, так и общественных отношений в отдельных странах, взаимодействия и взаимосвязей социальных институтов, образований и групп.

Современный радикализм явление сложное и многоликое. Это, прежде всего, теория, содержание которой составляют концепции и идеи о том или ином общественном устройстве, путях и способах

его достижения. Это политическая идеология, положения и принципы которой составляют идейную основу практических действий определенных социально-политических сил, их программных целей и задач. Радикализм представлен и различными организационно-оформленными объединениями, движениями и течениями политической, социально-классовой, религиозной, националистической и другой направленности, ориентированными на те, или иные общественные преобразования, завоевание, перераспределение и использование политической власти. Это также внутренняя и внешняя политика современных государств. Лейтмотивом всех этих характеристик радикализма является установка на решительные действия в общественно-политическом пространстве, на использование многообразия средств, способов и приемов, вплоть до экстремистских и силовых, для обеспечения ко-

ренных изменений в современном мироустройстве, геополитической обстановке, в отдельных странах, в развитии той или иной общественно-политической ситуации.

Практика радикализма не однозначна. Исторически она не только давала человечеству шанс через революционные преобразования подняться по ступеням общественного прогресса, но и приводила к краху цивилизаций. И в наше время остро стоит вопрос о возможных позитивных и негативных результатах и последствиях радикальной практики. При этом особое беспокойство, как политиков, так и научной общественности, вызывает тенденция к преодолению радикализмом той тонкой грани, которая разделяет его с экстремизмом, не считающимся ни с чем во имя достижения своих целей.

В современном мире действует широкий спектр различных сил, которые как открыто заявляют о своих радикальных намерениях, так и лицемерно скрывают их под маской демократических ценностей, миролюбия и справедливости. Именно они в последние годы коренным образом изменили обстановку в арабском и в целом в исламском мире. Отдельные политические режимы в нем, ранее относительно устойчивые и жизнеспособные, дестабилизированы или уничтожены. Радикальное вмешательство извне при поддержке внутренних радикальных сил привело к политическому коллапсу в некоторых странах мусульманского мира, срыву целых пластов многовековой цивилизованности и культуры народов. Нарушены и продолжают нарушаться нормы международного права, права человека, в том числе право на жизнь.

Нельзя игнорировать и тот факт, что подобные, по сути, процессы, получившие название цветных революций, происходят в отдельных частях пространства бывшего СССР, подтверждением чему является современная ситуация в Украине. Геополитическая близость России с этими районами нестабильности, проницаемость границ, создают угрозу проникновения на ее территорию радикальных элементов, радикальных и экстремистских групп с целью осуществления различного рода провокаций, проведения террористических актов и в целом дестабилизации общественно-политической обстановки в стране.

Следует иметь в виду, что и в российском обществе существуют радикальные настроения у отдельных категорий населения, идеологов и политиков, в некоторых регионах. Ситуация на Северном Кавказе, события на Болотной площади в Москве в мае 2012 г., ряд событий и фактов в столице, других

городах и регионах страны свидетельствуют о том, что для решения общественно-значимых и даже социально-бытовых проблем, а также для достижения различных, в том числе политических, целей разными силами могут быть использованы незаконные, нелегитимные средства и способы, вплоть до экстремистских. В этих условиях возрастает роль правоохранительных органов и органов внутренних дел, в частности, в обеспечении правопорядка. Министрство внутренних дел Российской Федерации в связи с фактами распространения правонарушений, связанных с проявлениями радикализма, требует всесторонней проработки вопросов противодействия радикализму как угрозе общественной безопасности и фактору обострения криминогенной обстановки.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя ведется напряженная работа по подготовке высококвалифицированных кадров, способных эффективно решать профессиональные задачи. Образовательный процесс ориентирован на освоение слушателями и курсантами знаниями, умениями и навыками, необходимыми им для выполнения служебных обязанностей, формирование у них общекультурных и профессиональных компетенций. Заметную роль в этом играют кафедры, формирующие основы мировоззрения обучающихся, их четкую гражданскую и профессионально ориентированную позиции по вопросам организации жизни общества и государства, в том числе о радикализме как явлении современной жизни.

Важно чтобы в курсах истории и философии, политологии и теории национальной безопасности, других учебных дисциплин раскрывались и изучались общеметодологические и частнотеоретические положения и идеи о радикализме как общественном явлении, показывалась его социальная опасность. На занятиях по юридическим дисциплинам необходимо обращать внимание на правовую базу противодействия радикализму, раскрывать методику квалификации правонарушений, связанных с проявлениями радикализма.

Уверен, что результатом круглого стола «Радикализм в современном мире» станут новые оригинальные и актуальные научные идеи о радикализме, практические предложения и рекомендации, которые будут способствовать повышению эффективности противодействия радикализму в современных условиях.

Желаю участникам круглого стола плодотворной работы и успехов в научной деятельности!

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОМУ ПРОГРЕССУ

ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ БЕЛЬСКИЙ,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассматривается процесс радикализации политических сил в западных странах и, в частности, рост популярности в них праворадикальных идей и политиков.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, неонацизм, традиционные партии, радикализация Европы, эрозия европейских ценностей, переоценка истории.

Annotation. The article discusses the process of radicalization of political forces in Western countries and, in particular, the growing popularity of them right-wing ideas and politics.

Keywords: radicalism, extremism, neo-Nazism, traditional parties, the radicalization of Europe, the erosion of European values, a reevaluation of history.

Сегодня на европейском континенте набирают силу различные радикальные движения. При этом официальная Европа (ЕС, ПАСЕ и ОБСЕ) не только безучастно наблюдает за радикализацией политической среды в европейских странах, но фактически даже поощряет укрепление, по меньшей мере, праворадикальных трендов в целом ряде из них. Достаточно привести в качестве примера прибалтийские государства и, разумеется, Украину, где правый радикализм, в его наиболее уродливой форме – нацизма и бандерофашизма – фактически стал государственной идеологией и доминантной политической практикой.

Вместе с ростом праворадикальных (националистических и неонацистских) структур все более радикальными становятся в Европе и левые партии и движения, переживающие в ряде стран (в Греции, Италии, Германии, Испании и т.п.) своего рода ренессанс и дрейфующие в сторону популистских концептов и теорий – анархизма, троцкизма, антиглобализма, трансгуманизма или исламского социализма.

Одновременно с все более отчетливым трендом на радикальное обновление политической среды в Европе происходит также трансформация традиционных политических сил. Так, умеренные правые и левые партии деградируют, теряют свои позиции среди избирателей и уже не могут и, похоже, не хотят при-

держиваться общедемократического и эволюционного дискурса. Они все больше ориентируются на навязываемые глобализмом категоричные месседжи и жесткую борьбу не только за своего, но и за чужого – маргинально-массового избирателя.

В свою очередь, массовый избиратель, почти лишенный возможности укрепления или даже сохранения традиционных комьюнити – по месту работы (профсоюзов и кооперативов) и жительства (большие семьи, кондоминимумы, дворы и т.п.) – уже не склонен к самодисциплине, взвешенным решениям и просчету будущего. Он все более руководствуется в своем мнении текущими настроениями и ориентируется на популизм и радикализм (причем, не только в риторике) – и, как справедливо утверждает директор Института ЕврАзЭС В. Лепехин, на «модели майдана и антимайдана».

По мнению В. Лепехина, сознательная деструкция и деконструкция традиционной политической системы в тех или иных странах облегчают реализацию в них технологий внешнего управления. «Основной же способ раскачки противоречий в какой-либо стране, – подчеркивает он, – поддержка в ней радикальных сил и разного рода крайностей. Причем не обязательно прозападных Внешним игрокам важно растащить все существующие в стране политические силы

к радикальным полюсам, какими бы они ни были, и предельным популизмом привлечь на их сторону народные массы, чтобы сначала направить народное недовольство против власти, а затем столкнуть радикалов между собой» [1].

Действительно, сегодня например, во Франции президент и умеренный социалист Франсуа Олланд принимает нетипичные для умеренного социалиста решения, поддерживая экономические санкции против России и фактически одобряя нацистский госпереворот на Украине. А премьер-министр Великобритании обещает гражданам провести референдум о выходе страны из ЕС, подталкивая внутренние политические силы к радикальным и непримиримым полюсам.

Понятно, что социалистическая партия Ф. Олланда, в ситуации роста популярности партий Никола Саркози и Марин Ле Пен, вынуждена бороться за каждый голос, а в Британии, если бы Дэвид Кэмерон не пообещал избирателям провести референдум о выходе из ЕС, популистская Партия независимости Объединенного Королевства отобрала бы на последних выборах некое количество голосов именно у консервативной партии. Однако верны и другие причинно-следственные связи: избиратель отворачивается от традиционных партий в том числе и потому, что те начали дрейф в сторону радикализма, популизма и коммерческой выгоды. Так что среднестатистический еврочиновник уже начинает радоваться приходу к власти в европейских странах «умеренных» радикалов, справедливо опасаясь усиления в государственных структурах откровенных нацистов или анархистов.

Очевидно, к примеру, что еврочиновники явно испытали облегчение, когда на выборах в Греции победило левое объединение радикал-популистов СИРИЗА – поскольку в случае победы правых Брюссель имел бы дело с министрами из правой Коалиции с участием неонацистской «Золотой зари», договариваться с которыми о чем-либо куда сложнее.

Ясно также, что чиновники Евросоюза и лидеры ведущих европейских стран, поддерживая «майданы» за пределами Евросоюза, фактически стимулируют эскалацию массовых протестов – с применением насилия – и в странах Европы. Ведь если можно избивать и убивать полицейских в Киеве, то почему этого нельзя, например, в Лондоне, Париже или Берлине?

В самом деле, рост активности радикальных правых наблюдается в последнее время даже в как бы наработавшей иммунитет против насилия Германии, и причиной тому – неадекватная политика правительства А. Меркель, закрывающего глаза на рост неонацистских настроений в Европе и конкретно – на Украине.

Руководители Евросоюза, похоже, не хотят понимать, что своей, мягко говоря, «толерантной» позицией в отношении совершенного в Незалежной государственного переворота и поднимающего в этой стране голову неонацизма они подписали приговор традиционным правым и левым силам в Европе и дали отмаш-

ку радикализации политической среды на европейском континенте. Хотя, возможно, приговор они себе подписали чуть раньше – когда поддержали косовских боевиков в борьбе с законной властью Сербии, а переговорам с сербским правительством предпочли бомбежки Белграда.

И когда сегодня европолитики начинают говорить об «аннексии» Россией Крыма, то что они могут возразить в ответ на аналогичный вопрос о фактическом захвате подразделениями НАТО – в союзе с албанскими боевиками – Косово? Тем более, что в случае с Косово никого из поддержавших албанское население европолитиков не интересовало мнение сербского населения края, тогда как в Крыму был проведен всенародный референдум.

Используемая сегодня европолитиками квазиправовая казуистика о «легитимных» и «не легитимных» действиях ЕС и национальных правительств в тех или иных странах направлена на то, чтобы закамуфлировать обуйавший европейских политиков (и, в первую очередь, христианских демократов и иных правых Германии) реваншизм. Неонацисты и другие правые радикалы в Европе продолжают усиливаться при их активной поддержке чиновниками ЕС и Госдепа США, и в ответ на это усиление происходят естественная радикализация левых и исламистов.

В Европе начинаются ломка и демонтаж традиционных политических структур, систем и стереотипов, так что на смену политике интересов и политических программ приходит политика настроений и эмоций, задаваемых политическими технологиями и СМИ. В результате происходит своего рода шизофренизация европейской политики. Часть правых блокируется с крайне левыми в борьбе против транснациональной и европейской олигархий, в то время как часть левых, увы, начинает бороться за установление нового мирового порядка по-американски и действовать в коммерческих интересах крупнейших транснациональных корпораций, зарабатывающих миллиарды долларов на, например, практической реализации идей трансгуманизма (биотехнологии, фармацевтика, трансплантация органов и т.п.).

Так, некогда возглавлявший польский рабочий профсоюз «Солидарность» и бывший президент Польши Лех Валенса стал одним из самых радикальных правых и, будучи не способным выдвинуть хоть какую-нибудь позитивную идею, появляется на экранах телевизоров только по причине своей откровенной русофобии. Да и сама Польша становится одним из рассадников управляемого русофобского (по сути, неонацистского) радикализма, в реваншистско-шовинистическом угаре забывая про свои истинные национальные интересы и поощряя героизацию на Украине Степана Бандеры, Романа Шухевича и иных лидеров ОУН – УПА, запачкавших себя кровью тысячами убитых ими мирных поляков.

Нацизм и политический радикализм сегодня поднимают голову в странах Прибалтики, Румынии,

Словакии, Венгрии, Финляндии, Хорватии, Албании, Австрии, Дании, Германии и многих других странах Европы. Причина такой метаморфозы – не только в естественной эрозии европейских ценностей, но и в системном и стимулируемом извне изменении отношения западных элит к политическому радикализму, все более рассматриваемому как эффективное средство манипулирования массами в мире, объективно требующих все более нетрадиционных решений.

Заметим, что общество на самом деле ожидает решительной деолигархизации и деглобализации, однако же олигархи и глобалисты разворачивают радикализирующиеся массы в прямо противоположном направлении – против традиционных правых (требующих деглобализации в пользу укрепления национальных суверенитетов) и подлинно левых сил, требующих деолигархизации мира.

В союзе с транснациональной нетократией новый мировой гегемон – США и его союзники в Европе запускают в массы соответствующие радикальные меседжи. В результате все более настойчивыми и популярными становятся утверждения, что традиционные европейские ценности устарели, что они подлежат пересмотру – в противном случае они должны быть выброшены на свалку истории.

Все это очень похоже на ситуацию в Европе перед Первой мировой войной, когда благодаря европейскому истеблишменту в западном мире модными стали идеи Ницше и Шопенгауэра, а, к примеру, Сартра, предупреждавшего о скором поражении Европы от себя самой, слышали немногие. А перед Второй мировой войной радикализм становится в Европе не просто допустимым, но и модным. И вот уже в XXI веке Европа вновь толерантно взирает на нацистскую символику, делает вид, что не замечает нацистскую риторику и фактически признает нацистские идеи, облекая их в новые формы, маскируя реваншистские настроения упреками в адрес якобы нетолерантной России.

Сегодня в Европе уже сплошь и рядом позволяет, а кое-где даже поощряется, пока только на уровне футбольных фанатов и разного рода девиантных групп, поддерживать и транслировать идеи Адольфа Гитлера. Но где гарантия, что завтра поддержка идей из «Майн Кампф» не станет мейнстримом общеевропейской политики? Тем более, что негласно многие европейские радикальные группировки уже вводят в обиход не только фашистскую символику или риторику, но также организационные и политические форматы НДСАП и иных нацистских партий и молодежных организаций времен Второй мировой войны.

Достаточно вспомнить, как происходила в последние годы военизированная подготовка молодежи на Западной Украине – сначала в закрытых лагерях под контролем инструкторов НАТО и идеологов УНА-УНСО, а сегодня из воспитанников этих лагерей сформированы карательные батальоны «Правового сектора» и украинской Национальной гвардии.

Мы видим фашистский знак «зиг» (знак подраз-

делений СС) на касках украинских солдат. Мы видим трезуб, повторяющий знак Германской нацистской танковой дивизии СС «Дас Райх» в эмблеме украинского карательного батальона «Азов», получившего добро от официальной киевской власти на зачистку Юго-Востока Украины от «сепаратистов», защищающих, кстати, идеалы Великой победы над германским фашизмом.

Мы видим также фашистские и нацистские приветствия и символику в факельных шествиях эстонской «консервативной» молодежной организации Sinine Äratuse («Синее возрождение») и в интернет-заявлениях ее лидера Яака Мэдисона (избранного, кстати, в парламент Эстонии) о том, что фашизм весьма полезен для сохранения национального государства.

Мы не можем не видеть, как в парламентах стран Балтии все активнее поднимается вопрос о необходимости реабилитации коллаборационизма, а также подразделений Waffen SS времен Второй мировой войны. А на Украине П. Порошенко превзошел всех и преподнес «подарок» ветеранам Великой Отечественной войны к 70-летию Великой победы, официально признав ОУН-УПА организацией «борцов за свободу Украины» и одновременно запретив коммунистическую символику и некоторые советские традиции.

И Европа во всех этих случаях легализации неонацизма промолчала. Согласилась (намеренно?) с тем, что фашизм, в формате бандеровщины или примитивного антисемитизма, не только оправдан в одной из стран Европы, но получает все более широкую государственную поддержку.

Что же касается стран Прибалтики, то и здесь политика реабилитации нацизма стремится к апогею. Такое ощущение, что в этих странах всерьез верят в то, что не только американцы или поляки, но вся Европа вот-вот начнут возлагать венки к памятникам легионеров и зачитают приговор, что во Второй мировой войне оккупантами и проигравшей войну стороной были русские, а победил Запад.

В принципе, переоценка результатов Второй мировой войны и роли в ней основных ее участников становится идеологической базой для роста в Европе радикальных настроений и изменения представлений в глазах европейского обывателя на то, что такое политический экстремизм и терроризм. Ведь если сначала официально уравнивать Сталина и Гитлера, то можно впоследствии оправдать любые агрессивные действия против России и русских, кем бы они сегодня не совершались, правительствами европейских стран, евронюнниками или «Правым сектором» Украины.

Вторым шагом после уравнивания Гитлера и Сталина, а также нацистов и коммунистов должен стать разворот всей Европы к новой диспозиции – исторически, политически и культурно «обоснованному» геноциду со стороны Запада по отношению к гражданам России, а также русскоязычным в различных странах Европы. И эта цель становится идеей-фикс современной Европы, наполняющейся реваншистскими настро-

ениями и осуществляющей (руками неонацистских организаций) террор в отношении суверенных государств и при этом устами своих лидеров утверждающих, что именно эти государства угрожают свободе и демократии в «цивилизованном» мире.

Как тут не вспомнить то ли абсолютно идиотское, то ли предельно циничное заявление представителя США в Совбезе ООН Саманты Пауэрс, которая обвинила Россию в том, что та, поддерживая Асада, якобы мешает Соединенным Штатам бороться с ИГИЛ [2]? Из этой же серии заявление президента Литвы Грибаускайте, назвавшей Россию «террористическим государством». И очень метким и точным в этом контексте является замечание директора Института ЕврАзЭС В. Лепехина: «глава литовского режима, покрывая устроенный у себя в стране геноцид по отношению к русскоязычному населению, называет Россию «террористическим государством», как тот известный воришка, который громче всех кричит: «держите вора!» [3].

О том, что следует противопоставить растущему политическому радикализму, подробно изложено в коллективной монографии «Терроризм как социально-политическое явление» [4] а также в ряде статей для Информационного агентства «Россия сегодня» уже упоминавшегося Директора Института ЕврАзЭС. В частности, последний в статье «Хук слева или Главное оружие России в борьбе против Запада» он замечает, что ««левый поворот» российской власти минимизирует возможность майдана внутри самой России [5]. Он позволит России приобрести имидж и репутацию защитника обездоленных и угнетаемых Соединенными Штатами стран мира, каких большинство. Но главное он обеспечит поддержку России со стороны множества правящих и иных левых партий Европы».

Действительно, у России есть шанс помешать реализации планов ключевых мировых игроков по нагнетанию международной напряженности, подталкиванию человечества к состоянию хаоса и неуправ-

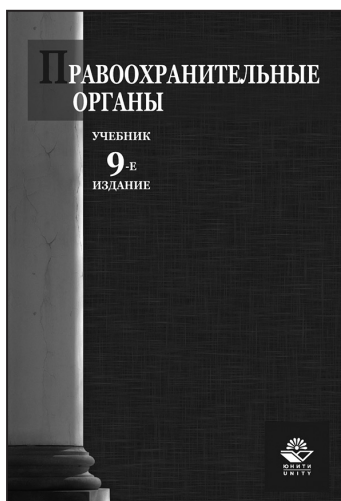
ляемости, ведущих к вооруженным конфликтам и войнам. Только она, опираясь в своей внешней политике на принципы послевоенного устройства мира и идеалы Великой победы, способна остановить радикализацию европейской и мировой политики.

Литература

1. Лепехин В.А. План уничтожения России сверстан. Дело за исполнением. Эл. доступ: <http://ria.ru/analytics/20150529/1067176148.html>.
2. См.: <http://russian.rt.com/inotv/2015-05-07/Samanta-Pauer-Podderzhivaya-Asada-Rossiya>.
3. Лепехин В.А. Что нам делать с нацистами Прибалтики? Эл.доступ: <http://ria.ru/analytics/20150522/1065982855.html>
4. См.: Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: Монография / [В.Ю. Бельский и др.] / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015. 367 с.
5. См.: Лепехин В.А. Хук слева или Главное оружие России в борьбе против Запада. Эл. Доступ: <http://ria.ru/analytics/20150413/1058293872.html>.

References

1. Lepekhin V.A. Plan for the destruction of Russia laid out. The case for execution. El. access: <http://ria.ru/analytics/20150529/1067176148.html>.
2. See: <http://russian.rt.com/inotv/2015-05-07/Samanta-Pauer-Podderzhivaya-Asada-Rossiya>.
3. Lepekhin V.A. What do we do with the Nazis in the Baltics? El.access: <http://ria.ru/analytics/20150522/1065982855.html>
4. See: Terrorism as a socio-political phenomenon. Opposition in modern conditions: Monograph / [V.Y. Belsky et al.] / ed. by V.J. Belsky, A.I. Secuty. M.:UNITI-DANA, 2015. 367 p.
5. See: Lepekhin V.A. The left hook or the Main weapon of Russia in the struggle against the West. El. Access: <http://ria.ru/analytics/20150413/1058293872.html>.

Правоохранительные органы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 447 с.

В учебнике на основе правовой категории «правоохрана» определено понятие «правоохранительный орган» и установлен исчерпывающий перечень этих органов. Правовая категория «правоприменение» позволила выделить органы, содействующие правоохране (правоприменительные органы). Посредством системного подхода установлена структура каждого правоохранительного и правоприменительного органа, раскрыты их функции и взаимосвязи.

Для студентов (курсантов, слушателей) высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, а также для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), практических работников правоохранительных органов и всех интересующихся организацией и функционированием правоохранительных и правоприменительных органов.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются сущность и разновидности радикализма как социально-политического феномена, особенности его проявления в истории и современности.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, лефтизм, общественно-политический идеал, цель, средства и методы политической борьбы.

Annotation. Described the problems of essence and varieties of radicalism as a socio-political phenomenon, and also its especial manifestations during the history and up-to-date.

Keywords: radicalism, extremism, leftism, social and political ideal, aim, means and methods of political struggle.

В идейно-политическом спектре как современного мира, так и всей предшествующей истории одно из самых заметных мест принадлежит радикализму. Социально-политический феномен радикализма так же древен и современен, как и различные формы консерватизма и прогрессизма, хотя сам термин, как считают многие исследователи, вошел в политический обиход лишь в конце XVIII века.

По сути дела, всемирная история – это история радикальных изменений, преобразований и потрясений в жизни общества: образование и распад империй, экспансионистские процессы; переход от язычества к монотеизму. Радикальный характер носил переход в Европе от феодализма Средневековья к капиталистическому обществу с Реформацией и религиозными войнами, буржуазными революциями и освящавшей их идеологией либерализма (с соответствующими установками на революционаризм, антитрадиционализм, минимизацию функций и полномочий государства, европоцентризм и т.д.). Не меньшим радикализмом характеризуется и последнее столетие: мировые войны (не считая многочисленных локальных), социалистические революции и создание мировой системы социализма, затем ее ликвидация и попытка утверждения однополярного мира, мондиализм и стремление народов к отстаиванию своего национально-государственного суверенитета, дехристианизация и моральный релятивизм (если не сказать – разложение) Западной

цивилизации, религиозно-политическая активизация исламского мира и т.д.

Значительными радикальными перипетиями характеризуется и история России: создание Древнерусского государства и крещение Руси, удельная раздробленность и освобождение от монголо-татарского ига, реформы Ивана III и Ивана IV, Смута и Раскол, Петровские реформы, победоносное противостояние в войне со всей Европой в 1812 г. и т.д. (примечательна в этом плане полемика А.С. Пушкина с П.Я. Чаадаевым по вопросу о своеобразии и величии исторического пути развития России [1]). Многие из этих радикальных преобразований сопровождались применением жесткого, вплоть до террора, политического насилия [2]. Последний XX в., за исключением может быть застойных 70-х гг., был просто насыщен радикализмом: три революции начала века, диктатура пролетариата, новое победоносное столкновение со всей Европой, ведомой уже Гитлером, а не Бонапартом. По окончании войны превращение СССР во вторую сверхдержаву мира, а затем ликвидация Советского Союза и утрата былых геополитических позиций, национал-сепаратизм и сложность сохранения реального суверенитета, попытка восстановления хотя бы части былых позиций в мире, необходимость эффективного противостояния вновь объединившемуся в своей извечной русофобии Западнему миру. Всё это свидетельства мобилизационно-радикального, зачастую на пре-

деле человеческих, национальных и государственных сил, исторического развития России.

Радикализм, таким образом, является неотъемлемым имманентным компонентом развития социума. В научной литературе существует множество различных попыток определения сущности этого социально-политического феномена на основе различных методологических подходов: психологического, специфически-инструментального, позиционного, социокультурного и т.д. [3]. Собственно термин «радикализм» является производным от лат. *radix* – корень. Еще В. Даль полтора столетия назад толковал понятия «радикальный» как – коренной, основной, а «радикал» – «политик, требующий коренных преобразований в управлении, на основании науки, отвергающий опыт» [4]. Последний тезис об отвержении опыта подспудно несет в себе негативную смысловую нагрузку. Действительно, в обыденном сознании, да и не только обыденном, радикализм и, в особенности, экстремизм, зачастую ассоциируются с потрясением устоев, волюнтаризмом, необоснованным и жестоким насилием, политическим авантюризмом. В современной же исследовательской и справочной литературе наиболее распространенным является подход, трактующий радикализм как теорию и политическую практику, «состоящие в отстаивании и применении решительных мер, которые направлены на осуществление коренных социальных преобразований» [5]. Таким образом, радикализму присущи два основных составных компонента. Во-первых, это нацеленность на коренное, кардинальное преобразование социума, т.е. его идеал принципиально (или, по крайней мере, весьма и весьма существенно) отличен от существующего общества. Если консерватор или либерал-реформатор в своей политической практике ориентированы на защиту или совершенствование существующей политической системы, то радикал, стремящийся к «осуществлению коренных общественных изменений, ... ориентирован на действия за пределами системы» [6]. То есть, общественно-политический идеал радикала несовместим с тем обществом, в котором он живет. Во-вторых, радикализму свойственна приверженность к решительным (коренным) мерам, методам, способам преобразований, т.е. радикал использует не только ненасильственные, постепенные, эволюционные средства преобразования (когда и их достаточно для достижения поставленных целей), но, если понадобится – то и насильственные, в том числе вооруженные и революционные средства [7].

Сочетание специфических идеала и средств, представляет собой, можно сказать, классический вариант феномена радикализма. Но возникает вопрос, корректно ли говорить о радикализме, когда присутствует только один из этих компонентов? В частности, может ли иметь место радикальный консерватизм? Ибо консерватизм для сохранения системы часто использует весьма радикальные средства и методы. В данном случае вероятно можно говорить о некоей гибридной, синтетической модели идейно-политического концеп-

та радикализма (или об условном, усеченном, половинчатом варианте радикальной парадигмы).

В этом отношении интересны некоторые пассажи из рассуждений известного консерватора-пессимиста О.Шпенглера на тему национальных особенностей революций в плане специфики целей и средств политической борьбы. Заявляя, что немцы – по своей сути не революционеры, он противопоставлял им, с одной стороны – революционный радикализм Франции: «Классическая страна западноевропейских революций – Франция», что «...соответствует садистскому духу этой расы». А с другой стороны – прагматически-утилитарный радикализм Англии: «Англичанин ...спокойно берет за саблю и револьвер и подчиняет себе своего противника без революционной мелодрамы. ...Англичанину важна цель, французу же средства» [8].

Подобный подход обнаруживается и в научных исследованиях некоторых современных авторов. Так И.А. Сазонов, изучая различные исторические проявления экстремизма (как крайней формы радикализма), в частности – большевизма и германского нацизма, приходит к выводу о том, что «в первом случае экстремизм проявился только на уровне средств, в то время как во втором случае он присутствовал не только в средствах, но содержался уже в самой цели деятельности» [9]. Выводы, безусловно, не бесспорны, но в данном случае привлекает внимание принцип разделения и сочетания средств и целей политической деятельности.

Одним из наиболее ярких проявлений радикализма несомненно являются войны. А если это так, то тот же О. Шпенглер по сути дела настаивал на имманентности радикализма всей человеческой истории: «Мировая история – это история государств. История государств – это история войн. ...Идеи, вошедшие в кровь, в свою очередь требуют крови. Война есть вечная форма проявления высшего человеческого бытия, и государства существуют ради войны. Они представляют собой символы готовности к войне» [10]. Предлагавшаяся Шпенглером перспектива выхода Германии из кризиса, в плане будущего общественного устройства, тоже носила в определенной степени радикальную окраску, т.к. в будущей «...организации ... сольются консервативные и пролетарские конечные цели: полная национализация хозяйственной жизни не путем конфискации, а законодательства. Однако высшее управление не может быть республиканским». Будущее Германии: «...монархически-социалистический строй...» [11].

Таким образом, радикализм не представляет собой некое единообразное и целостное явление. Этот феномен отнюдь не однозначен, разнообразен и достаточно противоречив. Радикальные движения различаются между собой как по характеру и содержанию исповедуемого общественно-политического идеала, так и по используемым средствам и методам политической борьбы – от относительно умеренных, мирных, до экстремистских. Умеренный радикализм ориентирован

в основном на легальные, парламентские, культурно-просветительские формы и методы борьбы, хотя совсем не отрицает, если понадобится, и насильственные, вооруженные средства достижения своих целей. Продуктом развития крайних форм политического радикализма является политический экстремизм (от фр. *extremisme*, лат. *extremus* – крайний), означающий приверженность к крайним взглядам и методам в политике. К экстремистским относят организации и движения, которые абсолютизируют насильственные, вооруженные – вплоть до массового террора – средства политической борьбы [12]. В зависимости от идеала радикализм традиционно подразделяется на правый и левый. Правый радикал, ориентируясь на основательное, кардинальное преобразование существующего общества, убежден, что страну необходимо вернуть – если понадобится, то и путем применения силы – на «истинный путь», возродить традиционные идеалы и ценности. У него сильная приверженность прошлому, по-разному понимаемому, соседствует со стремлением изменить *status-quo* и с подлинным новаторством в общественной деятельности [13].

Для того, чтобы не путать этот специфический традиционализм правых радикалов с традиционализмом консерваторов, некоторые исследователи предлагают его называть архаизмом. Традиционализм консерватизма направлен на сохранение существующих отношений. «Консерватизм появляется тогда, когда издавна существующий порядок начинает испытывать тотальную угрозу, но еще существует и кажется тем, кто его защищает, жизнеспособным и наилучшим. ... Архаист появляется тогда, когда этот излюбленный порядок полностью или почти полностью уничтожен и возрождение его потребует исправления нового порядка, складывания общества заново во имя идеала, который столь же неприемлем для действительности, как и идеи самых крайних, устремленных в будущее утопистов. Консерватизм стремится упрочить существующий строй, архаизм – уничтожить его, потому что эти две ориентации непримиримы. Объединяет их лишь то, что обе они обращаются к прошлому как к единственному источнику образцов, необходимых современному обществу. Консерватизм последовательно антиреволюционен, архаизм – в зависимости от обстоятельств – революционен или контрреволюционен» [14]. Таким образом, архаизм, это тот же правый радикализм, появляющийся тогда, когда восставшие против *status-quo* социальные группы или классы стараются изобразить свои стремления к возвращению утраченного как возврат к прошлому или же его воскрешение и создают революционно-традиционалистские идеологии.

Правый радикализм имеет весьма долгую историю, но особенно ярко и жестко правый радикализм и экстремизм проявили себя в последнее столетие. Классические образцы первой половины XX столетия – итальянский фашизм и германский нацизм в дальнейшем были дополнены различными национальными

вариантами во многих странах: франкистский режим в Испании, салазаровский в Португалии, пиночетовский в Чили и т.д. Здесь же необходимо упомянуть и такие движения и организации как Итальянское социальное движение, Республиканская и Национально-демократическая партии в ФРГ, Национальный фронт в Англии, Ку-Клукс-Клан и нацистская партия в США, «Новые правые» в странах Западной Европы и частично в США, а также уверенно набирающий в последнее десятилетие популярность и политическое влияние Национальный фронт Франции. В России довольно умеренные праворадикальные организации начала XX в. в лице правомонархических («черносотенных») партий и Всероссийского национального союза (партия националистов) в постсоветский период (в советскую эпоху праворадикальные организации на территории СССР были ликвидированы) проявили себя в виде таких объединений и партий как различные группировки «Памяти», Национально-республиканская партия России, РНЕ и т.п. В то же время на территории России начали действовать и такие правоэкстремистские религиозные организации как «Партия исламского освобождения», «Хизб-ут-Тахрир», «Джамаат» и т.д.

Таким образом, видно, что сама сущность правого радикализма предполагает широкое разнообразие его теоретических концепций и идеологических установок и пристрастий, а также используемых средств, методов и способов политической деятельности, которые определяются конкретно-историческими условиями и национально-культурной спецификой, традициями и менталитетом народа каждой отдельно взятой страны или региона.

Антиподом правого радикала является левый радикал. Объединяемые с правыми критическим отношением к существующему обществу и стремлением подвергнуть его основательным преобразованиям, левые радикалы, в отличие от них, порывают не только с настоящим, но и с прошлым. Левые – последовательные антитрадиционалисты. Их идеал, не будучи связанным с историческим прошлым, национально-государственной традицией, конструируется произвольно-умозрительно, волюнтаристски-рационалистически и полностью устремлен в будущее. Их общественный идеал – нечто совершенно новое, абсолютно неизведанное, не имеющее аналогов в истории. Эта специфическая особенность левого радикализма нашла свое весьма яркое отражение в чеканных строфах «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, – кто был ничем, тот станет всем».

В последние столетия наибольшее распространение и влияние в мире имел, пожалуй, именно левый радикализм (хотя XX в. был свидетелем и достаточно мощного подъема правого радикализма и экстремизма, сначала в форме фашизма и нацизма, а в конце века – радикальных религиозных, прежде всего исламских, движений и неонацизма). Леворадикальный характер носили буржуазные, либерально-демократические

силы в эпоху своего революционного прихода к власти (XVI–XIX вв.), а затем и пришедшие им на смену социалистические и коммунистические движения XIX–XX вв. В сознании же обывателя в Западной Европе и США под влиянием официальной пропаганды радикализм воспринимался как некое более широкое и эмоционально-конфронтационное явление, противостоящее общепринятым, устоявшимся нормам и правилам жизни, а в идейно-политическом аспекте как левая альтернатива либерализму и консерватизму [15].

Так же как и правый, левый радикализм в зависимости от приверженности к определенным средствам, методам и формам политической борьбы подразделяется на относительно умеренный и экстремистский. Но здесь необходимо подчеркнуть, что единого, общепринятого подхода к тому, какие идейно-политические течения относить к умеренно радикальным, а какие к экстремистским, в современной литературе нет. Некоторые зарубежные исследователи в качестве синонима левому экстремизму используют термин – «лефтизм» (Leftism) и полагают, что «систематический лефтизм выступает в форме *альтернативы* ... марксизму-ленинизму», причем альтернативы слева, а не справа (как то – социал-демократия, лейборизм, кооперативные движения, социальный либерализм и т.д.). «Критицизм слева, так сказать критика, представляющая собой *революционную альтернативу*» марксизму-ленинизму является сутью лефтизма (или экстремизма), включающего в себя как традиционные революционные течения типа анархизма, анархо-синдикализма, революционного синдикализма, так и возникшие в XX столетии новые левые движения [16].

В советской исследовательской литературе термины «левый радикализм» и «левый экстремизм» в основном использовались применительно как к крайне левым немарксистским течениям, так и к левацким группировкам внутри коммунистического движения (развернутая характеристика таковых дана, например, в известной работе В.И. Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»), а также к леворадикальным образованиям, хотя бы частично провозглашавших свою приверженность коммунистической идеологии (анархо-коммунизм, троцкизм, маоизм, «Новые левые», «Фракция Красной армии» в Германии, «Красные бригады» в Италии, «Сандеро Луминосо» в Перу, полпотовцы в Камбодже и т.д.) [17]. Но если исходить не из политических пристрастий и конъюнктуры, а из существа дела, то совершенно очевидно, что коммунистическое движение в XX в. носило четко выраженный леворадикальный (а иногда и левоекстремистский) характер. В постсоветской России КПРФ по своим идеологическим позициям и практической деятельности все-таки ближе к современной западной реформистской социал-демократии, чем к ВКПб или КПСС советского периода. Это законопослушная партия, действующая в рамках того, что разрешено правительством; и, несмотря на то, что на уровне лозунгов выступает за смену существующего режима, все-таки

это партия системной оппозиции. К леворадикальной направленности можно отнести ряд партий и организаций, выступивших против социал-демократической переориентации и провозгласивших приверженность традиционным, советского периода ценностям и принципам коммунистической идеологии: РКРП-РПК, КПСС-СКП, ВКПб, «Трудовая Россия», РКСМ(б), РККА и др. Но эти политические образования даже по сравнению с теряющей популярность и политический вес КПРФ, не заняли место влиятельной политической силы в партийном спектре России. В то же время, исторические перспективы, потенциал левого радикализма в России вряд ли исчерпаны и в случае обострения социально-экономической ситуации он может быть вновь востребован достаточно широкими массами населения и политически актуализирован.

Первое постсоветское десятилетие было озаглавлено и таким феноменом, как попытка тактического объединения правых и левых политических сил на основе общего неприятия утверждавшегося нового либерально-демократического мирового порядка, получившая со стороны либерал-демократов такое определение-ярлык, как «красно-коричневые». В практически-политическом плане это нашло отражение во временном объединении правых и левых в таком политическом движении как «Фронт национального спасения». А в идейно-теоретическом отношении наиболее ярко и эмоционально было сформулировано в свое время А. Дугиным, заявлявшего, что «анархисты, фашисты, коммунисты, левые националисты, неконформисты оказываются в одном лагере, несмотря на все внутренние противоречия. ...Такая диспозиция сил свойственна постсоветской картине мира. ...Мы вступаем в совершенно уникальную пору Новой Агрессии, где все бывшие противоположности, противоборствующие стороны, противники и враги резко перестраивают свои ряды». Основа подобного сближения правого и левого радикализма состоит «...в радикальном отказе от признания легитимности существующего строя и в логическом оправдании преступления его нормативов» [18]. В настоящее время можно констатировать, что попытки такого рода объединения остались в прошлом, по крайней мере в отношении России. Но нет никаких гарантий, что в будущем, в новых условиях, такие процессы не могут быть реанимированы. Тем более, что, по мнению некоторых исследователей, подобные союзы не являются чем-то исключительным. Достаточно вспомнить (пусть и далеко не бесспорные) рассуждения в 1930 г. С.Л. Франка, правда, в отличие от А. Дугина, рассматривавшего эту проблему с совершенно противоположной, а именно – либерально-демократической позиции: «Практически крайне важно, что различие в этом смысле между “правым” и “левым” *менее существенно*, чем различие между *умеренностью* и *радикализмом* (все равно – “правым” или “левым”). Правые «несмотря на свою острую ненависть к “левым” в других отношениях, ...иногда солидаризируются с теми “крайними

левыми», которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве левой властью...» [19]. Для подобных выводов, вне всякого сомнения, есть определенные основания, но только в плане обоснования возможности временного, тактического союза перед лицом общего противника. Но если брать во внимание стратегические задачи, конечные цели этих движений, то существенные различия между ними, если не сказать противоположность, – совершенно очевидны. Архаизм, традиционализм и национализм правых радикалов вероятнее всего не сможет органично сочетаться и мирно ужиться с прогрессизмом, антитрадиционализмом и волонтаристским рационализмом левых радикалов.

Таким образом, вряд ли будет обоснованным рассматривать идеологический и практически политический феномен радикализма как нечто случайное и нежелательно-негативное в функционировании и развитии социума. Он так же неизбежен и органичен для социально-политической жизни общества, как и эволюционно-реформаторские формы развития политического процесса. Актуализация тех или иных форм зависит от конкретно-исторических условий и задач, стоящих перед страной и соответствующими социально-политическими силами и их расстановкой.

Литература

1. См.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. в десяти томах. М., 1982. Т. X. С. 336–337.
2. См.: *Бороздин А.Н.* Проблема политического насилия и террора в истории русской политической мысли // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 26–30.
3. См. напр.: *Авцинова Г.И.* Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1995. № 3.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р-В. М., 1995. С. 7.
5. Политологический словарь. В 2-х ч. // Под ред. Мигولاتьева А.А. Ч. II. М., 1994. С. 45. См. так же: *Бороздин А.Н., Сацута А.И.* Политология в понятиях, категориях и персоналиях: словарь-справочник. М., 2012. С. 56; и др.
6. Современное политическое сознание в США. М., 1980. С. 254.
7. О проблеме политического насилия и террора см.: *Бороздин А.Н.* Проблема политического насилия и террора в истории русской политической мысли // Вестник Московского университета МВД России. 2014, № 9; Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / [В.Ю. Бельский, А.Н. Бороздин и др.] / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015.
8. *Шпенглер О.* Прусская идея и социализм // Пессимизм? М., 2003. С. 140.
9. *Сазонов И.А.* Природа и исторические формы

политического экстремизма (на примере политического развития России в XX веке): Автореф... дисс. на соиск. уч. степени канд. полит. наук. М., 2004. С. 25.

10. *Шпенглер О.* Прусская идея и социализм // Пессимизм? С. 194–195.
11. *Там же.* С. 246–247.
12. См.: *Бельский В.Ю.* Современный терроризм как социально-политическое явление: концептуально-теоретический анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 11–15.
13. См.: *Баталов Э.Я.* Современное политическое сознание в США. М., 1980. С. 254.
14. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 390.
15. См.: *Albert Michael.* What Is To Be Undone. Boston, 1974; *Communism and the New Left.* Washington, 1969; *Hobsbawm E.J.* Revolutionaries. New York, 1975; *Riepe Dale.* The radical student movement // Reflections on revolution. Bridgeport, 1971; *Keniston Kenneth.* Young Radicals. New York, 1968; и др.
16. *Gombin Richard.* The Origins of Modern Leftism. Suffolk, 1975. P. 9, 17.
17. См.: *Бельский В.Ю.* Современный терроризм как социально-политическое явление: концептуально-теоретический анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2014, № 9. С. 12; Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 150–151, 400.
18. Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 7. С. 2–6, 18.
19. *Франк С.Л.* По ту сторону «правого» и «левого» // Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 233.

References

1. See: *Pushkin A.S.* sobr. op. in ten volumes. M., 1982. T. X. P. 336–337.
2. See: *Borozdin A.N.* The problem of political violence and terror in the history of Russian political thought // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2014. No. 9. P. 26–30.
3. См. eg.: *Avtsinova G.I.* Political radicalism in Russia: conceptual approaches to the concept and ways of neutralization of // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science. 1995. No. 3.
4. *Dahl V.* Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 volumes, volume 4: P-V. M., 1995. P. 7.
5. Political science dictionary. In 2 vols. / ed Migrative A.A. P. II. M., 1994. P. 45. См. also: *Borozdin A.N., Sacuta A.I.* political Science in concepts, categories and personalities: the dictionary-directory. M., 2012. P. 56; etc.
6. Modern political consciousness in the USA. M., 1980. P. 254.
7. About the problem of political violence and terror see: *Borozdin A.N.* The problem of political violence and terror in the history of Russian political thought // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2014, No. 9; Terrorism as a socio-political phenomenon. Opposition in modern conditions: monograph / [V.J. Belsky, A.N. Boroz-

din et al.] / ed. by V.J. Belsky, A.I. Secuty. M.: UNITI-DANA, 2015.

8. *Shpengler O.* Prussian idea and socialism // *Pessimism?* M., 2003. P. 140.

9. *Sazonov I.A.* Nature and historical forms of political extremism (on the example of the political development of Russia in the twentieth century): abstract of Diss.... on competition. academic degree candidate. polit. Sciences. M., 2004. P. 25.

10. *Shpengler O.* Prussian idea and socialism // *Pessimism?* P. 194–195.

11. *Ibid.* P. 246–247.

12. See: *Belsky V.U.* Modern terrorism as a socio-political phenomenon: a conceptual-theoretical analysis // *Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia.* 2014. No. 9. P. 11–15.

13. See: *Batalov E.J.* Modern political consciousness in the USA. M., 1980. P. 254.

14. *Shatskiy E.* Utopia and tradition. M., 1990. P. 390.

15. See: *Albert Michael.* What Is To Be Undone. Boston, 1974; *Communism and the New Left.* Washington, 1969; *E. J. Hobsbawm Revolutionaries.* New York, 1975; *Dale Riepe.* The radical student movement // *Reflections on revolution.* Bridgeport, 1971; *Kenneth Keniston.* Young Radicals. New York, 1968; and others.

16. *Richard Gombin.* The Origins of Modern Leftism. Suffolk, 1975. P. 9, 17.

17. See: *Belsky V.U.* Modern terrorism as a socio-political phenomenon: a conceptual-theoretical analysis // *Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia.* 2014, № 9. P. 12; *political Science: an Encyclopedic dictionary.* M., 1993. Pp. 150–151, 400.

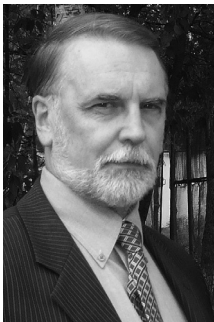
18. *Elements.* Eurasian review. 1996. No. 7. Pp. 2–6, 18.

19. *Frank S.L.* On the other side of «right» and «left» // *Unread... Articles, letters, memoirs.* M., 2001. P. 233.

УДК 316

ББК 60.5

РАДИКАЛИЗМ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУСЕВ,

доцент кафедры социологии и политологии,

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат философских наук, доцент

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются основные социологические подходы к изучению радикализма и определению его роли в функционировании социальной системы в целом и ее отдельных подсистем. Выделяются проявления радикализма в управлении обществом, а также, связанные с онтологическим, ситуативным и нравственным выбором.

Ключевые слова: радикализм, социология конфликта, структурный функционализм, социология управления, теория управления социальными процессами, социология управленческой деятельности.

Annotation. Considered the basic sociological approaches to the study of radicalism and determine its role in the functioning of the social system as a whole and its individual subsystems. Reveal manifestations of radicalism associated with managing social and ontological problem, situational and moral choice.

Keywords: radicalism, sociology of conflict, structural functionalism, management sociology, management theory of social processes, sociology of management activities.

Радикализм многолик и проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества. В настоящее время и мировое сообщество в своем развитии, фактически,

вступило в фазу назревших радикальных изменений в экономике, геополитике, взаимоотношениях цивилизаций. Это обусловило изучение радикализма раз-

личными науками, которое опирается на многообразие методологических подходов, позволяющее наиболее полно раскрыть суть данного явления. Свой вклад в эти исследования вносит и социология, решая свою часть проблемы не только в теоретическом плане, но и в ключе отраслевых теорий и эмпирических исследований. Характерно, что со времени своего становления в качестве науки и по сей день социология, как и социальная философия, находится в поисках оптимальных путей развития общества, соотношения в них эволюционных и революционных, радикальных составляющих. Вплоть до наших дней продолжают методологические линии Конта и Маркса, при всех высказываемых в их адрес сомнениях и критических замечаниях со стороны их явных и неявных последователей и противников, а также наличии концепций промежуточно-переходного, «примирительного» характера.

В обществе отношение к радикализму, как и ко многим явлениям, крайне не однозначно и во многом определяется состоянием самого социума в данный момент, а также социальными позициями оценивающих. Так в нестабильной социальной системе массовое сознание тяготеет к положительным оценкам возможных радикальных перемен, а в относительно стабильной – склонно видеть в радикализме угрозу существующему положению вещей. Во многом такое отношение связано с господствующей в обществе идеологией, идейно-политическими установками господствующих социальных и политических сил. Естественно, это не может не сказываться и на научных исследованиях проблемы, особенно в той части, в которой теория может быть использована для идеологических построений. Вместе с тем, диалектика явления радикализма доказывает, что он является необходимой составляющей общественного бытия: в одни периоды развития социума реализующейся, а в другие – существующей в виде возможности.

В общем виде радикализм является порождением конфликтов и сам является конфликтной формой социального взаимодействия. Во всех свойственных ему проявлениях он демонстрирует свою конфликтную природу. Даже противодействие и борьба с радикализмом имеют, как правило, радикальный характер и осуществляются радикальными методами, - изоляционизм, угроза применения и применение силы и т.п. При этом понятно, что общепринятая схема деления социально-политической идеологии и практики на либерализм, консерватизм и радикализм является достаточно условной. Она лишь облегчает ориентацию в политике неискушенного в ней ума и служит для ведения идеологической борьбы, влияния на массовое сознание, манипулирование им. В этом смысле даже известное противостояние и противопоставление либерализма и радикализма является следствием ситуационного выбора, предпочтения определенного способа политического действия на данный момент. Так, например, исторически в политической практике либерализм

представляет собой выродившийся радикализм революционной буржуазии, завоевавшей государственную власть и перестроившей общество в соответствии со своим групповым, классовым интересом, но в любой момент готовой во имя сохранения своего господства вернуться к радикальным методам и средствам воздействия на общество. Характерно, что в России в начале 90-х гг. XX в., проводимые в обществе либеральные преобразования, получившие название радикальных реформ, имели революционный характер и были, по сути, в своей совокупности революцией. Ее результат – коренной переворот в экономической, политической, социальной и духовной областях жизнедеятельности российского общества.

В социологии и политической науке, в той их части, которая ориентирована на изучение фактов действительности, а не на построение идеологий, наблюдается выраженное сходство, если не единство в подходах к пониманию сущности власти, политики, государства, несмотря на идейное противостояние авторов концепций. Например, М. Вебер и его последователи определяют сущность этих явлений в радикалистском ключе, связывая власть с использованием любых возможностей (то есть и тех, которые связаны с использованием радикальных средств) навязывания собственной воли, а государство с применением более или менее легитимного насилия [1], что коррелируется с традиционно относящимся к радикализму марксистским подходом к определению места и роли революции и насилия в историческом процессе, завоевании власти, построении и функционировании государства [2]. В свою очередь Р.К. Мертон, рассматривая радикалистские характеристики функционального анализа и сравнивая его с диалектическим материализмом К. Маркса и Ф. Энгельса, показывает в части диалектики совпадение их основополагающих установок и приходит к выводу о том, что функциональный анализ, как и диалектика, отнюдь не *необходимо* связан со специфическими идеологическими тенденциями [3].

В середине XX в. Р. Дарендорфом и Л. Козером были заложены основы социологии конфликта, исходящей из имманентности конфликта обществу и ориентирующей на радикальные методы его разрешения. Л. Козер характеризовал социальный конфликт как борьбу за ценности и притязания на определенный статус, власть и ресурсы, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперника [4].

Взаимовлияние социологии конфликта и политической практики привело к тому, что, во-первых, «вечность» в силу имманентности социальных (акцентированно – групповых) конфликтов ориентирует на терпимое отношение к ним, как к данности. Во-вторых, вдруг возникающее отсутствие конфликта свидетельствует о стагнации. И, в-третьих, конфликт не обязательно разрешать, т.е. действовать радикально, ликвидируя одну или обе стороны конфликта, а можно варьировать остроту противоречия, лежащего в

его основе и тем самым регулировать конфликт, управлять им.

При всем различии исходных позиций и логики выстраивания концепций социология конфликта и структурный функционализм, реализуемые в качестве методологии практической политики приводят к сопоставимым выводам и результатам.

Как известно, «проклятый вопрос» структурного функционализма – может ли система содержать внутри себя антагонистическое противоречие, т.е. нести основу конфликта и собственной гибели. Ответ на него оказался в сфере политического управления – снижение уровня конфликта, неведение его до кризисного уровня. Политически важно удерживать антагонизм в незрелом состоянии и вести линию не на снятие, а на недоразрешение антагонистического противоречия, т.е. урегулировать конфликт, а не разрешать его.

Для структурного функционализма социальный конфликт – это порождение дисфункции социальной системы в целом или ее отдельных подсистем или элементов, а сам по себе он представляет соответствующую дисфункцию. Как и всякая дисфункция, конфликт должен быть устранен в интересах оптимального функционирования общественной системы.

С точки зрения системного подхода общество, будучи целостной динамической саморегулируемой системой, взаимодействует с окружающей средой, поддерживая с ней определенный баланс, позволяющей данной системе существовать и развиваться. Если же среда проявляет изменчивость и агрессивность, то система может реагировать двояко: либо приспосабливаться к изменениям (если это не требует качественного изменения самой системы), либо активно воздействовать на среду, частично или радикально меняя ее и делая более – менее приемлемой для выживания и развития. Конечно, возможен и третий вариант, сочетающий первые два способа реагирования.

Социальная система по-разному отвечает на вызовы своего внутреннего состояния. В этом плане структурный функционализм выделил две ее функции, специализированные на решение внутренних проблем. Первая из них – функция поддержания культурного образца, некой сущностно детерминированной модели системы, обеспечивающей ее системное качество, то есть делающее ее тем, что она собой представляет. Ее выраженный защитный характер проявляется, как правило, в неприятии новаций, подозрительном отношении к ним. Фактически, – это своего рода «системная ксенофобия», отторгающая чуждые элементы как культурного, так и социального плана, являющихся носителями культурных отклонений, до тех пор, пока они не будут уничтожены или им будет определено общепризнанное место в системе. В осуществлении этой функции любая социальная система, будь то общество, семья или организация, нацелены действовать, прежде всего, радикально.

В согласовании с функцией поддержания культурной модели действует функция интеграции элементов

системы в единое целое, их мобилизации на достижение общезначимых, общесистемных целей. Интеграция элементов системы предполагает их способность к интеграции, наличие общих, задаваемых системой параметров. Внесистемные элементы не интегрируются и должны быть соответствующим образом отторгнуты системой или преобразованы в корне. Представляется возможным выделить варианты таких преобразований, в том числе и создания новых элементов на базе старых, измененных. Так система превращается в целостность.

Мобилизовать на решение общих задач, очевидно, можно лишь элементы, обладающие общим интересом, при подавлении частного, этому общему противостоящему. В свое время еще Ж.-Ж. Руссо подчеркивал, что «зло и злоупотребления, выгодные стольким людям, входят в жизнь сами собой; то же, что полезно обществу, внедряется только силой, так как частные интересы тому почти всегда противостоят» [5].

Интегративные и мобилизационные возможности государства зависят от многих факторов, но их максимальное привлечение и использование под собственным контролем в условиях реальной угрозы существованию общества и государственности приводит к радикальному выбору – установлению тоталитарного режима.

Методология системного и структурно-функционального подходов реализуется в управленческой проблематике социологии – социологии управления, теории управления социальными процессами и социологии управленческой деятельности.

Учитывая тот факт, что законы управления диктуют необходимость соответствия субъекта управления объекту управления, для воспроизводства структуры и функций управления на уровне его субъекта создаются органы, регулирующие соответствующие отношения в объекте, а также средства таковой регуляции, вплоть до насильственных.

В случае, когда субъект управления структурирован неадекватно объекту управления, возникают дисфункции как самого управляющего субъекта, так и управляемого им объекта. При этом у него есть ряд возможностей обеспечить относительную эффективность своего функционирования. Во-первых, произвести перераспределение функций и ответственности своих компонентов и (или) изменить собственную структуру. Во-вторых, представить собственный интерес господствующим социальным и политическим групп как всеобщий и обработать в этом ключе сознание управляемых для признания декларируемого ими. В-третьих, перейти к «отрицательной регуляции» (Г. Спенсер), воздействовать методами ограничения интеллектуальной и деятельностной свободы, возможности активного сопротивления. Значительную роль в этом может играть правовой радикализм, закрепляющий определенную систему господства с ее привилегиями и реализующий соответствующую юридическую практику. В-четвертых, действовать жестко, в

том числе с применением средств насилия, радикально обращая ситуацию в свою пользу. Фактически, речь идет о различных способах легитимации власти, т.е. на уровне субъекта политического управления.

Естественно, что правами на насилие наделяется главный субъект управления обществом – государство. Получается, что оно является единственным официальным носителем репрессивной функции, предполагающей применение насилия вплоть до его вооруженной формы. И с этой точки зрения государство – единственный субъект общественного процесса способный на законном и более или менее легитимном основании действовать радикально. Конечно, государство, если оно не реализует такие исторические политические феномены как тирания и деспотия, открытая диктатура и т.п., ориентируется, как правило, на возможное применение насилия и создает для этого вполне реальные материальные и духовные предпосылки. Как отмечал М. Вебер, «любое господство как предприятие (Herrschaftsbetrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, – посредством этого подчинения – в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления» [6].

Однако вполне понятно, что даже если государственный радикализм существует в потенции, то рано или поздно при определенных условиях будут возникать некие образования вне государства, которые предполагают, среди прочего, или делают исключительную ставку на радикальное противодействие государственному радикализму. Такова в общих чертах вполне макиавеллистская картина политической стороны управленческой проблематики социологии.

Ее дополняет исследование радикализма в ключе социологии управленческой деятельности. Исходным пунктом здесь, как правило, является анализ поставленной субъектом управления цели. Цель, как субъективно положенный и идеально представленный результат, предопределяет выбор методов и средств деятельности. При этом само целеполагание обуславливается объективными и субъективными факторами. Его характер в любом случае зависит от субъекта управленческой деятельности, его установок и мотиваций. Психологические установки субъекта управленческой деятельности на исключительно радикальные решения проблем и соответствующая постановка цели являются определенного рода патологией, девиацией и исследуется за рамками социологии управления. В случае же установки субъекта управленческой деятельности на оптимальное решение проблем возникает ситуация выбора методов и средств действия без идеологической ангажированности и субъективных предпочтений, хотя возможность последних существует и должна учитываться.

Установка на выбор оптимального решения проблемы предполагает наличие и радикального варианта с соответствующей мотивацией. Поэтому применение радикальных средств и методов управления, если оно детерминировано объективными обстоятельствами, является нормальным для управленческой деятельности. Правда, идеологически и политически бывает выгодно создать эти обстоятельства и оправдать предпринимаемые меры. Это означает, что даже за претендующими на объективность исследованиями радикализма может тянуться более или менее длинный идейно-политический шлейф.

Радикализм как управленческая проблема может проявляться на всех фазах цикла управления, но, главным образом, представлен в функции принятия управленческого решения. В объективном плане это связано с анализом и оценкой обстановки в процессе принятия решения. Сюда обычно включаются анализ соотношения сил с конкурирующими системами во внешней среде, наличие собственных ресурсов и факторов поддержки или противодействия извне, внутренних факторов, представляющих угрозу социальной системе, фазу развития всевозможных конфликтов, в которых она задействована, пространственно-временные параметры и т.д. В сопоставлении результатов анализа с целями управления вырабатывается алгоритм действий. При этом система управления в решении задачи сохранения системы снимает идеологические ограничения, и для нее главным критерием эффективности управления выступает адекватность принятого решения сложившейся ситуации. Соответственно принятому управленческому решению формируется и его идейное обоснование, а проблема радикализма сводится к вопросу об обеспечении эффективности функционирования социальной системы.

Таким образом, с точки зрения социологии, радикализм – явление более широкого плана, чем тиражируемые для массового сознания представления о нем. Радикализм – это не только и не просто идеи и действия, стремления и склонности определенного характера, но и форма разрешения социальных конфликтов, форма перевода социальной системы на качественно новый уровень, способ создания (рождения) новой социальной системы, обеспечения ее самосохранения, саморегуляции, реализуемый соответствующим режимом функционирования системы управления. Вместе с тем, радикализм – это и своеобразная форма протеста, проявляющаяся в стремлении управляемых донести до руководящих субъектов проблемы, связанные с их коренными жизненными потребностями.

Радикализм всегда связан с проблемой онтологического, ситуативного и нравственного выборов. В связи с тем, что деятельность, носящая радикальный характер приводит к усилению дестабилизирующих факторов, снижению уровня предсказуемости протекания общественно-политических процессов, она подвержена тенденции смещения к экстремизму, а, следовательно, порождению новых реальных угроз

существованию социума. В этом смысле противодействие радикализму и борьба с ним в стабильном обществе является целесообразной, политически и нравственно оправданной.

Литература

1. См.: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922. P. 28; *Weber M.* Избранные произведения. М., 1990. С. 645.
2. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 447; Там же Т.22. С. 200–201.; *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч., 5-е изд. Т. 39. С. 73.; Там же. Т. 33. С. 8.
3. См.: *Мертон Р.М.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 401–406.
4. См.: *Coser L.A.* The Functions of Social Conflict. London: Free Press, 1956. P.8.
5. *Руссо Ж.Ж.* Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире. М.: Соцгиз, 1963. С. 148.

6. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 648.

References

1. See: *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922. P. 28; *Weber M.* Selected works. M., 1990. P. 645.
2. See: *Marx K., Engels F.* Soch. Vol. 4. P. 447; Vol. 22 ibid. S. 200–201.; *Lenin V.I.* Poln. SOBR. Soch., 5-e Izd. V. 39. P. 73.; Ibid. T. 33. P.8.
3. See: *Merton R.M.* Manifest and latent functions // The American sociological thought: Texts / ed. by V.I. Dobrenkov. M.: MSU Publishing house, 1994. P. 401–406.
4. See: *Coser L.A.* The Functions of Social Conflict. London: Free Press, 1956. P. 8.
5. *Rousseau J. J.* the Judgment of an eternal world // Treatises on the eternal world. M: Sieges, 1963. P. 148.
6. *Weber M.* Politics as a vocation and a profession // Selected works. M., 1990. P. 648.

УДК 316
ББК 60.5

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК КОНЦЕПТ РАДИКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ КОСТИН,
профессор кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор философских наук, профессор
E-mail: ankost@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются особенности стратегии устойчивого развития цивилизации и различные подходы к перспективам радикального изменения модели общественного устройства. Особое внимание уделено проблеме политического развития в условиях цивилизационного и глобального экологического кризиса.

Ключевые слова: стратегия, устойчивое развитие, цивилизация, общественное устройство, радикальные изменения, глобальный экологический кризис.

Annotation. Analyzed the features of the strategy of sustainable development of civilization and the various approaches to the prospects of radical change model of social organization. Special attention is paid to the problem of political development in the context of civilization and the global environmental crisis.

Keywords: strategy, sustainable development, civilization, social devices, radical change, global environmental crisis.

В глобальной политике более двух десятилетий весьма остро стоит вопрос о взаимосвязанных практических мерах на планетарном, региональном и национальном уровнях, ведущих к формированию модели экологически устойчивого развития, концепция которой в рамках Организации Объединенных Наций и ее различных структур рассматривается в качестве основы обеспечения интегрированного подхода к разработке международной стратегии на длительную перспективу [1]. В современных условиях требования глобальной экологической безопасности основываются на сформировавшемся к середине 1980-х гг. глобальном экологическом мышлении с его императивами радикального изменения доминирующей ныне в мире экономической модели, что означает необходимость экологической трансформации рыночных отношений и всей современной социальной и политической организации во имя выживания цивилизации. Органическую часть спектра политического сознания современного общества составляют типы сознания, развивающиеся в русле радикальной традиции. Термин «радикализм» фиксирует глубокое социальное недовольство по поводу статус-кво и стремление к коренным переменам в общественном устройстве.

В условиях продолжающейся ожесточенной политической борьбы в мире в ее определенные периоды могут возобладать формы рыночной экономики с нарастающим ускорением подрывающие экологическую безопасность. В этом случае вполне вероятно, что цивилизация может оказаться в положении, подмеченном Дж. Уолденом: «Николаю Данилевскому, славянофильскому предшественнику Шпенглера, цивилизации представлялись растениями, способными расцвести и увядать. Но он забыл, как притягательны цветы накануне увядания. О, эти густые краски и изнуряющий аромат. Они влекут и манят, поэтому все мы вскоре встретимся на краю пропасти: Данилевский и Шпенглер, Горбачев и китайские лидеры и вы, мои почтенные слушатели» [2].

В начале XXI в. в условиях все более нарастающих процессов глобализации требуется дальнейшая разработка концепции устойчивого развития цивилизации и основанной на ней стратегии, обеспечивающей реализацию этой концепции. В стратегии наиболее важными являются три направления: во-первых, охрана окружающей среды должна обеспечить непревышение антропогенных воздействий экологической емкости биосферы; во-вторых, для предотвращения биологического вырождения популяции *homo sapiens* необходимо обеспечить охрану здоровья человека, в-третьих, требуется формирование, сохранение и поддержание механизмов (социальных, экономических, политических и пр.), способных обеспечить решение задач первых двух направлений стратегии и нейтрализовать саморазрушающие импульсы и структуры цивилизации [3]. Все эти направления стратегии тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и реализуются в едином процессе изменений, а успех реализации стратегии в

целом зависит от теоретической разработанности концепции устойчивого развития цивилизации.

Некоторые исследователи насчитывают свыше семидесяти различных употреблений термина «устойчивое развитие», частично связанных с разнородными восприятиями и позициями [4]. На первом этапе своего развития, до 1987 г., теория устойчивого развития предстала как неклассическая, как элемент постмодернистской культуры, противостояла формам экономического и политического господства, и «являясь вероломной с политической точки зрения, поскольку бросала вызов *status quo*» [5].

Представление об устойчивом развитии как о самоподдерживающемся, даже стихийном было характерно именно на этой фазе эволюции идей, а благодаря теориям качественного роста устойчивое развитие приобрело вид преимущественно технологического и нематериального развития. Доклад Комиссии Г.Х. Брундтланд 1987 г. был призван дать теории устойчивого развития «путевку в жизнь», сделать ее частью политической повестки дня. Она стала таковой, но в урезанном, «смягченном» виде. Г.Х. Брундтланд предложила не рассматривать устойчивое развитие через призму «пределов роста», как это делалось ранее, не стремиться подчеркивать его революционный характер, так как мировое сообщество узнает из доклада об устойчивом развитии впервые, и нужно, чтобы идея об устойчивом развитии стало объединяющей силой для человечества.

С 1987 г. идеи устойчивого развития получили распространение в широких кругах политического и научного сообщества, но повсеместно, в том числе и в России, это происходило в эпоху, отличную от той, в которую шел генезис теории устойчивого развития – в эру ренессанса индустриально-капиталистических ценностей, торжества идей устойчивого экономического роста, неоклассических политических практик.

Годы после Рио-92 явились переломными для теории устойчивого развития. Они стали преддверием нового этапа, этапа синтеза конвенционального и неконвенционального, классического и неклассического в теории устойчивого развития. Провозглашение устойчивого развития общемировой стратегией поставило задачу создания национальных стратегий, облик которых теперь зависел от национальных разработчиков. В 1993 г. был создан План национальной экологической политики Нидерландов-2, одна из первых неклассических стратегий национального развития, выполненных в развитие решений Рио-92, выдержанных в классической традиции «линии Брундтланд». Он положил начало новому, симбиотическому этапу эволюции теории устойчивого развития.

В последние десятилетия большинство теоретиков устойчивого развития полагают, что, во-первых, переход к устойчивому развитию должен осуществляться не стихийно, а целенаправленно, желательно планомерно, а во-вторых, он должен происходить на национальном уровне, с использованием политиче-

ских возможностей, предоставляемых современным национальным государством и путем реформ «из центра». Каждая страна встала перед выбором, какую модель избрать при переходе к устойчивому развитию.

Различные трактовки концепции устойчивого развития во многом связаны с антропоцентрическим и экоцентрическим пониманием природы. Основное внимание в антропоцентрическом понимании уделяется человеку и использованию природы для человеческих нужд. «Устойчивое развитие» предполагает сохранение естественных жизненных условий для реализации общественных потребностей и задач. Однако существует двойное понимание природы в дискуссиях об устойчивом развитии. Один подход рассматривает природу как ресурсы или «естественный капитал». В этом неоклассическом видении экономики возможно замещение природы искусственным капиталом (деньгами или технологией). Проблема истощения естественных ресурсов здесь теряет свою первостепенность. При другом подходе природа понимается более всесторонне в ее множественных функциях социальной окружающей среды, например: продуктивной, экологической, культурной. Экологическая функция относится к сохранению естественных материальных и энергетических циклов; экономическая функция природы здесь сводится к сохранению ее репродуктивной функции; культурная функция природы сводится к ее полезной роли как резервуара знаний, ее эстетической ценности и значимости для досуга. При этом подходе все три функции природы могут быть разрушены сверхэксплуатацией, загрязнением, и потому требуется регулирующее вмешательство.

Многообразие концепций устойчивого развития связано и с разными трактовками «развития» [6]. Они подразумевают различия в видении отношений между политическим, экономическим, экологическим и социальным развитием, глобальных перспектив в целом. Здесь выделяются следующие позиции: охранительная, экологической модернизации, структурной экологизации, радикального традиционализма, ноосферной перестройки.

Первая позиция – охранительная, она отражает стремление сохранить существующую модель развития, включив в нее некоторые экологические требования. В основном это традиционная позиция относительно экономического роста, который создает предпосылки для решения проблем окружающей среды и в то же время позволяет сократить или ликвидировать крайнюю нищету и уменьшить рост населения. Экономический рост рассматривается здесь как средство, обеспечивающее финансовые ресурсы, необходимые для сохранения окружающей среды; как регулирующий механизм технического прогресса, который необходим для замены ограниченных естественных ресурсов деньгами и технологиями; как способ уничтожения нищеты и страданий, кото-

рые в этом контексте объявляются основной причиной загрязнения окружающей среды. Делается вывод о необходимости интеграции развивающихся стран в мировую экономику, беспрепятственную глобальную торговлю, движение капитала и технологий. Экологические проблемы в индустриально развитых странах рассматриваются как исправимые при соответствующих технологических инновациях. Природа здесь представляет интерес в контексте ее «продуктивной функции» для развития экономики. «Устойчивое развитие» понимается как особая международная цель, которая призывает к реальному экономическому росту.

Вторая позиция, ее называют «экологической модернизацией», отвергает представление о возможности простой замены естественного капитала искусственным и в этом смысле в ней присутствует элемент радикализма. Она обращает внимание на множественность функций окружающей среды в целом и подвергает критике понимание «окружающей среды как сферы потребления». Ущерб окружающей среде через ее сверхэксплуатацию или загрязнение в основном связывается с проблемой «коллективной собственности», поскольку традиционно окружающая среда рассматривалась в качестве общедоступного блага. Решение этой проблемы предлагается двойным образом: методами государственного регулирования (стандарты эмиссии, законодательство, запреты) и путем упреждающей охраны окружающей среды через интернационализацию экологических издержек (через налоги, эконалоги, экоаудит и т.д.) и экоманеджмент. Эта позиция реализуется под лозунгом «революции производительности» и, как правило, поощряет структурные экономические изменения от энергоемкой и наносящей ущерб окружающей среде индустрии к индустрии, совместимой с окружающей средой. Она находит отклик у прогрессивных предпринимателей, во Всемирном банке и Международном валютном фонде.

Третья позиция обозначается как «структурная экологизация» и в ней усиливается радикальная составляющая. Она формируется параллельно с критикой экологической модернизации, ориентированных на экологию или развитие политических групп, партий или общественных деятелей. Обращается внимание, что позитивное воздействие экологической модернизации промышленности, выражающееся в определенном повышении эффективности ресурсопотребления и сокращении выбросов загрязнений, в конце концов оказывается недостаточным. На определенном этапе этот «позитив» оказывается вновь поглощенным дальнейшим индустриальным ростом. Защита окружающей среды и внедрение технологий очистки радикально не меняют проблему, но лишь снижают количество загрязнений. Кумулятивный эффект накапливаемых загрязнений, даже при их снижении, усугубляет положение несмотря на новейшие экотехнологии. В контексте потребительской гонки за

лидерами глобализации, имеющей планетарный охват, становится ясным, что только структурные изменения западного образа жизни, включая модели производства и потребления, могут сделать возможным устойчивое развитие. Однако, это потребует последовательной переориентации повседневного поведения населения и развитых стран на экологические императивы. Сторонники «структурной экологизации» призывают не только тщательно следить за масштабами экологической нагрузки; не меньшее значение имеют социальные и политические аспекты глобального неравенства. Они считают, что существующее международное разделение труда между Севером и Югом, долговой кризис не только препятствуют экологически ориентированному развитию, но и приводят также к повышению опасности региональных политических конфликтов, нарастанием конфликтов, связанных с глобальным неравенством. Программы экологического развития для Юга должны увязываться со стратегией социального развития, в результате которого создаются возможности удовлетворения основных нужд населения, что потребует формирования нового экономического порядка. Эта позиция тесно увязывает экологические реформы с их социальными, экономическими условиями и с требованиями социальной справедливости. Последние должны придать импульс структурным изменениям модели производства и потребления в индустриально развитых странах. Равные права на использование окружающей среды должны подразумевать значительные ограничения всех форм материального потребления, использования ресурсов и запреты на загрязнение окружающей среды сверх определенной нормы.

Четвертую позицию можно обозначить как радикальный традиционализм. В этом контексте «устойчивое развитие» означает консервацию или возврат к традиционным культурным ценностям, которые базируются на образе жизни, находящемся в согласии с природой на протяжении десятков поколений. Природо- или эоцентричные ценности как правило освящаются религиозными культами и институтами. Не столько контроль, сколько благоговение перед природой определяют адаптацию к ней. Экспансия капитала, механизмов рынка и современных технологий разрушает как общинные формы жизни этих культур, так и экологическое равновесие. В результате уничтожаются базовые условия для формирования совместимых с «устойчивым развитием» экономических моделей и образа жизни. Эта позиция формируется как протест Юга против эксплуатации и стихийной модернизации, подрывающие природные и социальные основы жизни, и обрекающие большинство населения на нищету.

Пятая позиция может быть обозначена как требование «ноосферной перестройки». Этот подход имеет основания в ноосферных идеях В.И. Вернадского, в идеях универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева, в глубоком научном понимании природных и цивилизационных циклов развития. По мнению

Н.Н. Моисеева, свидетельства, надвигающегося экологического кризиса, можно свести к двум обстоятельствам фундаментального значения: первое связано с тем, что растущие аппетиты человека однажды превзойдут ресурсы беднеющей планеты; ко второму обстоятельству относится то, что антропогенная нагрузка на биосферу непрерывно растет, причем со все возрастающей скоростью, что грозит потерей устойчивости того квазиравновесия (или «устойчивого неравновесия» по Э. Бауеру), в аттракторе которого происходит развитие рода *homo sapiens* [7]. Стремление к властвованию, пишет исследователь, на основе представления о безграничной неисчерпаемости природных ресурсов привело человечество на грань катастрофы. И далее: «Это означает не только то, что новый экологический кризис общепланетарного масштаба неизбежен, но и то, что человечество стоит перед неизбежной цивилизационной перестройкой, перестройкой всех привычных нам начал» [8]. Как считает Моисеев Н.Н., индикаторами приближения к бифуркационному состоянию являются и неизбежное потепление климата, и утончение озонового слоя, и уменьшение биоразнообразия, и множество других фактов. При этом косвенным подтверждением предположения о возможной потере устойчивости, по мнению исследователя, служат и эксперименты по компьютерной имитации воздействия ядерной войны на состояние биосферы. Н.Н. Моисеев приходит к принципиальной важности вывода: «современное состояние биосферы близко к границе того канала эволюции, в котором возник и развивался род человеческий» [9]. Он предупреждает: «Одной мысли о том, что в борьбе за исчезающие ресурсы оскудевающей планеты будут участвовать не кроманьонцы с их каменным оружием, а государства, владеющие арсеналами ядерных боеприпасов, достаточно, чтобы почувствовать весь, мягко говоря, дискомфорт надвигающегося времени. Но самое страшное – принципиальная непредсказуемость того, что ожидает биосферу, а значит, и человека в результате новой глобальной бифуркации. В период бифуркации практически исчезает память системы, т.е. резко снижается роль наследственности, сужается значение отбора, но возрастает игра случайностей. И далеко не всегда побеждает самый сильный...». Самое важное, «что в отличие от всех бифуркаций, происшедших в истории биосферы, в преддверии новой катастрофы у человечества появился Коллективный разум. Он уже начал себя проявлять, хотя и не всегда последовательно: люди видят возможные опасности и стремятся их преодолеть. К сожалению, еще далеко не все понимают смысл происходящего, большинство регистрирует лишь отдельные неблагоприятия». Самая главная задача нашего времени, учитывая глобальный характер происходящего, «не допустить новой планетарной бифуркации». В этом контексте, как пишет Н.Н. Моисеев, «принятый мировым сообществом принцип *sustainable development*, неудачно

переведенный на русский язык как устойчивое развитие, является, безусловно, важным шагом в нужном направлении. ... В популяционной динамике понятие «sustainability» означает, что развитие вида не должно нарушать стабильности его экологической ниши, и, по-видимому, принятый термин следует трактовать как его обобщение». Принципиальное отличие этой трактовки «устойчивого развития» от других состоит в том, что оно имеет смысл, если станет ступенью к состоянию планетарной ноосферы [10].

В действительности названные позиции выражаются во множестве точек зрения в дебатах об устойчивом развитии. Различные формы комбинации первой, второй и третьей позиций имеют место в развитых странах. Индустриальные деловые круги, консервативные партии, большей частью поддерживают охранительную позицию, то есть вариант «устойчивого роста». Позицию экологической модернизации отстаивают реформистские круги в промышленности, политике и природоохранном движении, которая получает все большее распространение в общественных дебатах. Позиция «структурной экологизации» поддерживается главным образом радикальными экологистами, но их аргументы воздействуют на широкую общественность и политические дебаты в некоторых странах. В нашей стране, кроме этих позиций, в разной степени можно обнаружить влияние идей ноосферной перестройки.

Наиболее острые проблемы, как отмечает Г. Бехман, возникают при обсуждении «политической операционализации концепции устойчивого развития, в ходе которого обнаруживаются острые фундаментальные противоречия» [11]. Существует большая область согласия многих позиций по общим экономическим, социальным и иным вопросам глобальной экологической политики, однако их конкретизация ведет к возрастанию сферы разногласий. Рассматривая множество противоречий и расхождений между различными позициями и подходами к концепциям устойчивого развития многие приходят к пониманию довольно малой возможности согласования формулировок экологически, социально и экономически совместимой политики. Такое положение, как отмечается исследователями, увеличивает уже существующую вероятность по преимуществу символической активности, ориентированной на уход от конфликта и на имитацию работы по преобразованию общества в направлении устойчивого развития. Формальное коллективное согласие в общих вопросах не устраняет возможность острых противоречий и конфликтов при обсуждении конкретных действий.

Следует помнить, однако, что в экологической политике принцип «устойчивости» проявляется как принцип «предосторожности». Содержание принципа заключается в том, что при дефиците информации о потенциальных экологических эффектах некоего действия, скажем, принимаемого решения, оно должно учитывать недостаток нашего знания о его возможных

последствиях, чтобы при всех возможных сценариях это решение не привело бы к деградации окружающей среды.

Зарубежные исследователи нередко отмечают весьма противоречивую реакцию лиц, принимающих политические решения, и общественности на предостережения ученых. Так, например, авторы доклада «Пределы роста. Тридцать лет спустя» пишут: «Привычка всегда жизнерадостно улыбаться, свойственная многим плохо информированным людям (особенно мировым лидерам), говорит о том, что для них все эти вопросы бессмысленны - в их понимании пределов вообще не существует. В то же время многие из тех, кто информирован хорошо, буквально заражены глубоким цинизмом и прячут его под маской жизнерадостности. Они вам скажут, что сейчас есть серьезные проблемы, что на горизонте их еще больше и они еще страшнее, поэтому нет никакого смысла пытаться их решить» [12]. Подобные ответы, по мнению исследователей, как правило основаны на мысленных моделях. «Истины же не знает никто» – подчеркивают авторы, поскольку мир сталкивается не с заранее предопределенным будущим, а с возможностью выбора.

При всей сложности текущей и перспективной реализации политики глобальных изменений концепция устойчивого развития способствовала формированию нового общего видения проблем глобальной экологической политики. Оно включает в себя понимание ряда положений. Во-первых, существующие западные модели индустриального развития, модели их производства и потребления не соответствуют экологической емкости и не могут считаться приемлемыми и соответствующими принципам устойчивого развития; во-вторых, главной причиной разрушения окружающей среды в региональном масштабе из-за бедности и блокировки путей развития дружественного окружающей среде стиля жизни на Юге является, постоянно увеличивающееся неравенство между Севером и Югом; в-третьих, антропогенное воздействие на природную среду не должно превышать несущей емкости биосферы, формы индустриализации и стили жизни должны находиться в согласии с принципами справедливости в отношении нынешних и будущих поколений; в-четвертых, интегрированная стратегия, соединяющая экологические потребности с аспектами экономического и социального развития, может обеспечить адекватное решение задачи устойчивого развития.

Конференция ООН по устойчивому развитию «РИО+20» (20–22 июля 2012 г.) стала самым представительным форумом мирового сообщества за последние годы. Ее главный итог – главы большинства государств мира вновь обратились к теме устойчивого развития, а по результатам принята декларация «Будущее, которого мы хотим» [13]. В этом содержательном документе отражены все основные аспекты устойчивого развития.

Литература

1. См.: Организация Объединенных Наций. Повестка дня на 21-й век: Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. 1992; Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. Женева, 1993.
2. Здесь цитируется положение из лекции известного английского «советолога» и китаиста *Дж. Уолдена*, которая была прочитана в Чикагском университете (см.: *Уолден Дж.* Мирное созабьтье, или иной способ кануть в лету // Иностранная литература. 1989. № 10. С. 229).
3. См.: *Костин А.И.* Экополитология и глобалистика. М.: Аспект Пресс, 2005.
4. См.: *Бехманн Г.* Устойчивого развития концепция // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С.1052-1058. См. так же: *Lafferty W.M.* The politics of sustainable development: global norms for national implementation // Environmental politics, Volume 5, №2, 1996; *Backstrand K., Kronsell A., Soderholm P.* Organisational challenges to sustainable development // Environmental politics, Volume 5. 1996. №2.
5. Считается, что в науку понятие «устойчивое развитие» было введено У. Офулсом в 1977 г.
6. См.: *Бехманн Г.* Указ. соч.
7. *Моисеев Н.Я.* Логика динамических систем и развитие природы и общества // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 8.
8. *Моисеев Н.Н.* Введение в тему: «устойчивое развитие» или «стратегия переходного периода» // План действий. «Устойчивые Нидерланды». М., 1995. С. 8.
9. *Моисеев Н.Н.* Логика динамических систем и развитие природы и общества... С. 8.
10. См.: там же. С. 9.
11. См.: *Бехманн Г.* Указ. соч.
12. *Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л.* Пределы роста. Тридцать лет спустя. М., 2007, с.303
13. См.: Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» «Будущее, которого мы хотим» <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>.

References

1. See: The United Nations. The agenda for the 21st century: a Conference of United Nations on environment and development in Rio de Janeiro. 1992; Programme of action. Agenda 21 and other documents of the conference in Rio de Janeiro in the popular presentation. Geneva, 1993.
2. This quote is the provision of lectures by well-known English «Sovietologist» and sinologist J. Walden, which was read at the University of Chicago (see: *Walden J.* A peaceful mozabite or other means to sink into oblivion // Foreign literature. 1989. No. 10. P. 229).
3. See: *Kostin A.I.* Ecopolitology and global studies. M.: Aspect Press, 2005.
4. See: *Bechmann G.* Sustainable development concept // Global studies. Encyclopedia. M., 2003. P. 1052-1058. See. also: *Lafferty W.M.* The politics of sustainable development: global norms for national implementation // Environmental politics, Volume 5, No. 2, 1996; *Backstrand K., Kronsell A., Soderholm P.* Organisational challenges to sustainable development // Environmental politics, Volume 5. 1996. No. 2.
5. It is believed that in science the concept of «sustainable development» was introduced by W. Folsom in 1977
6. See: *Bechmann G.* Decree. Op.
7. *Moiseev N.N.* The logic of dynamic systems and the development of nature and society // Questions of philosophy. 1999. No. 4. P. 8.
8. *Moiseev N.N.* Introduction to the theme: «sustainable development» or «strategy in transition» // action Plan. «Sustainable Netherlands». M., 1995. P.8.
9. *Moiseev N.N.* The logic of dynamic systems and the development of nature and society..., P. 8.
10. See: *ibid.* P.9.
11. See: *Bechmann G.* Decree. Op.
12. *Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L.* the Limits to growth. Thirty years later. M., 2007, P. 303
13. See: The outcome document of the UN Conference on sustainable development «Rio+20 «the Future we want» <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕЙ

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЛЕПЕХИН,
директор Института Евразэс,
кандидат философских наук
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье анализируется воздействие радикализации на политические процессы в мире и России и ее социально-политические последствия. Рассматриваются условия и факторы, при которых этнические, конфессиональные, социальные и иные различия становятся неразрешимыми противоречиями и перерастают в конфликты и гражданские противостояния, выделяются способы противодействия радикализации в современном российском обществе.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, терроризм, межнациональные противоречия, гражданское противостояние, нагнетание напряженности, политическая дестабилизация, укрепление центра, «гибридная» идеология.

Annotation. The article analyzes the impact of radicalization on the political processes in Russia and the world and its socio-political implications. Examines the conditions and factors under which ethnic, religious, social and other differences become irreconcilable contradictions and escalating into conflicts and civil strife, stand out ways to counter radicalization in contemporary Russian society.

Keywords: radicalism, extremism, terrorism, inter-ethnic contradictions, civil strife, tensions, political instability, strengthening of the centre, «hybrid» ideology.

Причины и технологии эскалации внутренних противоречий в суверенных странах хорошо известны. Сегодня они продвигаются в целой группе государств (включая Россию) по определенной схеме, по какой это происходит вот уже в течение века в самых разных странах мира, правящие режимы которых встают на пути ключевых глобальных игровых.

Развалу Югославии, а затем и расчленению Сербии, как известно, предшествовало нагнетание межнациональных противоречий, которые и переросли в серию военных конфликтов в результате чего произошло дробление этой суверенной державы на ряд малых государств, большая часть из которых управляется сегодня марионеточными режимами.

«Гражданскому противостоянию» в Ливии предшествовало искусственное нагнетание в этой стране межплеменных и клановых противоречий, аналогичному конфликту в Сирии – эскалация межнациональных и межконфессиональных различий, а также социального недовольства. Высокий градус конфликтности на национальной и религиозной почве искусственно поддерживается в Ираке, Ливане, Египте, Йемене и

многих других странах Ближнего Востока, Магриба и Малой Азии. В этом, в частности, состоит одна из ключевых задач созданного под контролем американских спецслужб террористического «квазигосударства» ИГИЛ. Убийство египетских коптов, сирийских христиан и алавитов, столкновение в непримиримой вражде шиитов и суннитов, мусульман и иудеев – за всем этим, как известно, стоят США, стремящиеся сохранить контроль за «энергетическим сердцем» мира.

Для того, чтобы войти в эти страны и регионы все-таки и надолго, руководству США понадобился глобальный повод, каким стал теракт 11 сентября 2001 г. И сегодня, анализируя всю совокупность событий, последовавших после названного теракта, уже все меньше остается сомнений в том, что за ним – так или иначе – стояли американские спецслужбы.

«Международный терроризм» во главе с Бен-Ладеном оказался уткой – в том смысле, что во главе этого явления находится вовсе не предводитель Аль-Каеды, а никто иной, как сам дядюшка Сэм. Состояние же войны всех против всех на Ближнем Востоке позволяет Госдепу США и Пентагону обосновывать «не-

обходимость своего присутствия» в странах этого региона, а после очевидно инициированной западными спецслужбами «революции» в Йемене (ее следствием стала гражданская война в стране) можно говорить о том, что США взяли курс на формирование здесь арабского аналога НАТО (об этом, в частности, мы писали в статье «США: новая стратегия борьбы за мировое господство» [1]).

Именно под таким углом и следует рассматривать сегодня так называемый «международный терроризм»: понимая, что «исламский терроризм» – не такой уж и исламский. «Взращенный спецслужбами США новый субъект и фактор мировой политики международный терроризм и стал тем троянским конем, который, будучи направленным против якобы «сил свободы и демократии», на самом деле сплошь и рядом становится инструментом развязывания борьбы (а в ряде случаев и «гражданской» войны) против правительств суверенных стран, как правило, являющихся средоточием каких-либо ресурсов, а также неугодных Западу политических лидеров» [2].

Еще один регион приоритетного присутствия мирового гегемона – Восточная Европа. После переформатирования Балкан и создания на территории бывшей сербской республики Косово центра по подготовке евротеррористов – видимо для того, чтобы «бороться с терроризмом» на европейском континенте, Госдеп США двинулся дальше, запустив управляемый проект «Восточное партнерство», дирижером которого поручено быть проамериканской Польше [3]. И именно из этого проекта вырос украинский подпроект – создание радикального этнократического (читай – террористического) государства уже в центре Восточной Европы и на границе с Россией.

На Украине мастерам политических «разводок» удалось использовать недовольство населения олигархическим правительством Януковича, чтобы возглавить социальный протест (концептуально и политически) и перевести его – уже после совершения государственного переворота – в плоскость самоубийственной для этой страны национальной вражды, а точнее – управляемой русофобии.

Наконец, в недавних событиях в стремящейся сохранить суверенную позицию Македонии запалом к гражданскому конфликту становятся искусственно нагнетаемые извне межнациональные противоречия между коренным населением этой страны и албанским меньшинством, подстрекаемым се теми же косовскими активистами и боевиками.

В связи с этим следует вспомнить слова одного из исследователей европейского радикализма Славоя Жижека, который, подобно многим, утверждал: «люди восстают не тогда, когда «все действительно плохо», а когда они разочаровываются в своих ожиданиях» [4]. А вот степень ожидания – величина переменная и формируемая. И если, к примеру, украинского обывателя более 20 лет приучали к мысли, что европеец – та вожделенная ипостась, приобретя которую каждый

украинец станет кучерявым красавцем двухметрового роста с переполненной мощной, а затем «вдруг» отказали в «евроинтеграции», то с неизбежностью обманутая в своих ожиданиях масса свергнет обманщика и становится носителем политического радикализма и экстремизма, которую легко направить в нужную сторону. Например, в сторону тех, по вине кого евроинтеграция как бы и не состоялась.

Итак, основной способ раскачки противоречий в какой-либо стране – поддержка в ней радикальных сил и разного рода крайностей. Причем, не обязательно прозападных. Глобализаторам важно растащить все существующие в сопротивляющихся навязываемой гегемонии странах политические силы к радикальным полюсам, какими бы они ни были, и предельным популизмом привлечь на их сторону народные массы, чтобы сначала направить растущее недовольство против власти (революция!), а затем столкнуть радикалов между собой (гражданская война).

Понятно, что подобный универсальный механизм запускается во всех без исключения случаях и в каждой из тех стран, где глобальные игроки стремятся обрушить сложившуюся систему целостности и насадить управляемый властный режим. На эффект от применения подобной технологии принуждения к подчинению мировой гегемон особо надеется в случае с современной Россией, где тактика растаскивания политических сил к полюсам также предполагает эскалацию самых разных противостояний.

Завоевать Россию военным путем, как показывает история, невозможно. Обрушить её экономически можно (как это было в период правления Горбачева), но в нынешних условиях – как показывают последствия применения в отношении России экономических санкций – накладно для самих инициаторов этих санкций. Проще и эффективнее – развалить Россию на части, надавив на главные болевые точки, как это было в 1917 и в 1991 гг.

Точки приложения разрушительных сил известны. Технологии давления и эскалации политической напряженности – тоже. Планы очередного разрушения России давно сверстаны. Сегодня остается только исполнить эти планы. Вопрос в том – готова ли Россия к сопротивлению? Понимает ли правящий класс, что следует предпринять, чтобы история с разрешением страны не повторилась?

Российская Федерация – большая страна. Слишком большая, многообразная и неоднородная, чтобы быть гомогенной, целостной, прочной и неделимой. В ней слишком много противоречивых и, как утверждают, пессимисты, несовместимых элементов и субстанций для того, чтобы динамично преодолевать вызовы и повороты истории без внутренних конфликтов и потрясений. (Одних только цивилизационностей около двадцати. И это – не считая разного рода этнических, конфессиональных и прочих признаков и свойств).

Понимая особенности социальной структуры и этно-конфессионального своеобразия, многие россий-

ские чиновники главную задачу власти видят в обеспечении единства страны. К сожалению, в силу профессиональных и иных особенностей отечественной бюрократии часто они оказываются способными обеспечить лишь относительное административное единство («вертикаль власти», «стабильность» режима), забывая про идейно-политические и социокультурные факторы целостности, и поэтому периодически подводят страну сначала к застою, а затем – к кризису и катастрофе.

Так было в 1917 г., когда царский режим не смог предложить стране более привлекательную модель развития – в сравнении с той моделью, которую предложили народу революционные силы, а также противопоставить что-либо эффективное накапливаемым в России социальным, имперским и иным противоречиям.

История повторилась и в конце 80-х гг. прошлого века, когда неспособность советской бюрократии к обновлению идеологии и модернизации системы государственного управления также привела к цепи катастрофических событий вплоть до развала СССР и утраты значительной доли национального суверенитета.

Казалось бы, негативный исторический опыт должен стать источником понимания, как и при каких условиях этнические, конфессиональные, социальные и иные различия становятся неразрешимыми противоречиями и имеют перспективу перерасти в конфликты, гражданское противостояние и переходу тех или иных политических групп к радикальным действиям. К сожалению, понимания данного обстоятельства у российской бюрократии сегодня, судя по всему, нет. В противном случае власть давно бы приступила к целому ряду превентивных действий, связанных с обеспечением реформирования политического пространства страны и запуска целого ряда новых драйверов развития.

В статье «Враги Путина внутри России – кто они» [5] подробно описаны политические полюса, формирующиеся сегодня справа и слева от главы государства, которые – несмотря на противоположность исповедуемых идеологий – едины в своем стремлении свергнуть действующую власть.

Первое и главное направление нагнетаемого через СМИ внутрироссийского противостояния – это стимулирование и информационная подпитка (что естественно для многонациональной России) межнациональных противоречий и конфликтов. И поскольку обострению названных противоречий в современной России препятствуют ответственная позиция и сверхосторожная политика федерального центра и национальных элит, противники Российской Федерации и разного рода отечественные «революционеры», похоже, нащупали «слабое звено», через воздействие на которое они и стремятся сегодня разрушить межнациональный консенсус.

Таким звеном, судя по всему, вновь становится Чечня, а главным объектом целенаправленной критики – ее глава Рамзан Кадыров. Цель поддерживаемых

Западом некоторых российских СМИ – разрушить с огромнейшим трудом установленную между Россией и Чечней формулу взаимоотношений, являющуюся, как известно, личным достижением Владимира Путина. Вот почему любое движение и решение властей Чечни рассматривается сегодня через увеличительное стекло как прозападными либералами, так и русскими националистами. Не исключено, кстати, что смакование все менее очевидного «чеченского следа» в истории с убийством Бориса Немцова обусловлено желанием определенных сил вбить клин между федеральным центром и Чечней.

Второе направление политической дестабилизации России – эскалация в стране межконфессиональных противоречий. Казалось бы, самое простое здесь – столкнуть лбами традиционные религии. Однако в силу присущего российской «пятой колонне» страха перед исламскими радикалами, в данном случае избран максимально простой и перспективный путь в виде нагнетания противостояния в ещё одном «слабом звене» – между православными и воинствующими атеистами.

Нет никаких сомнений в том, что безобидные, на первый взгляд, антиправославные «культурные» акции вроде набившего оскомину панк-молебна в Храме Христа Спасителя и прочие плевки «креативного класса» в сторону Русской Православной Церкви, будь то «Левиафан» или «Тангейзер», на самом деле – элементы большой игры против России. Ведь эти акции призваны настроить массового потребителя не столько против православной церкви, сколько против поддерживающего традиционные религии правящего класса и всю систему имманентной цивилизационной идентичности.

Третье направление сталкивания России в кюветы политических крайностей – активизация социальной напряженности в стране по линии все более жесткого противостояния «гражданского общества» и коррумпированной власти. Симптоматично, что как либеральная, так и националистическая оппозиция не ставит вопрос о деолигархизации власти и антиглобализации её внешней политики. Первые критикуют власть за её «авторитарность», вторые – за «мягкотелость», что в совокупности говорит о наличии у тех и других, как внешнего заказчика, так и внутреннего регулятора.

Четвертое направление эскалации в России социального раскола – стимулирование роста протестных настроений (против «зажравшейся» Москвы и «самого богатого» региона России – все той же Чечни) в депрессивных регионах, количество которых, в связи с введением против России экономических санкций, увеличилось. Территориальные различия порождают тягу к «самостийности» целого ряда регионов, что искусно подхватывается прозападными НКО, запускающими проекты «Сибирской республики», «Казакии» или «Исламского халифата Поволжья и Кавказа».

И все эти и иные проявления растущего недовольства и противостояний призваны форсировать в

России политический и идеологический экстремизм, когда разведенные к полюсам партии, движения и группы граждан перестают слушать и слышать любые разумные доводы и все больше склоняются к радикальным действиям по отношению к власти и друг другу.

Кстати, закреплению подобной – разбалансированной модели политической системы, общественно-го мнения, сознания элит и вариантов национальных стратегий способствует и поддерживаемая в российских СМИ (прежде всего, на телевидении) модель подачи политической информации в формате многочисленных ток-шоу, предполагающих столкновение полярных и, как правило, радикальных точек зрения.

Для подлинно профессиональной оценки событий сегодня на российском ТВ почти не осталось места, поскольку подлинное знание и проекты решения действительно актуальных проблем – как бы «скучная» материя, в то время как радикализм позиции известных политиков-популистов самым непосредственным образом связан с эпатажем и скандалом – альфой и омегой телерейтинга.

План по разрушению Российской Федерации давно сверстан теми внешними игроками, которых не устраивает существование суверенной России, и они предпринимают различные усилия к тому, чтобы обострить противоречия и конфликты в российском обществе, стимулировать радикальные настроения и действия. В этом контексте необходимо использовать конкретные средства и способы по ограничению и преодолению радикализации сознания и поведения индивидов и социальных групп. И главное средство в этом направлении – укрепление политического центра через запуск в стране процессов развития, лишаящих внутренних и внешних противников нынешней российской их основных аргументов ее дискредитации [6]. Закон роста протестных настроений, прямо пропорционального падению темпов экономического развития, еще никто не отменял. Вот почему Барак Обама и К надеются «порвать в клочья» российскую экономику.

Очевидно, что в ситуации системного внешнего вызова политикой «импортозамещения» не обойтись: российская экономика нуждается в мощной и системной пронациональной модернизации как в ответе не только на выдавливание России с европейского рынка, но на очередной цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию Русского мира.

Второе средство дерадикализации социально-политических отношений в стране – формирование «гибридной» идеологии [7] и основанных на ней внутри- и внешнеполитических стратегий, предполагающих мобилизацию основных «групп интересов» на решение проблем, способствующих снятию ключевых противоречий. К примеру, активность «пятой колонны» можно снизить путем допуска к выборам вменяемой версии либеральной партии (например, избавившейся

от Михаила Прохорова «Гражданской платформы»), социальный протест минимизировать путем слияния КПРФ и «Справедливой России» и их трансформацией в новую левую партию, активность национал-патриотов перевести в конкретные проекты под эгидой ОНФ и «Единой России». Существуют и другие средства и способы смягчения противоречий, ограничения роста протестных настроений и радикализации сознания и поведения индивидов и социальных групп в российском обществе.

Литература

1. См.: *Лепехин В.А.* США: новая стратегия борьбы за мировое господство // <http://ria.ru/analytics/20150408/1057395024.html>
2. См.: Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / [В.Ю. Бельский, В.А. Лепехин и др.] / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2015. С. 195.
3. См.: *Лепехин В.А.* Что нам делать с нацистами Прибалтики // <http://ria.ru/analytics/20150522/1065982855.html>.
4. *Славой Жижек.* Накануне Господина. М., 2014. С. 212.
5. См.: *Лепехин В.А.* Враги Путина внутри России – кто они // <http://ria.ru/analytics/20150507/1063200825.html>.
6. См.: *Лепехин В.А.* Россия на грани применения оружия массового созидания // <http://ria.ru/analytics/20150521/1065798578.html>.
7. См.: *Лепехин В.А.* Хук слева или Главное оружие России в борьбе против Запада // <http://ria.ru/analytics/20150413/1058293872.html>.

References

1. See: *Lepekhin V.A.* USA: a new strategy of struggle for world domination // <http://ria.ru/analytics/20150408/1057395024.html>
2. See: Terrorism as a socio-political phenomenon. Opposition in modern conditions: monograph / [Y.V. Belskaya, V.A. Lepekhin et al.] / ed. by V.J. Belsky, A.I. Secuty. M.: Uniti-DANA, 2015. P. 195.
3. See: *Lepekhin V.A.* What do we do with the Nazis in the Baltic States // <http://ria.ru/analytics/20150522/1065982855.html>.
4. *Slavoj Žižek.* On The Eve Of The Lord. M., 2014. P. 212.
5. See: *Lepekhin V.A.* Enemies of Putin in Russia – who are they // <http://ria.ru/analytics/20150507/1063200825.html>.
6. See: *Lepekhin V.A.* Russia on the verge of weapons of mass creation // <http://ria.ru/analytics/20150521/1065798578.html>.
7. See: *Lepekhin V.A.* the left hook or the Main weapon of Russia in the struggle against the West // <http://ria.ru/analytics/20150413/1058293872.html>.

УДК 316
ББК 60.5

ПРИЧИНЫ РАДИКАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ОПАЛЕВ,
председатель секции геополитики и безопасности
Российской академии естественных наук,
доктор философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрываются основные причины распространения радикализма в молодежной среде современного российского общества. Выделяются некоторые аспекты противодействия распространению радикализму.

Ключевые слова молодежь, радикализм, радикализация, причины радикализма, противодействие радикализму.

Annotation. Reveals the main reasons for the spread of radicalism among the youth of modern Russian society. Highlighted some aspects of countering the spread of radicalism.

Keywords: youth, radicalism, radicalization, reasons of radicalism, countering radicalism.

В последние десятилетия все большее число стран мира охватывается волной экстремистских и террористических проявлений, нетерпимости к лицам иной национальности, расы либо религии, которые в немалой степени обусловлены радикальными настроениями и соответствующей идеологией, находящими благоприятную почву прежде всего в молодежной среде. Как отмечают исследователи, современный тренд внутренней и внешней политики многих государств – радикализация содержания, форм, методов функционирования властных институтов, коммуникации власти и гражданского общества, протестных акций оппозиции, межгосударственных и межличностных отношений. Сегодня радикализм оказывает мощное воздействие на функционирование всех сфер жизнедеятельности общества, менталитет, чувства, умонастроения, модели поведения политических лидеров и граждан многих стран. Он проявляется в различных формах на уровне социально-политических слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения субъектов. В условиях социальной нестабильности, финансово-экономического кризиса, снижения уровня жизни отдельных социальных слоев, в обществе сохраняются причины, стимулирующие радикально-экстремистские настроения и действия, нелегитимные формы политического участия [1].

Сегодня радикализм все активнее проявляется в политической жизни европейских стран и США, которые до недавнего времени оценивались аналитиками и общественным мнением как благополучные, стабильные, благоприятные для жизни регионы. По данным Федерального бюро расследований, предста-

вители террористической группировки «Исламское государство» действуют на территории всех 50 штатов США [2]. Недавно было проведено исследование с целью выявления, какой поддержкой ИГИЛ пользуется в крупнейших странах Европы. Результаты данного исследования заставляют задуматься и сделать определенные выводы. Так, например, во Франции этот показатель составил 15%. Причём у представителей возрастной группы от 18 до 24 лет уровень поддержки радикалов доходит до 27% [3].

В общепринятой интерпретации радикализм – термин, который обозначает политические идеи и действия, направленные на коренное изменение существующих государственных институтов. Психологически радикализм рассматривается как установка личности на решительное, кардинальное и быстрое решение проблем, на фундаментальные изменения, проводимые без обсуждения и рассмотрения какой-либо альтернативы [4]. Сторонники радикализма отрицают поиск разумного компромисса, диалога, в их действиях доминируют крайние, преимущественно насильственные методы решения проблем.

Вовлеченность молодежи в радикальные течения – одна из основных проблем многих стран мира, которые пытаются найти различные способы отвлечения молодого поколения от участия в экстремистских действиях, предотвращения совершения молодыми людьми девиантных поступков.

К сожалению, радикальные настроения среди молодежи не обошли стороной и Россию. Тотальный кризис 1990-х гг. в нашей стране привел к резкому росту этих настроений среди разных слоев населения, в первую очередь молодежи. Несмотря на то, что в последнее

десятилетие несколько снизился накал радикализма, в современном российском обществе он по-прежнему представляет серьезную опасность для личности, общества и государства. К тому же целый ряд факторов как внутреннего, так и внешнего характера может обострить эту опасность. Поэтому выяснение причин и условий, при которых радикализм может стать серьезной угрозой национальной безопасности нашей страны, по-прежнему остается актуальной задачей.

Почему именно преимущественно молодежь становится носителем радикальных идей и экстремистских действий и, как следствие, объектом воздействия со стороны лиц и организаций, ставящих своей целью разрушение основ российского общества, будь то политический строй, экономический потенциал или социокультурные ценности? В основе этого несколько групп причин.

Прежде всего, социально-психологические причины. Молодежь – это социально-возрастная группа, обладающая особенностями, которые при наличии соответствующих условий могут стимулировать восприятие ей идей радикализма и провоцировать ее экстремистское поведение. Известно, что важнейшей характеристикой молодежи являются различные формы проявления максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние [5]. Экстремальные проявления наблюдаются во всех сферах жизнедеятельности молодежи – в образовании, труде, политической жизни, досуге.

Процессы социализации вызывают у молодых людей стремление как можно быстрее вписаться в существующую систему общественных отношений, получить в них высокий социальный статус и материальное обеспечение. В случае невозможности достичь этого возникает желание любыми способами, в том числе радикальными, изменить существующее положение.

Нередко именно социально-психологические особенности молодежи как определенной социальной группы являются источником пополнения рядов радикалов. Результаты одного из социологических исследований показали: в нашей стране для 11,1% молодежи радикализм воспринимается в стиле экшн – как выход за пределы серых будней, как экстремальная форма самовыражения, как привлекательность ярких жизненных впечатлений. Это создает дополнительный ресурс мобилизации молодежи в радикальные сети [6]. Даже если молодые люди официально не состоят в радикальных экстремистских или иных организациях подобного толка, многие из них являются неосознанными радикалами, готовыми признать, одобрить или даже участвовать в радикальных действиях по логике ситуации.

Молодых людей легко увлечь идеями о их исключительной роли в осуществлении самых радикальных

политических проектов, так как у молодежи еще нет ни стабильных социальных позиций и интересов, ни экономических, ни ценностных ориентиров, имеющих у большинства взрослого населения. Они склонны искать свое место в обществе и конкретной социальной среде, но очень часто это происходит в ситуации их полной неготовности к критическому восприятию событий. Поэтому они становятся участниками крупных социальных событий, пытаются решить свои проблемы, связанные с адаптацией к взрослой жизни.

Нередко причиной радикальных настроений молодежи может становиться конфликт поколений. Часто это происходит на фоне изменений социально-политической, экономической и культурной ситуации в стране, что приводит к переосмыслению опыта предшествующих поколений. В этом случае предшествующее поколение рассматривается молодежью как поколение, приверженное чуждым ей ценностям и выбравшее для страны неверный путь развития. В результате социально-политические приоритеты и система нравственных ценностей молодежи формируется в условиях и под влиянием резкого отрицания предшествующего социально-культурного опыта, что провоцирует появление радикальных мировоззренческих позиций и экстремальное поведение.

Отдельную группу причин распространения радикализма среди молодежи в современном российском обществе составляют социально-политические причины. Молодежь является объектом государственных интересов, поскольку она является стратегическим кадровым и трудовым ресурсом общества. В этом смысле она становится объектом воздействия как со стороны властвующих структур, так и со стороны оппозиции и деструктивных сил. Если внимание к молодежи и удовлетворение ее интересов со стороны государства недостаточны, если ей не обеспечено контролируемое государством участие в политической и общественной жизни страны, возникает расхождение между жизненными планами молодежи и теми возможностями, которые предоставляет для ее социальной самореализации и политической самоорганизации государственная молодежная политика и реальное состояние социально-политической сферы общества. Это приводит либо к политическому индифферентизму, недоверию к политическим партиям и движениям, либо к стремлению выразить свою позицию крайне радикальными и экстремистскими взглядами и действиями.

В этом контексте молодежный политический радикализм и экстремизм являются результатом неудовлетворенности молодежи формами политического участия, масштабом своих реальных политических возможностей, доминирующей в обществе моделью политической культуры. Соответственно, политика начинает рассматриваться как возможность заявить о своих альтернативных видениях, потребностях и интересах. Разочарование в традиционных механизмах политической социализации обуславливает поиск альтернативных путей [7].

Данные обстоятельства являются питательной почвой для осуществления внешними силами замыслов по дестабилизации политической обстановки в стране и смене государственной власти. Практика так называемых «цветных революций» в целом ряде стран мира наглядно свидетельствует о том, как молодежный радикализм может быть использован для достижения деструктивными силами своих политических и геостратегических целей.

Причинами радикализации современной российской молодежи являются и социально-криминогенные причины. Возникновение радикальных настроений и экстремистского поведения у молодежи может быть вызвано негативным характером изменения социального положения молодежи. Трудовая безработица, асоциальный образ жизни отрицательно сказываются на качестве жизни молодых людей, вызывают социальный протест и могут привести к необдуманным и решительным действиям экстремистского характера, нередко принимающим вид радикализма.

Существенной причиной радикализма в молодежной среде являются криминогенные факторы. Речь идет о таких явлениях, как серьезное неблагополучие в вопросах правовой и социальной защиты семьи и детства, рост социального сиротства, высокий уровень беспризорных и безнадзорных детей, в целом несовершеннолетних, недопустимые деформации социального статуса, прав и свобод лиц, относящихся к категории мигрантов (их положение в быту, по местам трудовой занятости и т.п.), а также напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях.

Анализ мотивационной основы притока новых участников из числа молодежи в радикальные экстремистские и террористические организации на территории Российской Федерации показывает, сколь значительное место в системе упомянутых выше причин играют такие факторы, как распространение коррупции в различных сферах общественной и государственной жизни, рост организованной преступности, в том числе на местной и этнической основе, высокая криминогенность в среде мигрантов (коэффициент криминальной активности мигрантов по сравнению с гражданами России выше в 4 раза).

Эти и некоторые другие криминогенные факторы современной российской действительности, действуя по-разному, выступают причинами социальной напряженности в стране, распространения радикальных настроений и притока представителей различных слоев населения, особенно молодежи (прежде всего, с неустойчивыми взглядами, не имеющими работы, не обучающимися, не затронутыми иными формами социализации), в экстремистские и террористические структуры.

Нередко причиной заражения радикальными идеями становится правовой нигилизм, недостаточный уровень правосознания и позитивного отношения к

государственным, прежде всего силовым, структурам. Так, по результатам социологических опросов только менее четверти (23,8%) молодых людей в России полагают, что сопротивление милиции, а это характерный отличительный момент в отношении радикализма, не может быть оправдано [8], из чего можно предположить, что остальные или, по меньшей мере, большинство из опрошенных вполне допускают такую возможность.

Названные причины разноплановы, имеют различную основу, что обуславливает сложность противодействия идеологии и практике радикализма. Принимаемые в последние годы серьезные правовые, социальные и экономические меры определенным образом снижают негативное воздействие указанных причин возникновения и распространения радикализма в Российской Федерации. Однако общий значительный уровень сохраняющегося их негативного влияния обуславливает необходимость дальнейшей целенаправленной деятельности государства и общества по ограничению влияния указанных факторов до социально неопасного уровня.

Игнорирование молодежного радикализма или применение только карательных мер не дадут положительного эффекта, также как малоэффективны разрозненные меры идеологического, пропагандистского, воспитательного характера. В этом противодействии необходим системный подход, направленный на минимизацию всех экономических, политических, социальных, идеологических и социально-психологических факторов, детерминирующих радикализацию молодежи. Необходима серьезно обоснованная и эффективная молодежная политика, включающая диалог с массовыми участниками молодежного радикализма, содействие росту активности и влияния молодежных гражданских и политических ассоциаций, выражающих интересы молодежи как самостоятельной социально-возрастной и социокультурной группы.

Механизм по противодействию радикализму, по нашему мнению, должен включать в себя и создание организационно-правового механизма противодействия распространению этой идеологии в обществе.

В области противодействия радикализму реальный приоритет должен быть отдан предупредительно-профилактической деятельности, что предполагает наращивание активности деятельности государства и общества по локализации и устранению причин и условий воспроизводства радикализма в России. При заметных результатах в данной области профилактики радикализма, особенно в части противодействия его идеологии, ощущается острая необходимость ориентации государственного аппарата, в том числе его правоохранительных органов на усиление борьбы с основными причинами радикализма.

Еще одно направление противодействия идеологии радикализма, которое также в определенной мере

должно быть предметом дальнейшего совершенствования – это деятельность по выявлению и пресечению распространения самой идеологии. Речь идет о необходимости повышения эффективности деятельности по вскрытию механизмов пропаганды радикализма, выявлению участников распространения идеологии радикализма, механизмов изготовления и распространения в стране носителей этой идеологии в различных формах. В этом плане насущную необходимость составляет отслеживание круга лиц, ведущих пропаганду радикализма, экстремизма и терроризма по сетям массовых коммуникаций, Интернета с последующим накоплением доказательных материалов для пресечения их деятельности.

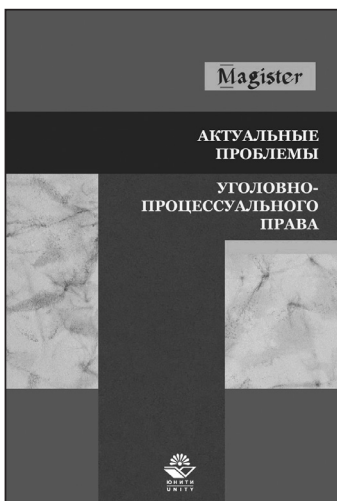
Литература

1. См.: *Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю.* Парадигмальные основы анализа политического радикализма // Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Прага, 2015. С. 9.
2. См.: ФБР: «Исламское государство» вербует сторонников во всех штатах США. URL: <http://ria.ru/world/20150226/1049817542.html#ixzz3TNiURv2s> (дата обращения 19 мая 2015 г.).
3. См.: «Исламское государство» набирает популярность в Европе. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1418296/> (дата обращения 19 мая 2015 г.).
4. См.: Психолого-педагогические превентивные технологии противодействия экстремизму в социокультурной практике европейских стран / Под ред. О.Д. Федотовой. Ростов н/Д., 2013. С. 10–11.

5. См.: *Чупров В.И., Zubok Ю.А., Уильям К.* Молодежь в обществе риска. М., 2001. С. 58.
6. См.: *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 138.
7. См.: *Васильчук Е.О.* Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине // PolitBook. 2014. № 3. С. 95.
8. См.: *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Там же. С. 139.

References

1. See: *Avtsinova G.I., Voronina E.Y.* Paradigmatic framework for the analysis of political radicalism // Actual problems of modern socio-political phenomena: theoretical, methodological and applied aspects. Prague, 2015. P. 9.
2. See: FBI: «Islamic state» is recruiting supporters in all US States. URL: <http://ria.ru/world/20150226/1049817542.html#ixzz3TNiURv2s> (accessed may 19, 2015).
3. See: «Islamic state» is gaining popularity in Europe. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1418296/> (accessed may 19, 2015).
4. See: Psycho-pedagogical preventive technologies for countering extremism in the sociocultural practices of the European countries / ed. by O. D. Fedotova. Rostov n/D., 2013. P. 10–11.
5. See: *Chuprov V.I., Zubok Y.A., William C.* Young people in risk society. M., 2001. P. 58.
6. See: *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Youth of Russia: a sociological portrait. M., 2010. P. 138.
7. See: *Vasilchuk E.O.* Youth socio-cultural content of political radicalism and extremism in Ukraine // PolitBook. 2014. No. 3. P. 95.
8. See: *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* ibid. P. 139.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 287 с. (Серия «Magister»).

Учебное пособие, подготовленное в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция», квалификация «магистр», отражает современные актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы уголовно-процессуального права.

Для магистров, слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей юридических вузов, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ФАКТОРЫ

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЛОЩАКОВ,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выделяются и анализируются признаки радикализации сознания и поведения современной российской молодежи, раскрываются ее факторы в основных сферах общественной жизни России с учетом социальных последствий реформ 1990-х гг. и тенденции сокращения доли молодого поколения в составе населения.

Ключевые слова: радикализм, молодежный радикализм, молодежный экстремизм, рост радикализма в молодежной среде, факторы радикализации молодежи, радикализация сознания и поведения молодежи.

Annotation. Defined and analysed the characteristics of radicalization of consciousness and behavior in today's Russian youth, shown factors in the main areas of activity taking into account the social impact of reforms in 1990 and the general trend of reducing the share of the younger generation in the population.

Keywords: radicalism, youth radicalism, youth extremism, the growth of radicalism among young people, factors radicalization of young people, the radicalization of consciousness and behavior of young people.

Рост радикальных настроений среди различных слоев населения является общей тенденцией новейшей истории, которая затрагивает не только полумаргинальные регионы третьего мира, но и вполне благополучные страны индустриального Запада. Главную движущую силу радикальных движений и стихийных выступлений радикалов составляет молодежь, которая в силу своего транзитивного характера наиболее остро ощущает на себе последствия кризисных явлений в современном обществе.

В то время как западный мир переживал молодежный бунт 1960–1970-х годов и осознал необходимость проведения рациональной молодежной политики как условия своей национальной безопасности, советская страна продолжала гордиться самой образованной и патриотичной молодежью в мире и преимуществами своего социалистического строя. Видимо с тех советских времен у нас и сохранилась привычка воспринимать любые формы молодежного протеста как нечто чуждое и нетипичное для нашей культуры. В нашем обществе до сих пор многие отождествляют молодежный радикализм с теми, карикатурного вида молодыми националистами, которых мы иногда видим на митингах и шествиях несистемной оппозиции, и которые, по весьма распространенному мнению, «не

пользуются никаким влиянием в обществе и существуют лишь благодаря финансовой поддержке из-за океана».

Как обстоят дела в действительности? Не тешим ли мы себя иллюзиями? Не принимаем ли за целое видимую часть айсберга?

На проблему молодежного радикализма в России можно взглянуть с разных точек зрения. Если рассматривать молодежный радикализм в институциональном плане, как организованную и целенаправленную деятельность политизированных групп молодежи, то такого рода радикализм пока не имеет значительных масштабов и не представляет угрозу национальной безопасности страны. Если же взглянуть на молодежный радикализм как на форму массового сознания и поведения, то ситуация начинает выглядеть совсем по-другому: на протяжении последних 10–15 лет наблюдается нуклонный рост протестных настроений и противоправных действий со стороны российской молодежи.

Наша молодежь испытала на себе все перипетии российских реформ. В 1990-е годы она оказалась одной из наименее защищенных социальных групп общества и выживала, как могла. Ее разочарование в идеалах и поиски себя в условиях неблагоприятного

социального окружения неизбежно сопровождалось ростом девиантного, противоправного и протестного поведения в молодежной среде самой различной направленности.

Сопутствующая реформам многократная смена парадигм исторического сознания [1] ввергла молодежь в состояние глубокой социальной аномии и вызвала у ее значительной части агрессивное неприятие любых идущих извне идей и концепций. Тем самым был перекрыт один из важных каналов социализации молодого человека, и результаты этого процесса стали полностью зависимы от его непосредственного социального окружения.

Самостоятельные «поиски себя» в условиях радикальных российских реформ не могли привести ни к чему хорошему, и не удивительно, что поколения молодежи, сформировавшиеся за прошедшие три десятилетия, оказались плохо адаптированными к условиям российского социума.

Социологи насчитывают три таких поколения, которые, будучи предоставлены сами себе, прошли за годы реформ путь от разочарования в идеалах, пустоты и потерянности ... к радикализму и экстремизму. Первые два поколения времен перестройки и начала 2000-х гг. в большинстве своем не смогли найти себя в новой российской жизни и выбраться из состояния социально-политической инфантильности и неустроенности. Третье, последнее поколение, процесс становления которого происходит у нас на глазах, демонстрирует явный рост как лево-, так и праворадикальных настроений антисоциальной направленности [2], которые не ограничиваются радикальными взглядами и убеждениями, а находят свое продолжение в реальных экстремистских действиях, в том числе, организованных.

Именно молодежь образует социальную базу радикализма и экстремизма в современной России. По экспертным оценкам молодые люди в возрасте до 30 лет составляют в среднем 80% членов экстремистских организаций [3].

Чем объяснить подобную ситуацию? Казалось бы, современное российское общество разительно отличается от себя самого «образца 1990-х», да и данные официальной статистики говорят о наличии устойчивой тенденции снижения молодежной преступности на протяжении последних 12–13 лет. Однако посмотрим на эту статистику более внимательно.

Действительно, на протяжении всего первого десятилетия 2000-х гг. абсолютное число молодежных правонарушений в России снижалось. Исключение составил лишь 2006 г., когда был зафиксирован небольшой подъем молодежной преступности. На момент переписи 2010г. доля молодежной преступности сократилась примерно до 50% от уровня 2000 г. и сегодня должна быть еще ниже. Однако снижение общего числа преступлений совершаемых молодежью происходило на фоне сокращения численности самой молодежи: на протяжении 2000-х гг. доля молодежи в со-

ставе населения постоянно снижалась и в абсолютном, и относительном выражении. За последние десять лет численность молодежи сократилась примерно на 34%: с 39,4 млн. человек (27,3% населения) в 2003–2004 гг. до 29,4 млн. человек (20,5% населения) в 2014 г. [4].

Таким образом, если брать в расчет не общее количество совершаемых молодыми людьми правонарушений, а их удельный вес приходящийся на одного представителя молодого поколения, то общая картина уже не будет выглядеть столь радужной.

Картина молодежной преступности станет еще ближе к реальности, если перестать оперировать общими цифрами и понятиями. «Молодежь вообще» – это чисто статистическая категория, которая в силу своей абстрактности обладает ограниченной познавательной ценностью и во многих случаях маскирует происходящие процессы.

Реальная молодежь неоднородна в социально-демографическом, социально-классовом и во многих других отношениях. Она состоит из двух больших социально-возрастных групп: 14–17 и 18–29 лет, которые находятся на разных стадиях социализации и проявляют себя по-разному в одних и тех же условиях. Динамика преступлений несовершеннолетних (14–17 лет) действительно имеет устойчивую тенденцию к снижению на протяжении последних 10–15 лет. Однако в группе 18–29 лет наблюдается прямо противоположный процесс – при снижении общего числа противоправных деяний молодежи, удельный вес этих деяний, приходящийся на одного представителя молодого поколения возрастной группы 18–29 лет только возрастает.

Так выглядит картина молодежной преступности с более близкой, социологической дистанции, которая подтверждается не только результатами социологических исследований, но и данными самой уголовной статистики. Стоит ли говорить, что эта картина не внушает особого оптимизма.

Да, сегодня мы живем в другом обществе, но многие тенденции, заложенные в 1990-е гг., продолжают действовать и в России «образца 2000-х». К тому же российское общество не стоит на месте, в его жизни появляются новые факторы и обстоятельства, которые способны не только поддерживать, но и усиливать степень и темпы радикализации молодежи.

Речь идет о сокращении доли молодежи в составе населения, об изменении ее положения на рынке труда, о процессах социальной дифференциации в российском обществе, о взаимоотношении коренного населения с мигрантами из ближнего зарубежья и некоторых других факторах, которые выглядят достаточно нейтрально в политическом отношении, однако в своей совокупности ведут к обострению социальной напряженности в среде молодежи, способствуя росту в ней радикализма и экстремизма.

Современная Россия живет в условиях ежегодного сокращения доли молодого поколения в составе населения и, согласно прогнозу, оно будет продолжать-

ся как минимум ближайшие десять лет. Названный процесс сопровождается общим снижением потенциальной величины человеческого капитала и молодого поколения, и нации в целом, в связи с уменьшением доли молодежи в детородном и трудоспособном возрасте.

Эти последствия, на первый взгляд, никак не могут стимулировать рост радикализма в молодежной среде, скорее наоборот, – стоит ожидать снижения его уровня в связи с общим сокращением численности российской молодежи. Однако в региональном разрезе все выглядит несколько иначе: сокращение молодежи происходит крайне неравномерно.

И сегодня, и в ближайшие десять лет лидерами по удельному весу молодежи остаются республики Северного Кавказа, где главными проблемами молодого поколения являются получение качественного профессионального образования и трудоустройство. Нерешенность этих проблем является источником социальной напряженности в регионе уже сейчас, а в будущем она будет только возрастать. Переизбыток трудоспособной молодежи в северокавказском регионе будет неизбежно стимулировать ее миграцию в другие регионы, способствуя созданию в них очагов межэтнической напряженности.

Уменьшение удельного веса молодежи в составе населения имеет еще одно негативное последствие: ухудшается соотношение численности молодежи и пенсионеров, в результате чего возрастает нагрузка на работающую часть молодежи, которая вынуждена обеспечивать возрастающую долю пенсионеров.

Это обстоятельство негативно влияет на положение российской молодежи на рынке труда, которое и так не отличается стабильностью. Возрастные группы 20–24-х и 25–29-летних удерживают лидерство в составе безработных на протяжении всех 2000-х гг. [5], а с момента последней переписи населения, при абсолютном сокращении общего числа безработных, доля молодежи в их составе даже возросла с 42,5% в 2010 г. – до 43,1% в 2012 г. [6].

Планируемое увеличение возраста выхода на пенсию до 65 лет должно привести к еще большему сокращению числа рабочих мест доступных для молодежи, поскольку их будут продолжать занимать представители старшего поколения. Эти проблемы коснутся, прежде всего, слаборазвитых регионов, в числе которых Северный Кавказ и ряд районов Сибири, и станут дополнительным стимулом для миграции местной молодежи в регионы с нехваткой рабочей силы.

Таким образом, простое сопоставление тенденции сокращения доли молодежи в составе российского населения и ее положения на рынке труда позволяет назвать несколько факторов радикализации ее сознания и поведения в ближайшем будущем. Это, прежде всего, рост социальной напряженности и криминализация молодежной среды в регионах с переизбытком трудоспособной молодежи; это неизбежное усиление противостояния местной и приезжей молодежи в реги-

онах с дефицитом рабочих мест, и, наконец, это общий рост националистических и ксенофобских настроений в регионах с недостатком рабочей силы.

Процессы социальной дифференциации российского общества, сопровождавшие преобразования в ее экономической и политической сфере, также несут в себе скрытый «потенциал» усиления радикальных настроений в молодежной среде.

Несмотря на либеральные рыночные реформы и общий рост уровня жизни основной массы населения, который наблюдался последние 10–15 лет, в российском обществе сохраняется глубокое социальное расслоение – разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения продолжает увеличиваться. Поляризация доходов сопровождается дезинтеграцией общества и проявляется в росте аномии, озлобленности, массового девиантного и противоправного поведения, особенно среди молодежи.

Попытки российского среднего класса выйти за рамки 25–27% неизменно оканчивались неудачей. В обществе действуют мощные факторы, сдерживающие его рост: коррупция и возрастающая поляризация доходов. По сравнению с развитыми западными странами, где средний класс составляет более половины населения, мы имеем как бы «перевернутую» социальную структуру общества, большинство в которой (примерно 70%) представлено различными слоями бедных и малообеспеченных слоев населения. То обстоятельство, что не менее 70% молодежи современного российского общества не принадлежит к обеспеченным слоям населения, во многом объясняет общий уровень ее криминальной и протестной активности.

Согласно концепции делинквентных молодежных субкультур, разработанной еще в начале прошлого века в трудах Альберта Коэна, Ричарда А. Кловарда, Ллойда Е. Олина и ряда других социологов, истоки молодежной делинквентности кроются в классовой дифференциации общества – в неравных стартовых жизненных возможностях для молодежи из высшего, среднего и низшего классов. Суть названной концепции сводится к следующему. Делинквентная и криминальная субкультура характерна главным образом для молодежи из низших слоев общества, которые сориентированы на жизненные стандарты среднего класса, но лишены практических средств их реализации – возможности получить соответствующее образование, работу, статус и т.п. Дети из малообеспеченных слоев общества не имеют возможности добиться богатства и жизненного успеха законными путями. Делинквентная субкультура становится для них способом компенсации недоступных жизненных стандартов среднего класса и одновременно формой отрицания этих стандартов. В местах, заселенных преимущественно представителями низших слоев общества складывается особая делинквентная и криминогенная среда со своими передающимися от поколения к поколению традициями.

Концепция делинквентной молодежной субкультуры хорошо «работает» применительно к обществу со сложившейся социально-классовой и территориально-классовой стратификацией, то есть к обществу западного типа. Она вряд ли была применима к России 1990-х гг., когда процесс формирования ее новой социально-классовой структуры только начинался, но по мере завершения этого процесса познавательная ценность данной концепции начала стремительно возрастать. Дело в том, что по оценкам ряда авторитетных социологов [7], так называемый андеркласс – самая «нижняя» составляющая малообеспеченных слоев российского общества, – не только практически завершил свое формирование, но и уже начал процесс своего самовоспроизводства.

До 80% представителей российского андеркласса сосредоточено в средних и малых городах, а также селах. Показательно, что согласно последним криминологическим данным и социологическим опросам [8] самый высокий уровень преступности в России приходится как раз на населенные пункты с числом жителей 50–250 тыс. человек, а готовность принять участие в акциях протеста в малых городах с численностью населения менее 50 тыс. человек в два-три раза больше, чем в Москве и городах-миллионниках. Не здесь ли причина продолжающегося роста молодежного экстремизма и радикализма?

Фактором постоянно подпитывающим радикальные и экстремистские настроения в молодежной среде, является высокий, сравнительно с другими социальными слоями российского общества, уровень ее маргинализации. Российское общество до сих пор не оправилось от социальных последствий массовой маргинализации населения периода реформ 1990-х гг., и молодежь в силу своего транзитивного характера оказалась наиболее подверженной этим процессам. Сегодня доля молодежи в составе основных маргинальных групп (безработных, внутренних мигрантов, иммигрантов-гастарбайтеров, беженцев, переселенцев, освободившихся из мест лишения свободы и т.п.) значительно превышает ее долю в составе населения [9].

Политический экстремизм и радикализм формируются преимущественно в маргинальной среде, а наиболее массовым видом радикализма в современном обществе является национал-радикализм, вырастающий на почве массового распространения этнической и религиозной ксенофобии. Именно здесь «сходятся» все объективные ограничения и недоработки молодежной политики в сфере занятости, образования, регулирования миграционных потоков и выравнивания уровня доходов различных слоев населения.

По степени распространения этнической и религиозной ксенофобии молодежь опережает все прочие слои российского общества. Здесь свою роль, конечно, играет и присущий молодому поколению возрастной максимализм и недостаток жизненного опыта, но главное состоит в том, что определенная часть российской молодежи, особенно в районах межэтнической напря-

женности, чувствует себя в обществе «неуютно».

В рамках тех возможностей, которые предоставляет им социальное окружение, молодые люди начинают видеть причину своих проблем в «приезжих» – представителях иных этносов, культур и религий, число которых с каждым годом растет. В современном российском обществе этническое самосознание доминирует над общегражданским, общероссийским самосознанием, вследствие чего этническое противостояние «мы – они» продолжает сохраняться, усугубляя и без того напряженные отношения между иноэтничными мигрантами и принимающим обществом.

Таковы основные факторы радикализации молодежи в современном российском обществе. Некоторые из них, подобно сложившемуся социальному расслоению, носят системный характер и не могут быть устранены в обозримом будущем. Другие, связанные с положением молодежи на рынке труда и межэтнической напряженностью, в определенной мере могут быть минимизированы, прежде всего, за счет своевременной и грамотной молодежной политики. Состояние последней, однако, оставляет желать лучшего.

По данным на 2012 г. в среднем по России расходы на молодежную политику в расчете на одного молодого человека в возрасте 14–30 лет составляли 1 825 руб.. Однако по регионам эта цифра различалась более чем в 28 раз: от 491 руб. в год в Липецкой области – до 14122 руб. в год в Ямало-Ненецком автономном округе [10]. Сравнительный анализ регионов показывает, что конкретные размеры финансирования зависят не столько от уровня социально-экономического развития региона, сколько от степени осознания местными властями важности решения молодежных проблем для развития данного субъекта РФ и российского общества в целом. Существующий региональный разброс финансирования государственной молодежной политики ясно говорит о том, что характер этого осознания не соответствует реальной значимости молодежных проблем [11].

Такова ситуация на сегодняшний день, и если не будут предприняты эффективные меры в сфере занятости молодого поколения и его социального обеспечения, в области миграционной и национальной политики – процесс радикализации российской молодежи будет продолжаться, и вряд ли стоит ожидать в ближайшем будущем снижения ее протестной и криминальной активности.

Литература

1. См.: *Рывкина П.В.* Социальные корни криминализации российского общества // Социологические исследования, 1997. №4. С. 74–76.
2. См.: *Староверова И.В.* Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи. Социологические исследования. 2009. № 11. С. 115–116.
3. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с

МВД России и ФСБ России) URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

4. См.: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

5. См.: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Iss-WWW.exe/Stg/d01/05-17.htm.

6. См.: Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала. Ч. 1, с. 97–98 URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

7. См.: Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества// Социологические исследования. 2011. № 5.

8. См.: Комплексный анализ и тенденции развития преступности на территории Российской Федерации: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, М.М. Бабаев, М.Ю. Воронин, Н.И. Сазонова, О.В. Яковлев, В.А. Щербakov, С.В. Маликов (Библиотека криминолога) М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2011. С. 22, 44.

9. Так, например, молодежь в 2014 г., занимая в общей численности населения долю в 20,5%, составляла 43% безработных и 43,4% гастарбайтеров.

10. См.: Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала. Ч. 1. С. 91–92 URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

11. В 2014–2015 гг. расходы федерального бюджета на молодежную политику были снижены, примерно до уровня 2010 г., и прямые расходы в этой области, легли в основном на плечи регионов.

References

1. See: Ryzhkina R.V. Social roots of the criminalization of Russian society // Sociological studies, 1997. No. 4. P. 74–76.

2. See: Staroverova I.V. Deviation Factors of consciousness and behavior of Russian youth. Sociological research. 2009. No. 11. P. 115–116.

3. Guidelines for the prevention and countering extremism in the youth environment (developed by the Ministry of sports and tourism jointly with the Ministry of internal Affairs of Russia and FSB of Russia) URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

4. See: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

5. See: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Iss-WWW.exe/Stg/d01/05-17.htm.

6. See: The youth of Russia 2000–2025: the development of human capital. Part 1, P. 97–98 URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

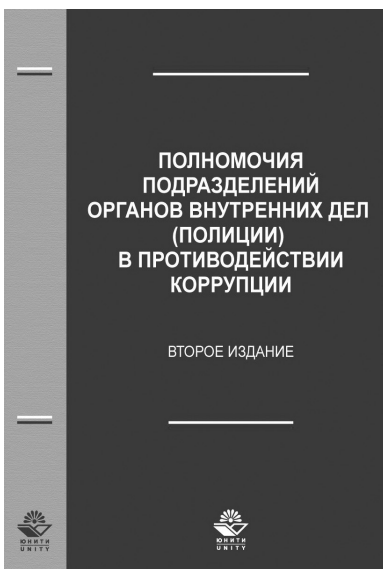
7. See: Tikhonov N.E. The lowest class in the social structure of Russian society// Sociological researches. 2011. No. 5.

8. See: Complex analysis and trends of crime in the territory of the Russian Federation: an Analytical review / L.A. Sitkovskiy, M.M. Babaev, M.Yu. Voronin, N.I. Sazonova, O.V. Yakovlev, V.A. Shcherbakov, S.V. Malikov (Library of criminology) M.: Federal state institution «research Institute of the MIA of Russia», 2011. P. 22, 44.

9. So, for example, young people in 2014, ranking in total population share of 20.5%, accounted for 43% of the unemployed and 43.4% of the workers.

10. See: The youth of Russia 2000–2025: the development of human capital. Part 1. P. 91–92 URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act.php>.

11. In the 2014–2015 Federal budget spending on youth policy were reduced, approximately to the level of 2010, and the direct costs in this area rests largely on the shoulders of the regions.

Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ю.В. Трунцевского, Н.Д. Эриашвили, Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 135 стр.

Рассматриваются вопросы понятия и сущности коррупции, антикоррупционной политики России на современном этапе, структура и направления деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия коррупции.

Для курсантов, слушателей и преподавателей высших учебных заведений МВД России, а также практических работников правоохранительных органов.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ ОЛЕЙНИК,
аспирант кафедры политологии и политического управления
Кубанского государственного университета
E-mail: oleynik_007@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье раскрывается процесс радикализации ислама в современном мире и его распространения в странах Западной Европы, выделяются вызванные этим вызовы и угрозы человеческой цивилизации. Акцентируется внимание на религиозно-политических аспектах ислама как идеологии, крайней практической формой выражения которой является терроризм.

Ключевые слова: ислам, исламизм, терроризм, религия, исламизация, радикальный, террористическая деятельность, Западная Европа, идеология.

Annotation. The article reveals the process of radicalization of Islam in the modern world and its distribution in Western Europe, highlighted the consequent challenges and threats to human civilization. Focuses on religious-political aspects of Islam as an ideology, an extreme practical form of expression of which is terrorism.

Keywords: Islam, islamism, terrorism, religion, islamization, radical, terrorist activity, Western Europe, ideology.

Сегодня наблюдается активный процесс эскалации исламского радикализма и экстремизма в мире. Форсированное распространение радикальных исламских идей в различных странах является фактором формирования новых вызовов и угроз международной и национальной безопасности. Убежденность исламистов в нераздельности политики и религии, а также в исключительной роли ислама в общественной жизни мешает принятию ими принципов демократии и светского государства, что явилось одной из причин провала политики мультикультурализма в Европе, активизации террористической деятельности на континенте. Одним из примеров этому может служить террористический акт в редакции Charlie Hebdo в Париже 7 января 2015 г., вызвавший широкий резонанс в мировом сообществе. Заметно усилилась тенденция к радикализации ислама, а исламизм как религиозно-политическая идеология находит все большую поддержку среди мусульман, в том числе и в странах Западной Европы, где провозглашены принципы демократии и секуляризма.

В современных условиях происходит усиление роли религиозного фактора, он становится одной из существенных составляющих политических процессов как на национальном, так и на международном уровнях. Особенно проявляется это в переходные периоды развития обществ, когда неизбежно возникают конфликтные ситуации. Вследствие несовместимости религиозных доктрин различных конфессий периодически возникают очаги напряженности, где иногда до-

вольно сложно провести грань между политической и религиозной составляющей.

В этой связи необходимо обратить внимание на политический ислам (исламизм), представляющий собой идеологическую основу формирования радикальных настроений многих мусульман. Отечественный ученый С.А. Семедов определяет исламизм как один из вариантов выстраивания отношений между исламом и политикой, который, в отличие от модернизма, не ведет к секуляризации и носит как антизападный, так и антилиберальный характер. Он утверждает, что идеология политического ислама – это набор концепций, используемых для формулирования конкретной идейной позиции [1].

Стоит отметить, что ислам как религия изначально содержал в себе политическую составляющую. Его основатель, пророк Мухаммед, был не только религиозным лидером, но и военачальником. Религия не была отделена от политики, что нашло свое отражение и в последующем правлении халифов, послужило идеологической основой для арабских завоеваний, а также оказало влияние на дальнейшую историю ислама (вплоть до наших дней). Во многом именно теократический характер раннего ислама (заложивший основу религии) мешает современным радикально настроенным исламистам отказаться от своих политических амбиций по переустройству общества в соответствии с законами шариата.

Некоторые мусульмане рассматривают священную войну (джихад) как один из столпов ислама, но

это утверждение вызывает много споров, так как зачастую именно джихад подвержен неверным интерпретациям. В буквальном смысле он означает «усилие», а именно борьбу со своими духовными и социальными пороками [2]. Тем не менее, понятие «джихад» довольно многозначно и выступает в различных формах. Многое зависит от его интерпретации и конкретизации. Например, существует такое понятие, как «джихад сердца» (или «большой джихад») – борьба мусульманина против своих греховных страстей и духовных пороков (нафсом). Данную интерпретацию ввел один из основателей суфизма, исламский богослов, философ Абу Хамид аль-Газали. Он отмечал, что мусульманину приходится постоянно бороться со своим нафсом и лучше попасть в плен к неверному, чем позволить дьяволу погубить себя изнутри и вызвать этим гнев Аллаха [3]. К сожалению, в современном информационном пространстве понятие джихада подвержено спекуляциям и в основном используется как «джихад меча», вооруженная борьба с неверными, а также деятельность, направленная на установление законов шариата в немусульманских странах.

Понятие «джихад» широко используется в лозунгах экстремистов и террористов и подкрепляется отдельными сурами из Корана, хадисами, которые выполняют у них функцию «морального оправдания» террористической и экстремистской деятельности. Тут можно согласиться с Х. Арндт, которая в своей работе «О насилии» отмечала инструментальный характер насилия, которое, с феноменологической точки зрения, довольно близко к мощи, т.к. орудия насилия (подобно всем другим орудиям) создаются и используются с целью умножения естественной мощи. Она пишет, что насилие всегда нуждается в оправдании той целью, для достижения которой оно используется. Следовательно, то, что нуждается в оправдании со стороны чего-либо иного, не может само быть сущностью чего бы то ни было [4]. Примечательно то, что в Коране достаточно много сур, которые могут быть использованы экстремистами и террористами для оправдания целей насилия. В качестве примера можно привести суру 9:5: «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду. Если же они раскаются и станут совершать намаз, выплачивать закят, то отпустите их, ибо Аллах – Прощающий, Милосердный» [5]. Тем не менее, насилие, направленное против мирного населения, не соответствует духу ислама (Коран, сура 25:68). Сюда же относится и самоубийство ради достижения цели, которое также неприемлемо и является отступлением от норм шариата (Коран, сура 4:29, 2:195).

Несмотря на это, представители радикальных течений ислама сознательно умалчивают подобные наставления Корана, так как они смягчают и ослабляют идеологическую почву их деятельности. Следовательно, большое значение имеет достаточный уровень грамотности мусульман в области богословия, так как в

противном случае они являются легкой добычей террористов и экстремистов.

На современном этапе можно наблюдать изменение методов, используемых исламскими террористами, их стиля деятельности, что во многом связано с процессом глобализации. Все большее значение приобретают такие организации и движения, как «Аль-Каида», «Талибан», «Хизб ут-Тахрир», «ХАМАС» и т.д. Этому во многом способствует сетевая структура многих из них. Наблюдается переход исламистских организаций к тактике децентрализации и интернационализации своей деятельности, а сетевой характер таких взаимодействий позволяет террористам из числа радикальных мусульман проводить эффективную информационную политику и, при необходимости, организовывать точечные удары в разных странах. Некоторые ученые даже говорят о новой форме терроризма – сетевого терроризма, когда террорист мотивируется на совершение теракта информационным полем, но действует самостоятельно, без непосредственной связи с террористической организацией [6]. Стоит также отметить, что если раньше террористы действовали в рамках своих государств, то теперь акцент все больше смещается на «дальнего врага», в том числе и на страны Западной Европы, США.

Исламисты воспринимают свою религию как универсальную систему, которая отвечает их политическим, экономическим и культурным потребностям. Исламизм рассматривает ислам как полноценную божественную систему со своей политической моделью, культурными кодами, правовой структурой и экономическим устройством – систему, которая реагирует на любые человеческие запросы. При этом число адептов ислама в мире неуклонно растет. Согласно данным исследовательского центра Pew Research Center при сохранении нынешних тенденций к 2050 г. численность мусульман примерно сравняется с числом христиан по всему миру. В Европе мусульмане составят около 10% от общей численности населения, а в США численный состав мусульманской общины превысит еврейскую. В целом, число приверженцев ислама будет расти быстрее чем любой другой мировой религии [7]. Отсюда можно сделать закономерный вывод, что данные страны будут представлять собой удобную площадку для распространения радикальных исламистских идей.

В этой связи показателен пример стран Западной Европы, где процесс исламизации имеет тенденцию к расширению и углублению. Условно можно выделить два типа исламизации – горизонтальную (исламизация институтов гражданского общества) и вертикальную (исламизация властных структур).

При этом особое внимание необходимо обратить на горизонтальную исламизацию с сетевым взаимодействием исламских организаций. На сегодняшний день их деятельность охватывает значительное социальное пространство: мечети, исламские центры, национальные и религиозные организации, а также образовательные учреждения, студенческие союзы,

молодежные и женские движения. В Западной Европе насчитывается более 7 тысяч мечетей, центров и учреждений, принадлежащих мусульманской общине [8]. Наблюдается процесс постепенной исламизации, наряду с которой возможно построение параллельных структур власти.

Вместе с тем, тревожным сигналом для стран Западной Европы является создание на их территории шариатских судов, что может являться как результатом активной деятельности исламистов, так и слабостью существующей судебной ветви власти. Шариатские суды уже существуют и действуют в Великобритании, Бельгии, Германии, Голландии и других странах [9]. Но их круг вопросов ограничен, в основном это гражданские дела.

Осложнение процесса интеграции, отсутствие социальных лифтов приводит к геттоизации мусульман. Это создает почву для распространения радикальных исламистских идей. Но необходимо помнить, что далеко не все исламисты делают акцент на вооруженную борьбу («джихад меча»). Например, в странах Западной Европы они принимают активное участие в общественно-политической жизни стран проживания, занимаются религиозно-просветительской деятельностью, стремятся оказывать влияние на функционирование политической системы, формирование политических институтов и принятие политических решений, используя при этом демократические рычаги.

На современном этапе заметно усилилась тенденция к радикализации ислама. Исламизм как религиозно-политическая идеология находит все большую поддержку среди мусульман, в том числе и в странах Западной Европы, где провозглашены принципы демократии и секуляризма. Он выступает как в умеренной форме (политическое участие с использованием демократических рычагов), так и в форме террористической деятельности (в частности, сетевого терроризма). В последнем случае необходимо пресекать поддержку исламских радикалов некоторыми государствами и международными организациями, координировать действия различных субъектов в борьбе с исламским радикализмом.

В связи с провалом политики мультикультурализма и неуклонным ростом числа адептов ислама во многих странах существует необходимость в идеологической альтернативе исламизму. Необходима существенная доработка концепции евроислама и акцентирование внимания на тех конструктивных положениях ислама, которые сближают его с другими религиями. Странам Западной Европы ослабленным внутренними противоречиями и неподконтрольной иммиграцией необходима не только идеологическая альтернатива исламизму, но и комплекс мер, направленных на профилактику исламского политического радикализма, предупреждение конфессиональных конфликтов.

Литература

1. См.: *Семедов С.А.* Политический ислам в современном мире: Дисс. ... докт. филос. наук. М., 2009. С. 135–136, 181–182, 190–193.
2. См.: *Lindholm C.* Islam: Middle East // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, Elsevier Science Ltd. 2001. P. 7924.
3. См.: Аль-Газали А.Х. Исследование сокровенных тайн сердца. Пер. с араб. М.: «Ансар», 2008. С. 19–21.
4. См.: *Арендт Х.* О насилии. Пер. с англ. М.: «Новое издательство», 2014. С. 54–67.
5. *Кулиев Э.* Смысловой перевод священного Корана на русский язык. Пер. с араб. Медина: Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана, 2010. С. 226.
6. См.: Терроризм как социально политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / [В.Ю. Бельский и др.] / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 156–159.
7. См.: *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050* // Pew Research Center Washington, DC. 2015. P. 5–7.
8. См.: Исламские организации Европы // <http://yarden.islamtat.ru/publ/stati/poznavatelno/16-1-0-14>.
9. См.: *Юрченко В.М., Олейник В.И.* Религия и политика: исламизм в светском государстве (на материалах Западной Европы) // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 293.

References

1. See: *Semedov S.A.* Political Islam in the modern world. Diss. ... Dr. Philos. Sciences. M. 2009. Pp. 135–136, 181–182, 190–193.
2. See: *Lindholm C.* Islam: Middle East // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, Elsevier Science Ltd. 2001. P. 7924.
3. See: *Al-Ghazali A.H.* studies of the innermost secrets of the heart. TRANS. with the Arab. M.: «Ansar», 2008. Pp. 19–21.
4. See: *Arendt H.* On violence. TRANS. angl. M.: the New publishing house, 2014. P. 54–67.
5. *Kuliyev E.* Semantic translation of the Holy Quran in Russian language. TRANS. with the Arab. Medina: the Complex of a name of King Fahd on the publication of the Holy Quran, 2010. P. 226.
6. See: Terrorism as a socio political phenomenon. Opposition in modern conditions: monograph / [V.J. Belsky and others]; edited by V.J. Belsky, A.I. Secuty. M.: Uniti-DANA, 2015. Pp. 156–159.
7. See: *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050* // Pew Research Center Washington, DC. 2015. R. 5–7.
8. See: Islamic organizations in Europe // <http://yarden.islamtat.ru/publ/stati/poznavatelno/16-1-0-14>.
9. See: *Yurchenko V.M., Oleinik V.I.* Religion and politics: Islamism in a secular state (on materials of Western Europe) // Bulletin of the Russian nation. 2014. No. 6. P. 293.

УДК 316
ББК 60.5

ФЕНОМЕН РАДИКАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ДЕЛИНКВЕНТНОЙ СРЕДЕ В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ И РОССИИ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕЛЕЗНЕВ,
старший научный сотрудник Института социально-политических
исследований РАН, кандидат социологических наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Статья посвящена распространению радикального исламизма в делинквентной части западного и российского общества. Анализируется симбиоз исламского радикализма и криминалитета как в пенитенциарных учреждениях, так и на воле.

Ключевые слова: радикализм, ислам, исламизм, антисистемная идеология, пенитенциарные учреждения, криминалитет.

Annotation. The article is devoted to the spread of radical Islamism in delinquent parts of Western and Russian society. Examines the symbiosis of Islamic radicalism and criminality in prisons and on the outside.

Keywords: radicalism, Islam, islamism, anti-system ideology, prisons, the criminal world.

В начале XXI в. классические политические идеологии европейского происхождения, претендующие на собственный универсальный проект, демонстрируют явный упадок. В этих условиях, явным конкурентом им выступает исламизм (политический ислам). Исламизм демонстрирует способность составить эффективную конкуренцию консерватизму (палеоконсерватизму) и «новым правым» в обращении к традиционализму, морализму и религиозному фундаментализму: он не уступает социализму (коммунизму) в плане эгалитаризма и антибуржуазной социально-экономической проектности, а фашизму (национал-социализму) – в тотальности и воле к разрушению и смерти. При таких «задатках» ислам становится «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в странах Западной Европы и США. В условиях идейного кризиса социалистической (коммунистической) идеологии ислам занимает на Западе место глобальной радикальной антисистемной идеологии. Это обусловлено тем, что после уничтожения коммунистической

системы и ослабления коммунистической идеологии и леворадикальных группировок недовольство людей капиталистической системой стало выражаться в интересе к религиозно окрашенным политическим учениям. К примеру, если еще в 1970-е гг. акции «прямого действия» палестинского движения сопротивления воспринимались в рамках общего тренда леворадикального терроризма (наряду с «красными бригадами», «фракцией красной армии» и т.п.), то теперь уже радикальный исламизм выступает по отношению к ультралевым в качестве «старшего партнера».

Ислам с его эгалитарным этосом имеет исторический опыт идейной экспансии на широкие социальные слои. Так, в средние века после завоевания Индии Захир ад-дин Мухаммад Бабуром и возникновения тимуридской империи Великих Моголов можно было наблюдать «омусульманивание» различных групп населения, до этого находившихся на нижних ступенях кастовой «лестницы престижа». Тут не только массовый мусульманский прозелетизм «неприкасаемых», наблюдаемый даже в наши дни (впрочем, представители низших слоёв переходят и в дру-

гие религии – буддизм, даже в христианство), но и, к примеру, переход в ислам касты музыкантов.

Достаточно широко известно обращение к исламу ряда радикальных западных интеллектуалов (Р. Генон пришел к исламу от консерватизма и традиционализма, Р. Гароди – от коммунизма). Но стоит обратить внимание и на другие социальные страты. Так, в частности, политический ислам получает распространение среди делинквентных слоёв западного общества. Если в начале XX в. арестованные революционеры-коммунисты идейно влияли на часть уголовного мира, то в сегодня криминалитет подвергается подобному идейному воздействию со стороны исламизма. В местах лишения свободы преступники оказываются рядом с осужденными радикалами (коммунистами или исламистами), которые воспринимаются как «пострадавшие за идею, а не корысти ради», что способствует повышению их авторитета и влиянию на других осужденных. И выстраивающиеся взаимоотношения в терминах В. Парето можно описать как союзничество «контрэлиты» (политические радикалы) с «антиэлитой» (криминалитет). Криминальную субкультуру и политический ислам роднит также нигилизм по отношению к имеющемуся государству и праву и собственные нормативные представления («попонятиям» либо «по шариату»), что создаёт почву не только для диалога и взаимоуважения, но и партнёрства между представителями преступного мира и радикального исламизма.

Существуют данные, свидетельствующие о широком распространении ислама как религии (и соответствующей идеологии) среди отбывающего наказание контингента пенитенциарных учреждений Великобритании. За последние полтора десятилетия численность мусульманских заключённых увеличилась в них в 4 раза, и на сегодняшний день из 84000 заключённых в Англии и Уэльсе 12000 являются мусульманами. В докладе палаты общин в 2012 г. указывалось, что численность заключённых мусульман возросла с 3681 чел. в 1997 г. до 11248 чел. в 2012 г., т.е. более чем на 200% [1]. Мусульмане, составляющие более 5% населения Великобритании, составляют 13% обитателей тюрем. Почти треть заключённых приняла ислам во время отбывания наказания [2].

Соответственно, возросло влияние радикальных исламистских группировок (джихадо-салафитов, ваххабитов, «братьев-мусульман») в тюрьмах Великобритании. Пропаганда ислама, осуществляемая этими группировками направлена как «в ширь» – к более широкому охвату заключённых, так и «в глубь» – с индивидуальной направленностью на наиболее авторитетных заключённых, чей пример станет в будущем привлекательным для других. Именно радикализация заключённых-мусульман, а не сам факт обращения их к религиозной жизни вызывает опасения со стороны британских властей.

Мусульманские сообщества становятся в британских тюрьмах «коллективами выживания» Сообщается, что всё больше заключённых в Великобритании принимают ислам для того, чтобы к ним было особое отношение, а также, чтобы заручиться поддержкой влиятельных группировок этнических мусульман. Также часть заключённых используют принятие ислама в тюрьме для продвижения по уголовной кастовой иерархии. Многие заключённые в тюрьмах насильно склоняются к принятию ислама [3].

Среди причин, побудивших их перейти в ислам – защищенность, которую дает принадлежность к определенной группировке, и те привилегии, которыми, по их мнению, пользуются мусульмане. У заключённых-мусульман есть больше прав, есть возможность проводить больше времени вне камер, поскольку у них общие молитвы, а в связи с Рамаданом они получают лучшее питание.

Одной из версий того, почему радикальный исламизм стал нормой в британских тюрьмах называют деятельность исламистских благотворительных фондов, оказывающих поддержку заключённым-мусульманам, не разделяя их на «политических» и «уголовных» и снабжая всем необходимым. Эти организации оформлены в качестве НКО и получают пожертвования от всех желающих помочь заключённым-мусульманам и их семьям. Кроме того, НКО предлагают «духовную консультацию» от различных имамов, наносящие визиты в тюрьмы и преподающих ислам заключённым. В большинстве случаев, такие уроки и консультации проводят представители радикальных течений ислама [4]. Тут можно вспомнить, например, опыт Международной организации помощи революционерам (МОПР) в 1920–1930-е гг., но исламские радикалы действуют на порядок эффективнее.

Не только Великобритания обеспокоена ростом исламизма среди заключённых, но и во Франции, имеющей гораздо более жесткую пенитенциарную систему, администрация тюрем обеспокоена массивной исламистской пропагандой, приводящей к росту заключённых, принимающих ислам в тюрьмах. Эти процессы свидетельствуют не только о радикализации в европейских тюрьмах, но и предвещают последующее влияние этой исламистской радикализации на европейские общества в самых различных аспектах.

Схожие тенденции эксперты (Р. Сулейменов и др.) отмечают и среди соответствующего контингента в России (Поволжье, Урал, Дагестан). Речь идет о нетрадиционных для коренных мусульманских народов РФ течений зарубежного ислама радикально-фундаменталистского толка (ваххабизм/салафизм, Хизб-ут-Тахрир и др.), чьи адепты сегодня распространили свое влияние на криминальную среду.

Исламисты, отбывающие наказание в российских тюрьмах за религиозный экстремизм и террористические действия ведут «дагват» (пропаганду) среди других осужденных, которые до этого были либо далеки

от религии, либо исповедовали традиционный ислам ханафитского мазхаба. В результате им удаётся создать джамаат из числа заключенных, многих из которых привлекает идеология радикального исламизма. Ведь прошлые «грехи» (преступления) до активного принятия ислама списываются, а возможность их совершить в дальнейшем оправдывается, поскольку новые преступления трактуются как часть «джихада», потому что эта идеология оправдывает совершение преступлений против любого, кто не разделяет их убеждения (и, в том числе, против «неправильных» мусульман-ханафитов) [5].

Что касается симбиоза джихадистов и криминала «на воле», то сегодня многие члены ОПГ в Татарстане, Дагестане превращаются в активных ваххабитов. Так, на многих розничных рынках Казани сегодня можно наблюдать как салафитский криминал пытается придать религиозную окраску рэкету: торговца, если он «этнически» мусульманин, заставляют платить обязательный для каждого мусульманина «закят» (милостыню) в пользу джамаата, на помощь «братьям», сидящим в тюрьмах или ведущим джихад. Религиозно мотивированный рэкет распространяется и на торговцев немусульманского происхождения, ссылаясь на опыт «защиты» христиан и иудеев как «народа Книги» в исламском халифате, за что «защищаемые» обязаны выплачивать «джизью» (налог для неверных). Отдельно стоит обратить внимание на увеличение прозелитов из числа уголовников этнически русского происхождения, принимающих ислам радикального толка под влиянием своих поделчиков-исламистов. Такие «русские мусульмане» зачастую демонстрируют даже более высокую, чем у остальных «братьев» степень радикализма [6].

В условиях идейного кризиса большинства универсальных идеологий западного происхождения возросло влияние радикального ислама на общественную

жизнь в современных странах Европы и России. Широкое распространение он получил и в делинквентной среде.

Литература

1. См.: Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population>.
2. См.: Треть заключенных-мусульман Британии приняли ислам в тюрьме. <http://www.islamnews.ru/news-24729.html>.
3. См.: Заключённых Великобритании насильно заставляют принимать ислам. <http://www.sedmitza.ru/text/3975000.html>.
4. См.: Лиснянская Д. Английский заключенный XXI-го в. <http://www.polosa.co.il/blog/34759>.
5. См.: Сулейменов Р. Тюремный халифат // Независимая газета. 2013. 21 февраля.
6. См.: Сулейменов Р. Аллах его знает. О сращивании мусульманского фундаментализма и криминала в Татарстане // Слово. 2014. 12–25 декабря. С. 13.

References

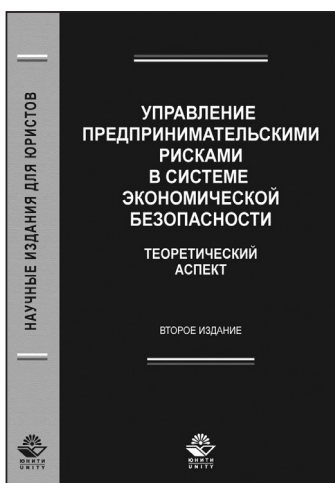
1. See: Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population>.
2. See: A third of Muslim prisoners in Britain converted to Islam in prison. <http://www.islamnews.ru/news-24729.html>.
3. See: Prisoners in the UK being forced to convert to Islam. <http://www.sedmitza.ru/text/3975000.html>.
4. See: Lisnyanskaya D. English prisoner of the XXI-th century <http://www.polosa.co.il/blog/34759>.
5. See: Suleimenov R. Prison Caliphate // Nezavisimaya Gazeta. 2013. On 21 February.
6. See: Suleimenov R. Allah knows. About the interpenetration of Muslim fundamentalism and crime in Tatarstan. 2014. 12–25 December. P. 13.

Управление предпринимательскими рисками в системе экономической безопасности. Теоретический аспект: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. (Серия «Научные издания для юристов») / Барикаев Е.Н., Эриашвили Н.Д., Черняк В.З. Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 159 стр.

Анализируются институциональные преобразования в области управления предпринимательской деятельностью, способствующие повышению уровня экономического обеспечения национальной безопасности. Рассмотрены отношения органов власти и хозяйствующих субъектов, возникающие в процессе управления предпринимательскими рисками, способными сформировать угрозы национальной безопасности в экономической сфере.

Теоретические положения работы и ее фактические данные могут быть использованы в качестве учебного материала в спецкурсе «Экономическая безопасность».

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов.

УДК 316
ББК 60.5

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОПЫЛОВ,
доцент кафедры политологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат политических наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Настоящая статья посвящена идеологии современного исламского фундаментализма и его влиянию на развитие международного политического процесса в XXI в.

Ключевые слова: исламский радикализм, религиозная нетерпимость, исламское государство, идеология правого радикализма

Annotation. The present article is devoted to ideology of modern Islamic fundamentalism and its influence on development of the international political process in the XXI century.

Keywords: Islamic radicalism, religious intolerance, Islamic state, ideology of the right radicalism

Президент США Барак Обама, выступая на 69-й сессии Генассамблеи ООН, характеризуя современную ситуацию в мире отметил: «... Мы стоим сегодня на перепутье между миром и войной, между беспорядком и интеграцией, между страхом и надеждой. На всем земном шаре видны признаки прогресса, но вместе с тем существуют и опасные угрозы человечеству, такие как вспышка лихорадки Эболы в Западной Африке, которая быстро распространяется за ее пределы, агрессия России в Европе, жестокость террористов в Сирии и Ираке» [1].

Нетрудно заметить, что Б. Обама сознательно акцентировал внимание мирового сообщества на деструктивные действия Российской Федерации в Европе, оценив их даже как более опасные, чем происходящие вооруженные столкновения на Ближнем Востоке. Однако, следует отметить, что, не желая усугублять отношения с Российской Федерацией американский президент все же главной угрозой назвал вспышку лихорадки Эболы, хотя в контексте его выступления очевидно – Запад недоволен действиями и независимой политикой российского государства и именно в этой политике видит основную угрозу стремлению США и его союзников к доминированию в современном мире.

В корне, не соглашаясь с такой оценкой американским президентом современных угроз человечеству, можно отметить следующее:

1. Вспышка лихорадки Эболы – очередная «страшилка» для жителей континентальной Европы и Америки. Безусловно то, что эта страшная болезнь с трагическими последствиями. В течение последнего года от нее скончалось не менее 8290 человек, а на 14 января 2015 г. зарегистрировано 21200 случаев заболеваний в Гвинее, Либерии, Нигерии, Сьерра-Леоне, Сенегале, США и Испании суммарно[2]. Но анализируя «потери» в автокатастрофах, да и от эпидемий простого гриппа, можно отметить, что опасность от Эболы преувеличена и используется не только в политических целях, но и в чисто экономических. Объясняется это тем что, фармацевтические компании нередко вступают в сговор с представителями ВОЗ в целях с одной стороны преувеличить опасность многих заболеваний, с другой – получить на продаже лекарств миллиардные прибыли[3].

2. Проводимая в последние годы российским государством политика в определенной степени стала неожиданной для ведущих государств Запада и вызывает у них (особенно у США, Великобритании и Канады) крайнее недовольство. Последовательное, поступательное развитие России является определённым раздражителем для руководства западных стран. Особенно это стало проявляется после заметных результатов российского государства только во внутренне, и внешнеполитической деятельности. Российская Федерация

окрепла экономически, достигла определенных успехов во многих сферах общественной жизни и в том числе предотвратила несколько крупномасштабных конфликтов современности (Сирия, Иран), активно проецирует себя на мировом политическом поле, стала одним из влиятельных субъектов международных отношений. Говоря об экспансии России в Европе (имеется ввиду присоединения Крыма), американский президент совершенно забывает об истории как своей страны (вероломное, вопреки всем юридическим нормам присоединение Техаса) так и некоторые, не без участия США события: вопреки всем международным законам образование новых государств (Косово); цепь «цветных» революций в Европе; свержение режимов на Ближнем Востоке, в Африке.

3. В отношении появления на карте мира квазигосударства под названием «Исламское государство» необходимо отметить, что зародилось оно и расширяется по территории, прежде всего тех странах, где США осуществляли интервенцию в нарушение международного права. Основу его вооруженных формирований составляют офицерский корпус и военнослужащие армии Саддама Хусейна, расформированной после его свержения и казни, наемники и добровольцы со всего мира. Уже давно ни для кого не секрет, что именно Соединенные Штаты через своих арабских единомышленников финансировали и снабжали эти формирования оружием и снаряжением в рамках борьбы с режимом президента Башара Асада. Главной ошибкой американской администрации стала недооценка самостоятельности этих формирований, которые взяв за основу радикальный ислам, замешанный на фундаментализме в определённый момент стали проводить свою, независимую от бывших покровителей политику, направленную на создание современного мирового халифата.

Современный фундаментальный ислам является идеологической основой деятельности различных организаций и движений не только на Ближнем Востоке и других мусульманских государствах за его пределами, но и во всем мире. Он оказывает значительное влияние на развитие мировой политической системы, различных явлений, событий как в мире в целом, так и отдельных странах.

С наступлением XXI в. роль радикализма в современном политическом процессе неуклонно возрастает и вопреки многочисленным декларациям международного сообщества о всеобщей приверженности идеалам гуманизма, общечеловеческих ценностям, радикализм вновь, в определённой степени определяет лицо нынешней эпохи. В общественном сознании он довольно часто тесно увязывается с религией и особенно с исламским фундаментализмом, который исповедует непримиримость ко всему неискламскому миру и одновременно является радикальной реакцией на кризис политической и экономической системы не только мусульманского, но и остального мира. Многочисленные факты проявления религиозной нетерпимости, факты оправдания актов терроризма лозунгами джихада тре-

буют анализа природы современного исламского радикализма, причин его растущей популярности и влияния на развитие современного человечества.

К основным причинам, обусловившим резкое расширение влияния исламского фундаментализма как разновидности правого радикализма за последние годы следует отнести потерю идеологических ориентиров у большей части населения государств мира в связи с разочарованием в идеях национализма, выявившейся несостоятельности социалистического и коммунистического учения, сохраняющегося у части населения мусульманских стран неприятия капитализма, который ассоциируется у многих с колониальным прошлым, а также с наркоманией, половой распущенностью, деградацией института семьи и как следствие распадом семейных пар и низкой рождаемостью в наиболее развитых (неисламских) государствах планеты.

Духовные лидеры исламского радикализма в отличие от современных западных идеологов предлагают своим многочисленным сторонникам возврат к фундаментальным ценностям ислама, которые хотя и намного строже, и жестче регламентируют общественную жизнь, существование и деятельность отдельных индивидов, но и дают возможность чувствовать себя более защищенным в современном быстро меняющемся мире за счет непоколебимой, святой веры в пророчества Аллаха и его пророка Мухаммеда. Однако следует отметить что довольно часто деятельность лидеров исламских организаций и движений резко противоречит святым заповедям Корана в угоду их политическим амбициям.

Исламский фундаментализм в настоящее время проявляется, прежде всего, в форме оппозиции существующим в большинстве мусульманских стран прозападным режимам. Можно констатировать, что фундаментализм – это больше политическое, чем религиозное движение, так как его основатели и последователи не имеют целью реформировать религию как систему догм и обрядов, их цель – изменить место и роль религии в жизни общества. При этом полностью отвергается господствующая идеология, существующий политический режим и государственное устройство как не соответствующие нормам мусульманской религии.

Активное распространение исламского фундаментализма обусловлено отсутствием в большинстве мусульманских государств сильных альтернативных политических сил демократической ориентации, неудачами в проведении экономических реформ как социалистического, так и либерально-буржуазного характера, усилением социальной поляризации в мусульманских странах, что повлекло за собой негативную реакцию широких масс населения на активное проникновение в страны ислама Запада, пытающегося навязать свои модели политического, экономического и культурного развития общества.

Немаловажен и тот факт, что в XXI в. исламский мир, представляющий собой совокупность граждан

мусульманских государств и многочисленных диаспор в светских государствах переживает определённые трудности развития, неустойчив, неоднороден, подвержен воздействию многочисленных фундаментальных течений и верований. В нём есть государства, которые принадлежат к числу наиболее развитых, например, Саудовская Аравия. Вместе с тем большинство государств исламского мира слаборазвиты, в них существуют серьёзные экономические, социальные и политические проблемы, значительная масса населения живёт за чертой бедности, следствием чему явилось усиление экстремистских тенденций, возникновение политических альянсов и сил агрессивного национализма, экстремизма от религии. В этих государствах широко поддерживается идея создания и построения исламского государства, которое могло бы обеспечить быстрое разрешение существующих проблем и противоречий.

Как свидетельствуют практика и результаты деятельности движения «Исламское государство» (далее ИГ), фундаменталисты не только хорошо воюют, но и превосходно владеют психологическими технологиями воздействия как на потенциальных сторонников своего движения, так и на его противников. Действия исламских радикалов на мировом информационном поле отличаются продуманной стратегией, что слабо увязывается с рекламируемым на Западе стереотипным образом бородатых варваров с автоматами.

Еженедельно в онлайн масс-медиа попадают профессионально режиссированные видеоролики боевых операций ИГ, интервью с их полевыми командирами и активистами, фотографии «трофеев» и убитых противников. Весьма активно идет «медиа-джихад» и в социальных сетях, где регулярно создаются аккаунты, распространяющие ту или иную информацию об ИГ.

Пропагандисты ИГ выбрали в качестве своей основной аудитории молодежь и это не случайно, так как для молодых людей в большей степени характерны романтические воззрения, абсолютизация понятий «добро» и «зло», неспособность критически осмыслить происходящее и идти на компромиссы. Как раз на них и делают ставку в ИГ. Достаточно внимательно просмотреть их информационные материалы, чтобы в этом убедиться. Условно-военные сюжеты напоминают современные видеоклипы – быстрая смена кадров, разные ракурсы, яркая и «живая» картинка, они буквально источают пафос и браваду исламистов. В сознании зрителя формируется образ грозной и непобедимой силы. Ролики «из мирной жизни», напротив, создают образ этакое справедливое и братское государство, где «с каждого – по возможностям, каждому – по потребностям». Мусульмане-мигранты из Европы радостно рассказывают (сопровождается англоязычными субтитрами – по всем правилам «большого кино»), как они счастливы, что перебрались на Ближний Восток, без сожаления сжигают и рвут свои европейские паспорта. В этом мире, по их мнению, нет места опостылевшему обществу потребления, лицемерию, негласному

диктату богатых, пошлости, разврату и всему тому, что способно вызвать ненависть в воспалённом сознании молодого человека, отчаянно ищущего «справедливости». О том, что в будущем нет места гуманизму и милосердию, задумается далеко не каждый.

Исламисты обещают создать исламскую империю на Евфрате и Тигре, где когда-то зародилась современная цивилизация. Это обещание обращено ко всем разочарованным и потерявшим ориентацию мусульманам мира. После многочисленных унижений, которые им приходилось терпеть со стороны развитого мира, у них, наконец-то, появился свой грандиозный проект, который теперь держит в напряжении весь мир.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в эпоху глобального терроризма бойцов джихада рекрутируют по всему миру, в том числе и в Европе. И, надо признать, что количество «рекрутов» из Нового и Старого света постоянно растет. Госдепартамент США оценивает численность иностранных боевиков в самой ИГ в Ираке и Сирии в 22 тыс. человек из более чем 100 стран. По данным различных источников в движение «Исламское государство» вступили более 6000 воинствующих исламистов из стран Западной Европы. Около 500 из них – британцы, столько же, приехало из Бельгии. Из Германии – от 400 до 500 человек, из Российской Федерации, по оценке директора ФСБ РФ А. Бортникова в Ираке могут воевать до 1,7 тыс. граждан [4].

Опасность для Европы и России состоит в том, что эти закаленные в боях, уничтожающие не только культурные ценности мировой значимости, но и расстреливающие мирное население «воины» когда-либо вернутся и будут проводить политику ИГ уже на территориях своих государств, совершать теракты, вести агитацию и подготовку к борьбе с «неверными». Вопрос в настоящее время стоит даже не о том выживет ли «Исламское государство» в итоге или нет, а о том, что на территории контролируемой ИГ проходит обучение новое поколение фанатично настроенных террористов-боевиков, которые могут кардинально повлиять на развитие самих стран и мирового сообщества в целом.

Так, по мнению руководителя Центра стратегических исследований «Россия – исламский мир» Шамиля Султанова исламский халифат ИГ, территория которого уже сегодня больше Великобритании, скоро может завоевать Таджикистан и другие республики бывшего СССР. По его мнению, душеспасительными беседами в мечетях идеологию ИГ не победить. «В современном мире – отметил он – проблема поиска смысла жизни резко обостряется. Люди приезжают воевать за ИГ, потому что считают: вот это дело, за которое можно отдать свои жизни. Я в Таджикистане спросил: что будет, если сюда придет ИГ? Мне ответили: его поддержат 90% населения. Потому что уровень коррупции, нищеты и разграбления таков, что с исламским государством у людей связаны последние надежды» [5].

Исламский радикализм опасен и тем, что история доказывает – побеждают те идеологии, где сосредоточено больше людей, готовых отдать свои жизни за неё. Ислам, по мнению многих аналитиков – это живая вера, в то время как признанные христианские церкви в основном мертвы. Ислам гордится тем, что он предлагает верующим. Мусульмане с радостью обмениваются священными текстами, изучают высказывания и историю своей веры. Это дает им утешение, ориентиры в жизни, которое намного привлекательнее западной поп-культуры. Они веруют искренне, распространяют свою религию по всей планете, открыто заявляя о своей приверженности, чем сильно отличаются от западных христиан, которые очень мало знают о своей вере. Мусульмане легко идут на смерть за свою веру. Западные христиане, прежде всего озабоченные богословскими дебатами и традициями, а также регулированием нравственной жизни верующих, которая по многим признакам становится безнравственной. Они уже многие годы на деле ничего практически не делают для расширения своего влияния, искажают и нарушают библейские заветы, тем самым отталкивают от своей веры новых последователей, а также теряют старых, которые переходят в ислам.

При этом по прогнозам социологов, мусульманское население Европы будет увеличиваться и, если не предпринять превентивных мер, распространение и опасность исламского радикализма как явления будет только возрастать. К 2030 г. мусульманское население в мире будет насчитывать более 58 млн, а его доля в европейских странах составит 8%. Лидером прироста станет Великобритания: предполагается, что к 2030 г. мусульманское население почти удвоится – с 2,8 до 5,5 млн человек [6]. Сейчас в странах Западной Европы проживает около 15 млн мусульман. Лидером среди них является Франция, где ислам исповедует 4,7 млн человек (около 7% населения). На втором месте Германия – 4,1 млн (4% населения), на третьем Великобритания – в ней проживает 2,8 млн мусульман (4,5% населения). В России проживает 16 млн мусульман – почти 12% населения.

Настораживает и тот факт, что после краха политики мультикультурализма в Европе пока не нашлось новой идеологии, которая позволила бы тысячам мигрантам стать полноправными гражданами вновь обретенных государств, вовлечь их в духовную и материальную жизнь общества, чего до сих пор во многих странах не происходит. Во многих государствах Европы образовались мусульманские анклавы, где жители

живут как-бы отдельно от остального общества по законам ислама, а не по законодательству государства.

Современная недооценка исламского фундаментализма как политического явления, несвоевременное и неэффективное противодействие ему всеми доступными, основанными на международном праве, средствами и методами может привести к глубокому кризису международной жизни.

Литература

1. Радикальные добровольцы из Европы пополняют ряды боевиков ИГИЛ. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/268566> (Дата обращения 30 мая 2015 г.)
2. См.: ВОЗ: Число умерших от лихорадки Эбола превысило 5000 человек. Deutsche Welle (12 мая 2015 г.)
3. См.: ВОЗ – крупнейший аферист XXI в.? URL: <http://svpressa.ru/society/article/20060/> (Дата обращения 21 мая 2015 г.)
4. См.: Глава ФСБ: до 1,7 тыс. российских граждан могут воевать в Ираке URL: <http://ria.ru/world/20150220/1048707159.html#ixzz3XJQgqv5Y> (Дата обращения 31.05.2015)
5. Новый СССР образуется на Ближнем Востоке URL: <http://www.utro.ru/articles/2014/12/09/1225046.shtml> (Дата обращения 30 мая 2015 г.)
6. Доля мусульман в населении Европы за 20 лет возросла на 50% URL: <http://rusplt.ru/fact/islam-Evropa-8512.html> (Дата обращения 30 мая 2015 г.)

References

1. Radical volunteers from Europe fill the ranks of ISIL militants. URL: <http://www.1tv.ru/news/world/268566> (accessed may 30, 2015)
2. See: Who: the Number of deaths from Ebola has exceeded 5,000 people. Deutsche Welle (accessed may 12, 2015)
3. See: Who is the biggest crook of the twenty-first century? URL: <http://svpressa.ru/society/article/20060/> (accessed may 30, 2015)
4. See: The head of the FSB: up to 1.7 thousand Russian citizens can fight in Iraq URL: <http://ria.ru/world/20150220/1048707159.html#ixzz3XJQgqv5Y> (accessed may 31, 2015)
5. New USSR is formed in the middle East URL: <http://www.utro.ru/articles/2014/12/09/1225046.shtml> (accessed may 30, 2015)
6. The proportion of Muslims in the population of Europe in 20 years has increased by 50% URL: <http://rusplt.ru/fact/islam-Evropa-8512.html> (accessed may 30, 2015)

УДК 316
ББК 60.5

ХРИСТИАНСКИЙ РАДИКАЛИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПОЛОЗОВА,
заместитель начальника кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Характеризуется христианское учение, выделяются и анализируются его радикальные течения, показывается влияние христианского радикализма на общественную жизнь России.

Ключевые слова: христианство, радикализм, христианский радикализм, Русская Православная Церковь, раскол и противоречия в православии.

Annotation. Characterized Christian teaching, distinguished and analyzed its radical tendencies, showing the influence of Christian radicalism in the public life of Russia.

Keywords: Christianity, radicalism, Christian radicalism, Russian Orthodox Church, divisions and contradictions in the Orthodoxy.

В современной политологической литературе довольно много пишется об исламском радикализме, что вполне объяснимо, так как постулаты ислама нередко используются в радикальных политических идеологиях. Вместе с тем, радикализм, опирающийся на идеи, так или иначе связанные с христианством, изучен гораздо в меньшей степени. Вместе с тем, праворадикальные политические течения, например, на Украине, опираются не только на национальный, но и на религиозный фактор. Апеллируют к христианству и российские праворадикальные организации и движения.

Отметим, что христианский, нравственный радикализм, обращенный внутрь человека, является обязательным для христианина. По словам Иисуса Христа «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф., 12:30). И, действительно, настоящий христианин призван осуществлять нравственный выбор в пользу добра, и никакие компромиссы здесь невозможны. Такой аскетический радикализм направлен внутрь человека, он обращен, прежде всего, на страсти и пороки, с которыми христианину следует неустанно бороться. Такой нравственный радикализм следует считать духовно оправданным, ведь православное вероучение учит человека радикально

относиться лишь к своим грехам, и наоборот, терпимо, без осуждения, относиться к грехам окружающих. Но религиозный радикализм, обращенный вовне человека, борющегося со своими грехами, таит в себе и немало опасностей.

Опасности возникают там, где религиозное учение вступает во взаимоотношения с внешним миром и, прежде всего, в сфере политики, где происходит соприкосновение веры и идеологии, и, поэтому, легко осуществляется трансформация и подмена смыслов. И если в вере, обращенной вовнутрь человека, нравственный радикализм имеет положительные результаты, то в идеологии он становится весьма опасным явлением. Идеологический радикализм, даже наполненный православной риторикой, легко становится противником собственно православного вероучения.

В таком случае, уже не православное вероучение, а заменяющая его идеология направляет вставших под её знамена ревнителей. Они считают: ради высшей цели, а именно, Царствия Небесного и правды его, можно пойти на крайние меры. На практике это означает переход к чрезвычайным, решительным мерам не ради Царствия Небесного, а ради некоей идеологической конструкции.

Это происходит, прежде всего, потому, что ценности, дарованные человеку Богом, в человеческом мире находятся не в единстве, а в разрозненном, и даже противоборствующем состоянии. Такие противостоящие друг другу ценности используются идеологиями либо левого, либо правого крыла, находящимися в идейной конфронтации друг с другом. Так, на политическом поле противостоят друг другу ценности свободы и ответственности, личности и соборности, ценности индивидуальные и общественные. И возведение в определенной идеологии какого-либо принципа в абсолют, доведение его до крайних логических и практических выводов, с неизбежностью приводит к умалению противоположной ценности, что делает невозможными какие-либо компромиссы, и, в конечном счете, оказывается опасным для общества с различными политическими убеждениями и взглядами людей.

Традиционные религии и их содержание принято относить к ценностям правого идеологического спектра и праворадикальные политические идеологии часто опираются на них. Вместе с тем, сама религия представляет собой целое со сложной структурой, универсум, в котором в значительной степени выражены противоположные тенденции, и здесь последовательно проведенная радикальная позиция с неизбежностью приводит к крайности, к абсолютизации одной из сторон за счет другой. Так, даже в православии, в наиболее распространенной отечественной религии, сосуществуют противоположные тенденции. Можно выделить, например, с одной стороны, вселенский характер православия, знаменующий единство всех поместных Церквей, с другой – его национальный характер, и попытка умалить одну из сторон может привести к внутреннему конфликту и даже к расколу, как это произошло в России в XVII веке.

Церковный раскол XVII в., положивший начало религиозного радикализма в истории России, связан с попыткой царя Алексея Михайловича и патриарха Никона привести русскую православную церковь в полное единение с греческой. Изменение русской обрядовой традиции в целях её унификации с греческой вызвало конфликт в Русской церкви и повлекло за собой возникновение многочисленных старообрядческих течений. Раскольники, начиная с протопопа Аввакума, начали активно проповедовать идею о том, что Третий Рим пал, русского православного царства больше нет, что история окончилась в 1666 г., и наступило царство антихриста. Царя Алексея Михайловича и патриарха Никона раскольники XVII в. считали врагами православия и слугами антихриста, никонианскую церковь они объявили безблагодатной, в которой не найти спасения, а русское государство – царством «зверя» из которого надо бежать в леса, – в «невидимый град Китеж». Религиозный радикализм раскольников XVII в. закончился проповедью самосожжения как способа спасения от власти антихриста. И, несмотря на искренность сторонников старой обрядности, следует сказать, что их заблуждение состояло в непонимании

Вселенского характера православия, игнорировании того факта, что греческая церковь, также как и русская, принадлежащая к Вселенскому Православию, никоим образом не может считаться антихристианской. Раскол был вызван также обрядоверием, приверженностью формальной стороне христианского вероучения, т.е. опять также абсолютизацией одной из сторон религии – обрядовой, в противовес содержательной.

Бескомпромиссный «раскольничий» характер характеризует и современные радикальные политические течения. Он легко заражает своей мифологией многих людей, которые видят в нем единственную спасительную альтернативу современному либерализму и глобализму. Часто человек, заразившийся идеологией радикализма, становится «одномерным», он уже не о чем больше не может говорить и думать, как только о «борьбе с антихристом и его печатью – ИНН», глобализмом и «электронным концлагерем». Именно здесь проходит грань между здоровым консерватизмом, опирающимся на традиционные ценности в их целостности и многообразии, и радикализмом, абсолютизирующим одну из сторон религиозной жизни, причем нередко относящуюся не к содержанию вероучения, а к какому-либо формальному признаку.

Другое важное противоречие, существующее в христианстве, связано с определением взаимоотношений между церковной и светской властью. Данная ситуация достаточно подробно рассматривается в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», важнейшем церковном документе, определяющем отношения Церкви и общества. В нем говорится, что Церковь, кроме собственной таинственной сущности, имеет также историческую составляющую, входящую в соприкосновение и взаимодействие с внешним миром, в том числе с государством. Государство же понимается как необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха. Священное Писание призывает к использованию силы государства для ограничения зла и поддержки добра (Рим. 13. 3–4).

Церковь предписывает своим приверженцам повиноваться государственной власти, независимо от их убеждений и вероисповедания, молиться за нее. Одновременно говорится, что христиане должны уклоняться от абсолютизации власти, понимая её историческую обусловленность. По учению Церкви, власть не вправе абсолютизировать себя, провозглашая полную автономию от Бога, что может привести к злоупотреблениям властью и даже к обожествлению властителей. Если же государство превращается в самодовлеющий институт, то оно теряет свое подлинное предназначение, о чем свидетельствуют многочисленные исторические факты [1].

Сам Христос через вочеловечение подчинился земному порядку вещей, в том числе повиновался и носителям государственной власти. Своему распинателю Понтию Пилату, римскому прокуратору в Иерусали-

ме, Господь сказал: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19. 11). В ответ на провокационный вопрос фарисея о позволительности давать подать кесарю Спаситель сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22. 21). Раскрывая учение Христова о правильном отношении к государственной власти, апостол Павел писал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение...» (Рим. 13. 1–7). Ту же мысль выразил и апостол Петр: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, – как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии» (1 Петр. 2. 13–16). Апостолы учили христиан повиноваться властям независимо от их отношения к Церкви. В апостольский век Церковь Христова была гонима и местной иудейской властью, и государственной римской, что не мешало мученикам и другим христианам тех времен молиться за гонителей и признавать их власть [2].

Вместе с тем, Церковь проповедующая Истину и преподающая людям нравственные заповеди, исходящие от Бога, не властна изменить что-либо в своем учении. Церковь также не властна умолкнуть, прекратить проповедование истины, какие бы иные учения ни предписывались государственными инстанциями, и в данном отношении она является совершенно свободной от государства. Ради беспрепятственного и внутренне свободного проповедования истины Церковь не раз в истории терпела гонения от врагов Христа. Но и гонимая Церковь призвана с терпением переносить гонения, не отказывая государству, преследующему ее, в лояльности. Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах.

Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, поносящего к тяжкому греху. Церковь, в самом крайнем случае может обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению [3].

И несмотря на то, что Православной Церковью очень тщательно продумывался компромисс между царством Божиим и царством кесаря, на практике он очень часто оказывался мучительным и сложным. Так, в годы советской власти, во время принципиального богоотступничества и воинствующего атеизма, когда власть приступила к идеологическому давлению на

верующих и даже их физическому истреблению, предстоятель Русской Православной Церкви, ныне прославленный в лике святых Патриарх Тихон (Белавин), оставаясь непреклонным по принципиальным вопросам, старался найти приемлемый компромисс между церковью и атеистическим государством и осуждал путь противления власти. В своем послании от 1 июля 1923 г. он пишет: «Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены» [4]. По отношению к позиции Патриарха Тихона в 20-х гг. XX в. возникло радикальное движение слева – «обновленчество», активно осуществлявшее сотрудничество с новой властью.

Наиболее сложной и противоречивой фигурой советского периода является митрополит Сергей (Страгородский), заместитель местоблюстителя Патриаршего престола, а позже (с 1943 г.) Патриарх Русской Православной Церкви, позиция которого привела Русскую Православную Церковь к ее внутреннему расколу. Декларация митрополита Сергея «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» (1927), представляет собой выражение совершенной лояльности атеистическому и богоборческому коммунистическому режиму, и поэтому она была крайне негативно воспринята Русской Зарубежной Церковью (РПЦЗ), а также частью православных внутри нашей страны, занявших по отношению к ней оппозиционную и радикальную позицию.

Митрополит Сергей попытался соединить несоединимое, примирив верность Христу и лояльность атеистическому государству. В Декларации говорится, что «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи...» [5].

Декларация 1927 г. во многом замешана на неправде, она содержит вещи, далёкие от истины, например, в ней отрицались гонения на Церковь, игнорировалось преследование верующих в Советском Союзе. Но следует сказать, что митрополит Сергей писал Декларацию в условиях страшного давления, под угрозой полного уничтожения православия в нашей стране, ради спасения Русской Православной Церкви и её ядра – евхаристической жизни. Компромисс был необходим, и последующее течение истории показало целесообразность и положительные стороны данной политики. Главная из них – сохранение и нынешнее возрождение Церкви. Кроме того, в Декларации не

содержалось никакого искажения вероучительных истин, а рассматривалась исключительно сфера внешних для Церкви ее отношений с государственной властью.

Вместе с тем, по отношению к Декларации появились непримиримые радикально мыслящие противники, деятельность которых привела к созданию нелегальной, «истинно-православной», иначе «катакомбной» церкви в нашей стране, разделению Русской Православной Церкви на «советскую» и «катакомбную». Деятели «катакомбной церкви», прекратившие отношения с «сергианцами», находились в оппозиции к советской власти и были вынуждены перейти на нелегальное положение. Наиболее ревностные «истинно-православные» отказывались брать советские паспорта, официально устраиваться на работу, отдавать детей в школу, служить в армии, прикасаться к деньгам, разговаривать с официальными лицами.

Появление «истинно-православной», «катакомбной церкви» является проявлением религиозного радикализма, нежеланием компромиссов даже ценой полного уничтожения. И, действительно, «катакомбная церковь» была фактически обезглавлена.

С воссоединением Русской Православной и Русской Зарубежной Церквей в 2007 г., которому многие годы в значительной степени препятствовало различие позиций по отношению к декларации митрополита Сергия и так называемому «сергианству», «истинно-православная церковь» сохранила свой раскольничий, оппозиционный характер в отношении к лояльному к государственной власти Московскому Патриархату. «Истинно-православная церковь» сохраняет и сейчас свою оппозиционность, несмотря на то, что идеология современного российского государства перестала быть атеистической, а положения Декларации 1927 г. утратили свою актуальность. Кроме того, воссоединение Русской Православной и Русской Зарубежной Церквей привело к многочисленным расколам и в Зарубежной Церкви.

На сегодняшний день по отношению к Русской Православной Церкви существует множество расколов, представляющих радикальное христианство в многообразии его проявлений, классификация которых укладывается в следующую схему:

1. *Старообрядческие* или, иначе, *древлеправославные* церкви, ведущие свою историю от раскола XVII в., к которым относятся Русская православная старообрядческая церковь, Древлеправославная поморская церковь, Русская Древлеправославная Церковь. Старообрядцы, как и прежде, считают лишь себя в полной мере православными христианами, квалифицируя РПЦ Московской Патриархии как инославную.

2. *Старостильные* церкви: Болгарская, Греческая, Румынская, Сербская, отколовшиеся от материнских Церквей в связи с переходом тех на григорианский календарь.

3. *Эмигрантские*: РПЦЗ (В) и прочие отколовшиеся после воссоединения Русской Православной и Русской Зарубежной Церквей в 2007 г. от РПЦЗ струк-

туры, к которым относятся, например, Российская православная церковь, Украинская автокефальная православная церковь каноническая.

4. *«Катакомбная церковь»* или *«Истинно-Православная церковь»*, ведущая начало с 1920-х гг. от духовенства и общин, отвергших подчинение митрополиту Сергию (Страгородскому), обвинив его в сотрудничестве с коммунистическими властями. К данному блоку следует отнести также Русскую истинно-православную церковь и Русскую катакомбную церковь истинно православных христиан.

5. *«Автокефальные»*: Российская православная автономная церковь (с 1990), Украинская православная церковь Киевского патриархата (с 1992), к которым относятся самопровозглашенные церкви, не признанные другими каноническими церквями.

6. *Обновленческие*, которые критикуют Церковь за консервативность и пытаются внести в церковную жизнь некоторые либеральные принципы (например, община Григория Кочеткова в Москве).

7. *Апокалиптические*, уходящие от общения с внешним миром в ожидании близящегося «конца света» (например, Пензенские затворники).

Можно утверждать, что подобные проявления радикализма в христианстве являются неизбежным следствием религиозного возрождения, переживаемого современной Россией. Люди, недавно пришедшие к вере, нуждаются в сильных ощущениях, но глубинная религиозная жизнь им незнакома, работа по исправлению себя не приносит быстрых результатов и кажется им слишком тяжелой и неэффективной. Отсюда и их тяга к радикализму, критической деятельности, обращенной вовне, крайним выводам и суждениям. Такие люди не принимают продуманную, исторически оправданную позицию Церкви, в силу её «официальности», осознание бездуховности и социальных пороков общества приводит их к полному отрицанию «безбожного» окружения. В самом крайнем случае, например, апокалиптических сект, такие радикалы жгут паспорта, отрицают ИНН, не покупают в магазинах продукты с «сатанинским» штрих-кодом, отказываются ходить на работу и водить детей в школу.

Несмотря на разные названия и причины появления таких радикальных течений, их объединяет несколько общих черт. Члены радикальных объединений обличают официальное духовенство, к которому относят священнослужителей Московского Патриархата, и нередко являются оппозиционными к государственной идеологии. В своей борьбе «с грехами безбожного мира» они способны зайти слишком далеко, поэтому органам государственной власти и их силовым структурам следует выработать технологии взаимодействия с радикальными, эсхатологически настроенными сектами.

Христианский радикализм тесно взаимосвязан с политическим радикализмом. Часто активные приверженцы идеологии правого политического радикализма являются одновременно и представителями

радикальных церковных организаций. В современной Украине, например, правые радикальные политические идеологии и течения тесно взаимодействуют с неканонической Украинской православной церковью Киевского патриархата, возглавляемой Филаретом (Денисенко), бывшим епископом Русской Православной Церкви, лишённым сана, отлучённым от церкви и анафематствованным Русской православной церковью А.П.Баркашов, создатель организации Русское Национальное Единство, является монахом «Истинно-православной церкви» Рафаила (Прокофьева).

Христианский радикализм представляет собой одномерное, однобокое видение ситуации, которое с неизбежностью возникает при рассмотрении религиозных вопросов в идеологическом поле. И никакая самая передовая идеология не может заменить значение тысячелетней религиозно-нравственной традиции православия в общественной жизни России, в духовно-нравственном обновлении русского народа.

Литература

1. См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // www.patriarchia.ru. Разд. III.2.
2. См.: Там же.
3. См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // www.patriarchia.ru. Разд. III.5.

4. Цит по: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. М.: «Пропилеи», 1995. С. 228–229.

5. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, Митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода («Декларация» Митрополита Сергия). 1927 г. // [https:// www.sedmisa.ru/lib/text/440043/](https://www.sedmisa.ru/lib/text/440043/).

References

1. See: Bases of the social concept of the Russian Orthodox Church // www.patriarchia.ru. Sec. III.2.
2. See: Ibid.
3. See: Bases of the social concept of the Russian Orthodox Church // www.patriarchia.ru. Sec. III.5.
4. Cited for: Russian Orthodox Church in the Soviet era (1917-1991). Materials and documents on the history of relations between the state and the Church / Compiled by G. Stricker. M.: «Propylaea», 1995. Pp. 228-229.
5. The message of the Deputy of the Patriarchal Locum Tenens, Metropolitan of Nizhny Novgorod Sergius (Stragorodsky) and time when it Patriarchal Holy Synod (the «Declaration» of Metropolitan Sergius). 1927 // [https:// www.sedmisa.ru/lib/text/440043/](https://www.sedmisa.ru/lib/text/440043/).

УДК 316
ББК 60.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ РАДИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ КАФТАН,
доктор философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выделяются теоретические основания идеологии национализма. Раскрываются некоторые научные подходы к выявлению особенностей формирования националистической идеологии, возможности конструирования на их базе технологий радикального национализма.

Ключевые слова: идеология радикального национализма, национальная идентичность, технология конструирования национализма.

Annotation. Distinguished theoretical foundations of the ideology of nationalism. Describes some of the scientific approaches to the identification of features of formation of nationalist ideology, the possibility of designing on their basis of the technologies of radical nationalism.

Keywords: ideology of radical nationalism, national identity, nationalism creating technologies.

Идеология, являясь частью теоретического уровня массового сознания, представляет собой совокупность идей, мифов, теорий, философских концепций, политических лозунгов, партийных программ и взглядов, отражающих социальную действительность с позиций определенных политических интересов и включает в себя концепции, выражающие суть общественного бытия, его идеалы. Идеология исходит из определенным образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью управление людьми путем воздействия на их сознание.

По поводу формирования идеологии существует несколько научных позиций. Марксистское учение об идеологии основано на мнении К. Маркса о том, что большая часть осознанных идеологических мыслей является «превращенной формой» ложного сознания, а подлинные глубинные мотивы поведения человеком не сознаются, они коренятся в организации самой социальной системы, которая направляет сознание человека в определенное русло [1]. Согласно этому учению к основным чертам идеологии относятся: узурпация ею единоличного права на истинность; внутренняя непротиворечивость и стремление поставить себе на службу даже факты ее опровергающие; стремление к утверждению себя в качестве интеллектуальной моды; работа с формой и избегание содержания, так как форма не имеет оснований для критики и сомнения; знаково-символический характер и наличие определенного аппарата кодирования и декодирования.

Лингвистическая позиция по отношению к идеологии указывает на то, что она представляет опосредованное, не прямое отражение реальности, с помощью языка. В этом случае идеология интерпретируется как жестко структурированное языковое отражение (описание) реальности, фиксирующее определенные смысловые значения. Ролан Барт назвал идеологию «метаязыком», отвечающим тем или иным социальным интересам, особое построение из смыслов, которыми он питается извлекая ложное, деградированное бытие [2].

Культурологическая позиция понимания идеологии связана с идеями Антонио Грамши, о том, что государство опирается не только на силу (принуждение), но и на согласие (гегемонию). Гегемония – тонкий и динамичный, непрерывный процесс, она предполагает не просто согласие, но благожелательное согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Установление, и подрыв гегемонии – «молекулярный» процесс, который протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека [3].

Гегемония опирается на культурное ядро общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций, знаний и опыта многих веков. Пока ядро стабильно, в обществе имеется

«устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение коллективной воли – условие революции. Создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции.

Националистическая идеология является одной из разновидностей идеологии, выражающей и защищающей интересы этносов. Ее важнейшим основанием является национальная идентичность. Национальная идентичность – один из наиболее устойчивых исторических видов социальной тождественности, являющийся результатом познавательно-эмоционального процесса самоопределения человека или общности в социокультурном пространстве и характеризующийся осознанием своей принадлежности к определенной этнической общности, а также пониманием, оцениванием и переживанием своего членства в ней.

В процессе национальной идентификации формируются следующие важнейшие духовно-ценностные ориентиры. Во-первых, устойчивое чувство «мы», основанное на определенных параметрах этногенеза: генетико-биологическом (родовые корни), климатогеографическом (историческая территория) и социокультурном (история своего народа, этнические символы культуры и религии и др.). Во-вторых, видение мира и жизни по принципу «мы-они», «свои-чужие» и готовность к сходному с представителями своей этнической группы образу мыслей и действий. В-третьих, определенное ценностное отношение человека к себе, другим людям, обществу и миру в целом. В-четвертых, определенный тип самоопределения индивида в социальном пространстве. В-пятых, образ жизни человека (стиль деятельности, стиль общения, стиль активности и т.д.).

Националистическая идеология выстраивается на основных показателях (характеристиках) нации к которым следует отнести: месторазвитие (географический ландшафт и климат); язык (вместилище архетипов, языковое сознание); элементы художественной культуры; традиции; мифы об общих предках и героях; религиозное сознание; ценности и нормы, менталитет (национальный характер); повседневный быт и уклад; представления о родной земле; народное искусство; историческая память; антропологические признаки (кровь, гены) [4].

Националистическая идеология всегда ориентирует на создание единой нации, народа, этноса, хотя, как свидетельствует историческая практика, имеются серьезные трудности в формировании мононации. Так, во Франции из официальных документов министерства просвещения видно, что четверть населения страны к 1863 г. не знала французского государственного языка, а для половины школьников французский не был родным языком. Французское правительство, используя административную систему, школу, армию, церковь, материальные преференции, прямые язы-

ковые запреты (закон, разрешивший факультативное преподавание в школе местных языков, был принят только в 1951 г.), упорно добивалось ассимиляции своих граждан в единую нацию. К моменту создания единого Итальянского королевства (1861) официальным итальянским языком, основанным на тосканском диалекте, пользовались от 2,5 до 9% населения страны (итальянцы зачастую не могли понять друг друга). Политический расклад, особенности хозяйственный уклада и территориального расположения поселений в Норвегии привели к тому, что единая нация на единой территории оказалась раздроблена диалектами. В XIX в. писатели-романтики посчитали необходимым создать собственный национальный норвежский язык, который теперь существует в двух равноправных вариантах: «bokmal» и «nynorsk».

Существует несколько подходов к пониманию, объяснению природы идеологии национализма: примордиалистский, конструктивистский, инструменталистский. Примордиалистский подход разработан Клиффордом Гирцем (от англ. primordial – первоначальный, исконный, первобытный). Он основан на постулировании нации как реальной, закономерно возникшей, длительно и объективно существующей, достаточно устойчивой, но при этом эволюционирующей общности людей, которым присущи объективные единые характеристики: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад [5]. При этом язык выступает изначальной объективной характеристикой человека, так как никто не обладает правом выбора первого языка. Эдвард Сэпир полагал, что «подлинная» культура на уровне индивида может выражаться только на одном, «родном» языке. Второй, приобретенный язык никогда не сможет обрести внутреннее эмоциональное богатство, которое передается через язык рождения и детства. Поэтому изменения этнической идентичности могут рассматриваться как неестественные и навязанные, если они происходят с уже взрослым человеком [6].

На основе примордиалистского подхода разработана технология «пробуждения национального самосознания». Так, в начале 1990-х национальная проблема в некоторых регионах России (Северный Кавказ, Татарстан, Тува) резко обострилась. У аборигенного населения все явственней начала проявляться агрессивность по отношению к «некоренным». Вместе с возрождением древней национальной культуры проявился и национализм. Выдавливание «некоренных» было и явным (оскорбления, избиения, а то и убийства) и завуалированным (сокращения на работе, замена национальными кадрами, отказ в приеме на работу).

Обосновывая конструктивистский подход к объяснению природы идеологии национализма Фредерик Барт в своей концепции «культурных границ» исходил из того, что идентичность выступает не как выражение определенного культурного комплекса, а скорее как форма социальной организации. Национальные общности и их характеристики являются результатом

исторических, экономических, политических и иных обстоятельств и ситуативных воздействий [7].

Ключевую роль в конструировании нации играет политика «национального предпринимательства», т.е. мобилизация членов этнической общности на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические и иные цели, а не выражают культурную идеологию группы или волю народа. Ф. Барт считает, что членство в этнической общности зависит от «приписывания» и «самоприписывания», т.е. оно является проблемой сознания (идентификации) и обретается только после того, как индивиды разделяют общие знания о том, что есть этническая группа.

Конструктивистский подход применен в мифологической технологии национального конструирования. Каждый миф создает картину мира, которая поляризует мир на «свой» и «чужой». Эта картина мира обладает статусом абсолютной реальности и правды, запрещает критическое самоосмысление, допуская лишь восхваление и позитивную рефлексии. Миф говорит на языке символов, опирается на иррациональное сознание и обладает мощным потенциалом мотивации, побуждения к действию. Миф помогает осознать единство исторической судьбы. Миф оказывает воздействие на самосознание и самовосприятие этноса. Это вызывает обращение к национальной истории, откуда народ ведет свое начало. Спецификой мифологического мышления является неразличение реального и идеального, в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания.

На конструктивизме выстроена также религиозная технология национального конструирования. Религия часто является ядром национальной культуры и активно генерирует, упорядочивает систему ценностей общества. Религия может становиться неотъемлемой частью национально-государственной идеологии или становиться фактором, консервирующим традиции этноса. Религия может способствовать развитию национального самосознания, укреплению взаимопонимания и сотрудничества не только внутри этнической общности, но и в отношениях с другими этносами, даже иноверцами. Так, в результате Брестской унии (1596) – присоединения к Римско-католической церкви ряда епархий православной Киевской митрополии во главе с митрополитом Михаилом Рогозой на территории Речи Посполитой, традиционное православие оказалось в Речи Посполитой в положении нелегальной и гонимой властями конфессии. К концу XVIII в. униаты составляли до 70% всех жителей Беларуси, образовав особую этническую общность.

Конструктивист Бенедикт Андерсон полагает, что национальные общности представляют собой «воображаемые сообщества», которые строятся на ценностной основе, скрепленной унифицированными верованиями и обычаями, они носят конструктивистский характер и существуют лишь постольку, поскольку

участвующие в них люди воспринимают себя в качестве таковых.

Идея воображаемого сообщества реализована в националистической технологии симулякризации. Ж. Бодрийяр предложил термин «симулякр» (видимость) для обозначения знаков, которые представляют собой копии, у которых нет оригинала. В эпоху симулякров все разговоры об истинном и оригинальном вообще теряют смысл. В медиа сфере современного общества все более циркулирует информация, представляющая не формализованное знание, а формализованный семантический образ (типа клипа), ориентирующий желания человека [8]. Можно говорить об искусственном создании, социальном конструировании «воображаемых» национальных идентичностей.

В инструменталистском подходе, разработанном Дэвидом Горовицем национализм трактуется как создаваемый на основе элементов культуры социальный и политический ресурс, используемый индивидами и группами для достижения своих целей, как наступательных, так и оборонительных. Инструменталисты рассматривают нацию как продукт «национальных мифов», которые создаются элитой общества и используются ею для достижения определенных выгод и власти [9].

Физические и культурные характеристики национальной общности инструменталистами представляются как ресурс (инструмент), как средство политического действия, при помощи которого определенная группа людей, сознавая его выгодность для себя, может выдвигать и реализовывать свои интересы. Подобные люди называются в инструменталистских построениях «этнические антрепренёры культуры», которые создают этнополитические идеологические доктрины, а также активность политически ориентированных «этнических предпринимателей» (этнократической элиты), которые спекулируют этнической солидарностью.

Инструменталистский подход является обоснованием технологии концентрической войны – национальной деидентификации. Как полагает Юрий Громыко, мир вступил в новый этап борьбы – конкуренции форм организации сознаний, где предметом поражения и уничтожения являются определенные типы сознаний. В результате концентрической войны или войны сознаний (от лат. *conscientia* – сознание). В основе такого поражения лежит уничтожение человеческой способности к свободной идентификации, т.е. способности каждого из нас к самоопределению. Так, чтобы мы не могли ответить на вопрос: кем мы стремимся быть и в рамках какой культурно-исторической традиции намерены жить? Когда человек обладает самоидентификацией, он тверд в мыслях и действиях... Он знает свое место в обществе, он обладает сетью человеческих связей, он чувствует себя частью огромного национального организма. Но если способность человека к самоидентификации уничтожить, то ему можно внушить любую идентификацию, убедив его в том, что он – не русский, а, скажем, эльф, гоблин или

демократ. Человек теряет способность быть русским (китайцем, татаринном, индейцем майя), превращаясь в чистый белый лист, на котором можно писать, что угодно. Людей-биоидов можно включать в другие искусственно-конструируемые фиктивные этносы, задавать им другие цели и т.д. [10].

Инструментализм лежит также в основе технологии пересмотра национальных ценностей. С 2005 г. власти Украины стремились искусственно и радикально изменить ценностно-мировоззренческие установки своих граждан в отношении этнической и культурной идентичности, зародившейся в Древней Руси и оформившейся в общих с народами России формах государственности – Российской империи и СССР. Цель националистов – полная смена украинцами сложившихся представлений о самих себе как об этносе. Производились фронтальные и систематические попытки полностью уничтожить в Украине все символы, традиции, ритуалы и представления, как идеальные, так и вещественные, которые возникли в результате совместного русско-украинского исторического, культурного и государственно-политического опыта.

Пересмотру подвергались как знаковые исторические события – традиционные символы русско-украинского культурно-цивилизационного единства, так и ценности, образ жизни, ритуалы (9 Мая), которые стали общим русско-украинским достоянием, неотъемлемой составляющей образа жизни двух народов. Яркими примерами могут служить создание культа ОУН-УПА, фальсификация истории голода (Голодомор) в 1932–1933 гг., героизация гетмана Мазепы и т.д.

Технология дробления национальной идентичности также связана с инструментализмом. Сценарий по разрушению идентичности советского народа был реализован в бывших союзных республиках, элита которых ссылалась на угнетение наций в СССР. Развитие политтехнологий вширь и вглубь, их активное применение в национальных регионах может привести и к дальнейшему дроблению России.

Является выражением инструментализма и технология подрыва национального языка. Язык, как глубинный выразитель духовной сущности народов находится в настоящее время в большой опасности. Возрастание риска гибели целого ряда языков как глубинного выразителя духовной сущности народов, упрощение, деятельное заимствование иностранных слов, активное проникновение маргинальных аргументов и нецензурных жаргонизмов в живую ткань языка и даже определенное вымещение литературного языка из социального общения способствует духовной деградации личности, особенно молодого человека.

Сегодня в мире насчитывается 6809 «живых» языков, – утверждает британец Б. Сазерленд в журнале *Nature*, – но на 90% из них говорит менее 100 тыс. человек. За последние 500 лет исчезло около 4,5% от общего числа описанных языков. С 1600 г. вышли из употребления 52 из 176 языков, на которых говорили племена Северной Америки [11].

Немецкий славист Г. Пфандль считает, что в XXI в. умрет около 1000 языков. Русскому языку это не грозит, языки, которые насчитывают по 200 тыс. носителей, имеют внутренние механизмы для защиты. Но среди 150 языков малых народов России около 100 – на грани исчезновения [12].

Еще одно проявление инструментализма – технология разжигания национальной розни. В глобализующемся мире мы всё чаще сталкиваемся с примерами использования СМИ для разжигания этнической неприязни и, прежде всего, «русофобии». В Украине, в Молдавии, в странах Балтии активно пользуются западными приемами «медиавойн» и пропаганды. Так, грузинская телекомпания «Имеди» в специальном репортаже 13 марта 2010 г., сообщила о «вторжении» в Грузию российских войск, о «гибели» президента М. Саакашвили и «об ужасных бомбардировках аэропортов и морских портов Грузии». И только спустя полчаса, телекомпания сообщила, что это был «специальный репортаж о возможном развитии событий». Это спровоцировало массовую панику среди населения.

Для того чтобы противостоять идеологии национализма и технологиям применяемым для обеспечения воздействия ее на массовое сознание народов с целью их разъединения и формирования ненависти друг к другу, необходимо, прежде всего, обретение национальной идентичности на уровнях исторической идентичности, идентичности с настоящим и идентичности с будущим.

Формирование исторической идентичности происходит в процессе понимания и принятия прошлого, так как оно должно войти в актуальное пространство самосознания человека, должно быть им переработано и усвоено. Оно означает воздействие на все общество и всех его членов исторической памяти, традиций, идущих из прошлого, проверенных временем и испытаниям, выпавшим России на всех вехах ее развития.

Идентичность с настоящим – это насыщение актуального социально-культурного пространства образами современников, воплощающих лучшие нравственные качества отечественной культуры, влияние наличного бытия личности на ее ценностное самоопределение, совокупное воздействие социальной мега-, мезо- и микро-среды на жизненную позицию личности.

Идентичность с будущим – это воздействие на личность жизненных целей и идеалов, т.е. идеальных сущностей, которые будучи весьма желанными, пока еще отсутствуют в действительности, и для реализации которых необходимы усилия, действия, напряжение сил и т.п. Она предполагает предварительное проектное видение будущего в форме национальной идеи.

Литература

1. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Собр. соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
2. См.: *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

3. См.: *Лестер Дж.* Теория гегемонии А. Грамши и современность // Альманах Восток. 2003. № 9.

4. См.: *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 262–268.

5. См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 483.

6. См.: *Сэпир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993.

7. См.: *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006.

8. См.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. С. 15.

9. См.: *Чагилов В.Р.* Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в условиях глобализации. Невинномысск. 2003. С. 70.

10. См.: Громыко Ю. Консциентальное оружие и консциентальные войны [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2007. 25 фев. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782>

11. См.: Более 6 тысяч языков находятся под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]//NEWSru.com.—2003.15мая.URL: <http://www.newsru.com/world/15may2003/language.html>

12. См.: Новосёлова Е. Москва-Петушки: за языком и обратно // Российская газета. 2005. 7 апреля.

References

1. See: *Marx K., Engels F.* German ideology // SOBR. CIT., Moscow: Politizdat, 1955. Vol. 3.

2. See: *Bart R.* Mythology. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996.

3. See: *Lester J.* The theory of hegemony A. Gramsci and modernity // Almanac of the East. 2003. No. 9.

4. See: *Malakhov V.S.* Nationalism as a political ideology. M.: ROSSPEN, 2005. P. 262–268.

5. See: New encyclopedia of philosophy: 4 T. M., 2001. Vol. 4. P. 483.

6. See: *Sapir E.* Selected works on linguistics and cultural studies. M.: Progress; Univers, 1993.

7. See: *Barth F.* Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural difference. M: New publishing house, 2006.

8. See: *Baudrillard J.* Simulacra and simulation. Tula: Tula typographer, 2013. P. 15.

9. See: *Chagrov V.R.* Ethnicity and postcommunist: politicized ethnic identity in the context of globalization. Nevinnomysk. 2003. P. 70.

10. See: *Gromyko Yu.* Consciousness weapons and consciousness of war [Electronic resource] // Center of humanitarian technologies. 2007. 25 Feb. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782>

11. See: More than 6 thousand languages are under threat of extinction [Electronic resource] // NEWSru.com.—2003.15 may.URL: <http://www.newsru.com/world/15may2003/language.html>

12. See: *Novoselova E.* Moscow-Petushki: language and returning // Russian newspaper. 2005. On 7 April.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАКЕЕВ,
доктор политических наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются исторические условия формирования, объективное содержание и деструктивные характеристики радикального национализма как политического феномена. Особое внимание обращается на способ соединения этнического и политического в общественной жизни, порождающего разрушительную агрессивность в сфере межнациональных отношений, выявляются причины «конфликта идентичностей», лежащего в основе деструктивных проявлений радикального национализма.

Ключевые слова: национализм, политическая деструктивность, политизированная этничность, национальное государство, этноцид.

Annotation. Examines the historical conditions of formation, objective content and destructive characteristics of radical nationalism as a political phenomenon. Particular attention is drawn to a method of ethnic and political connection in public life, generating destructive aggression in the sphere of international relations, identifies the causes of a «clash of identities» that underlie the destructive manifestations of radical nationalism.

Keywords: nationalism, political destructiveness, politicized ethnicity, nation-state, ethnocide.

Одним из новых и актуальных направлений политологических исследований является анализ проблем политической деструктивности. В настоящее время понятие деструктивности широко используется в общественном лексиконе, однако ясного представления об этом феномене политической жизни до настоящего времени не выработано. Особым сюжетом здесь является рассмотрение радикального национализма под углом зрения политической деструктивности.

Впервые деструктивность как проявление разрушительной агрессии была рассмотрена немецким ученым Э. Фроммом в работе «Анатомия человеческой деструктивности» (1973 г.) в контексте психоаналитического исследования. На основе проведенного анализа он пришел к выводу, что деструктивность в человеческой жизни проявляет себя как «страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать», выражающаяся в «злокачественной», т.е. «необоронительной агрессии». Жажда разрушения, по мнению Э. Фромма, в значительной мере зависит от конкретных социальных условий; в них же кроется и возможность преодоления подобных агрессивных импульсов в человеке, для чего в обществе должна быть достигнута подлинная свобода, что требует, в свою очередь, искоренения любых форм угнетения [1].

Таким образом, деструктивность (разрушительная агрессия) включает в себя социальные характеристики и выступает в виде социально-политического феномена. Как показывает общественная практика, она

присуща ряду политических явлений и процессов, порождающих угрозы национальной безопасности. К деструктивным относится, на наш взгляд, и определенный класс этнополитических явлений разрушительного свойства в сфере межнациональных отношений. Остановимся на рассмотрении их объективного содержания.

Деструктивность как этнополитический феномен находит свое выражение в этносепаратизме, межнациональных конфликтах, а также в политике этноцида. Современная политическая практика, а также и немалый исторический опыт показывают, что этническая деструктивность несет в себе существенный разрушительный заряд и выступает мощным источником политической мобилизации. Замечено, что в процесс межэтнических столкновений и конфликтов втягиваются большие массы людей, в них гибнут сотни тысяч и миллионы граждан различной национальности. Политика тотального уничтожения целых народов, как известно, осуществлялась руководством Германии в ходе Второй мировой войны, 70-летие окончания которой отмечается в этом году.

Следует отметить, что сама по себе этничность по отношению к деструктивности вполне нейтральна. Точно также, понятие «национализм», будучи весьма многозначным, в принципе не несет в себе негативной нагрузки. Достаточно сказать, что в западных трудах по политологии, в частности, в известном учебнике Эндру Хэйвуда, национализм определяется как «совокупность традиций, сходных лишь в том, что все они,

каждая по своему, признают первостепенное политическое значение нации» [2]. Изначальный смысл национализма заключается в совпадении политического и этнического. Так, Эрнест Геллнер утверждает: «Национализм – это, прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать» [3]. Как можно заметить, общим в приведенных оценках является связь, соединение этнического и политического. Конкретные формы и виды проявления национализма (в том числе в его деструктивном варианте) в реальной жизни, очевидно, находятся в зависимости от условий и характера конкретного «соединения» этноса и политики.

В общем и целом, радикальный национализм связан с избыточно политизированной этничностью, которая складывается на фазе вхождения этносов в политику, т.е. в период формирования национальных государств [4] на фоне глубоких социально-экономических и культурных преобразований. В этот период этносы выходят за пределы замкнутых локальных аграрных сообществ и попадают в незнакомый, огромный и универсальный мир индустриального общества. Тогда, в эпоху Нового времени, и появляется национализм как феномен, олицетворяющий собой поиск конкретных политических форм защиты этнической (национальной) культуры, государственного статуса своего народа на иерархической лестнице наций, где прежняя ступень кажется всем недостаточной.

Процесс «нациестроительства», таким образом, начинается тогда, когда осуществляется переход от традиционного (аграрного) к современному (индустриальному) обществу. В культуре, являющейся базовым признаком этничности, происходит смена эндосоциализации внутри локальных сообществ экзо-социализацией, возможной теперь лишь в рамках государственного политического организма. В результате этого формируется насущная потребность этносов в новом политическом порядке в рамках единой культуры. Если раньше все общественные движения и конфликты проявлялись в религиозной форме, а церковь могла играть роль «теневого государства», то теперь они приняли секулярный, политический характер. Национализм находит свое воплощение в национальном государстве.

В этом контексте становится очевидным, что радикальный национализм как проявление политической деструктивности достаточно часто воспроизводится в реальной политической практике, поскольку постоянно происходит несовпадение формирующихся политических единиц (государственных образований) с этническими (национальными) единицами. Национализм, стремящийся соединить культуру и государство, обеспечить свою культуру собственной политической организацией в виде национального государства, неизбежно сталкивается с объективными препятствиями. Так, сегодня в мире имеется 194 государства – членов ООН, а также ряд непризнанных (или частично признанных)

государств, в то время как на земле насчитывают около 8000 языков (не считая диалектов), а, как известно, языком является важнейшим признаком этничности национальной культуры. Поэтому национализм, не способный реализовать принцип единства (совпадения) этнической культуры и государства, принимает крайние, деструктивные формы и выливается в агрессию.

Перефразируя Э. Геллнера, можно сказать, что радикальный национализм стоит на том, что нации и государства предназначены друг для друга, что одно без другого неполно, и что их несоответствие оборачивается трагедией. Нарушение принципа совпадения нации и государства порождает в этносе протестные настроения, поскольку глубоко оскорбляет националистическое чувство. Радикальный национализм требует этнически однородного государства, однако территориальная политическая единица может стать «этнически однородной» только в том случае, если будут истреблены, изгнаны или ассимилированы все «инородцы». Поэтому особый разрушительный потенциал содержит в себе концепция «этнонации», ориентирующая политику на деструктивные действия. Значительно менее конфликтными в сфере «нациестроительства» являются требования «одна нация – несколько государств», «одно государство – несколько наций» или идеал «гражданской нации».

Что касается Российского государства, то оно существовало и развивалось в форме «надэтнической империи», в которой национальные (этнические) различия не имели решающего значения для гражданства людей. И сегодня Российская Федерация представляет собой надэтническое государство, исходный принцип построения которого дает возможность минимизировать межнациональные противоречия и конфликты, что чрезвычайно важно для страны, отличающейся «миксацией и территориальной чрезполосицей этносов» на фоне присутствия ей цивилизационного многообразия [5].

Возвращаясь к проблеме политической деструктивности, следует отметить, что разрушительная агрессия проявляется тогда, когда в условиях формирования национальных государств в сфере межнациональных отношений складывается особый конфликт – «конфликт идентичностей». Этот конфликт является результатом межкультурных контактов, сопряженных с радикальными социальными сдвигами, расшатывающими прежние нормативно-ценностные системы и отношения, лежащие в основании жизнедеятельности этносов. Он накладывается на бурный процесс маргинализации этносов, выброшенных в ходе общественных преобразований за пределы своих локальных социокультурных миров. Таким образом, массы этнических маргиналов попадают в ситуацию конфликта идентичностей, что в совокупности порождает у них состояние отчуждения от привычных условий существования в рамках локальной этнической культуры, склонность к девиантному поведению, радикализму и разрушительной агрессивности. В таком состоянии этносы проявляют необычайно высокую восприим-

чивость к политической мобилизации, которую используют в своих целях националистические партии, организации и их лидеры, нацеленные на создание этнократических политических режимов.

Сложившийся у этносов потенциал деструктивности актуализируется и окончательно перерастает в радикальный национализм тогда, когда «нациестроительство» приобретает особенно конфликтные формы. Гипертрофированный этнос, наполненный импульсом нетерпимости, завершает свою эволюцию. Национализм в борьбе за свою государственность переходит границы политической легитимности, приобретая насильственные формы и агрессивный, разрушительный характер.

В реальной общественной практике политическая деструктивность радикального национализма находит свое выражение в этнократизме, политике, направленной на ассимиляцию этнических меньшинств, этноциде, межнациональных (межэтнических) конфликтах и межгосударственных войнах на расовой, националистической почве. Он порождает сепаратистские тенденции, объективно нацелен на сецессию и рост межэтнических противоречий.

В рамках настоящей статьи, главный смысл которой состоит в анализе деструктивных характеристик радикального национализма как явления политической жизни, не были затронуты многие политологические аспекты темы радикального национализма. Среди них – формы национализма, способы его политической организации, виды политических объединений националистического толка, идеология радикального национализма, его политико-психологическое наполнение, конкретные формы и методы политической деятельности и некоторые другие. Все эти вопросы составляют отдельные направления исследований в области изучения проблем политической деструктивности применительно к национализму.

К сказанному можно добавить, что в современной политической теории выделяют такие разновидности национализма, как либеральный, консервативный, антиколониальный и экспансионистский, из которых лишь последний (национализм экспансионистского толка) признается «агрессивным» и «воинственным» [6], т.е. деструктивным по своей сущности. Такой взгляд основывается на тезисе об изначальной нейтральности и полиморфности национализма и о его идеологической «всеядности».

Что касается идеологической базы деструктивных партий, движений и групп, то она, по мнению ряда авторов, представлена национал-социалистическими, леворадикальными, исламистскими религиозными и даже либеральными идейными взглядами. При кажущемся внешнем разнообразии всех их объединяет нечто общее – наличие мессианского идеала, претендующего на абсолютную монополию. Этот идеал может быть предельно консервативен или, наоборот, крайне радикален, но его претворение в жизнь побуждает к агрессии, ломке сложившегося социально-политиче-

ского устройства, изменению самого человека. Другими словами, для политической идеологии подавляющего большинства деструктивных организаций и течений присущи духовно-идеологический тоталитаризм и претензия на абсолютное господство.

В деятельности деструктивных организаций используется целый набор литических средств и технологий. Среди них назовем организацию государственных переворотов путем инициирования внутриэлитной борьбы по этническому признаку, террористическую деятельность, направленную на дестабилизацию политического процесса, организацию заговоров, манипулятивное идеологическое воздействие на граждан с применением современных информационных технологий, формирование и использование «агентов влияния». Политическая психология приверженцев радикального национализма, по оценке французского националиста Шарля Морра, отмечена печатью фанатичной приверженности идее абсолютной первичности и величия нации, этнической замкнутости и характеризуется истеричностью тоталитарного мышления.

В конечном счете, радикальный национализм затрагивает сферу властных отношений и, прежде всего, государственное устройство. Деструктивная деятельность в межнациональной сфере направлена на разжигание внутренних этнических конфликтов в обществе, нарушение сложившегося сотрудничества между суверенными государствами и, при определенных условиях, способна нанести ущерб системе международных отношений. Этнополитическая деструктивность, таким образом, несет в себе реальные вызовы, риски и угрозы национальной безопасности.

Литература

1. См.: *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм / Пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 5; 9; 16; 26.
2. *Хэйвуд Эндрю.* Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 138.
3. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: 1991. С. 24.
4. См.: *Рыбаков С.Е.* Философия этноса М.: ИПК Госслужбы, 2001. С. 295.
5. См.: *Рыбаков С.Е.* Там же. С. 14.
6. См.: *Хэйвуд Э.* Там же. С. 138; 144.

References

1. See: *Fromm E.* the Anatomy of human destructiveness / E. Fromm / TRANS. with it. E. Telyatnikov. M.: ООО «Publishing house AST», 2004. P. 5; 9; 16; 26.
2. *Haywood Andrew.* Political science: Textbook for University students / TRANS. from eng. M.: UNITI-DANA, 2005. P. 138.
3. *Gellner E.* Nations and nationalism. M.: 1991. P. 24.
4. See: *Rybakov S.E.* Philosophy of the ethnic group M: the Institute of public administration, 2001. P. 295.
5. See: *Rybakov S.E.* ibid. P. 14.
6. See: *Heywood E.* ibid. P. 138; 144.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И ФАКТОРЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ЕВГЕНИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ АНДРИЯНЧЕНКО,
научный сотрудник НИИ проблем информации,
кандидат психологических наук
E-mail: v.belskiy@bk.ru.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологические механизмы радикального национализма, раскрываются факторы, влияющие на его распространение в современном российском обществе. Отмечается, что рост в обществе приверженцев идей радикального национализма приводит к усилению этнической и межконфессиональной напряженности нетерпимости.

Ключевые слова: радикальный национализм, ксенофобия, этническая изоляция, межэтническая напряженность, национальная идентификация, социальная идентичность, психологическая устойчивость, этнический стереотип, этническая агрессивность, социальные предрассудки.

Annotation. The article considers socio-psychological mechanisms of radical nationalism, describes the factors influencing its distribution in contemporary Russian society. Defined that increase in the community of adherents of ideas of radical nationalism brings to strengthening of ethnic and religious intolerance.

Keywords: radical nationalism, xenophobia, ethnic isolation, interethnic tensions, national identification, social identity, psychological stability, ethnic stereotype, ethnic aggression, social prejudices.

С начала 1990-х гг. радикальный национализм выступает как устойчивая угроза внутренней безопасности Российской Федерации, затрагивающая жизненно важные интересы личности, общества и государства. Эта угроза имеет многоплановый характер и сопровождается экстремистскими действиями, что делает ее одной из самых обсуждаемых тем в российских СМИ и одной из наиболее острых и болезненно воспринимаемых рефлексирующей частью общества проблем. Наиболее опасным проявлением радикального национализма в социальной среде является противоправная деятельность радикалов, посягающая на права и законные интересы граждан, организаций. Так, по данным МВД России только за первые три месяца 2015 г. было совершено 331 преступление экстремистской направленности (что на 23% больше чем за аналогичный период 2014 г.) [1]. При этом борьба с преступлениями экстремистской направленности, хотя и снижает остроту проявлений радикального национализма, не может целиком устранить данное явление. Необходимо также всестороннее изучение данного социального явления, определение его генезиса, причин и факторов, влияющих на его распространение в российском обществе.

В современных социально-гуманитарных науках существуют различные точки зрения на понимание радикального национализма – социальное явление, идеология, политическое учение и т.п. Зарубежные ученые склонны трактовать радикальный национализм как явление включающее экономическую (Э. Геллнер, Т. Нейрн), политическую (Дж. Бойи, М. Манн) и культурологическую (Б. Андерсон) стороны [2]. По мнению отечественных специалистов (Ю.В. Арутюнян, А.И. Соловьев и др.), феномен радикального национализма должен быть отнесен либо к сфере идеологии, либо к области насильственной практики самой разной направленности. С точки зрения идеологии национализмом рассматривается как совокупность политических идей и взглядов, главным в которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в государстве образующем процессе [3]. Как насильственная практика национализм предоставляется как политическое движение по отстаиванию интересов определенной национальной общности в отношениях с государственной властью.

В свою очередь, радикальный национализм, обосновывающий превосходство одной нации над осталь-

ными (шовинизм) и порождающий у индивидов страх и ненависть по отношению к представителям других наций (ксенофобия) является наиболее опасной для многонационального общества формой национализма. Радикальный национализм, исповедуемый представителями национальных меньшинств, зачастую является причиной их борьбы против государства с целью последующего отделения от него и образования независимой политической структуры (сепаратизм).

Эти и другие точки зрения свидетельствуют о неоднозначном, вариативном понимании радикального национализма. Во многом, это связано с тем, с позиции какой науки данное явление изучается. При этом необходимо помнить, что в основе радикального национализма, как и любого другого общественного явления, лежат межличностные отношения между индивидами и их субъективное восприятие действительности, что вполне справедливым является выделение в радикализме социально-психологической составляющей.

В психологической науке неоднократно предпринимались попытки научного обоснования природы радикального национализма. Ранние социально-психологические теории больших социальных групп (Г. Лебон) объясняли явление национализма различиями в психическом складе отдельных рас и наций [4]. Психологи психоаналитического направления (З. Фрейд, Т. Адорно, Э. Фромм) полагали, что в основе радикального национализма лежат механизмы социальной идентификации и личностной агрессивности. Социальные бихевиористы (Д. Доллард, А. Бандура) в свою очередь считают, что социальная агрессия индивида по отношению к другим социальным группам является производной биологических (гормоны, нервная система, темперамент) и социально-психологических факторов (непосредственный опыт, особенности межличностных отношений).

В многочисленных социально психологических исследованиях определяется социально-психологический генезис радикального национализма. Он заключается в функционировании трех механизмов формирования социального поведения индивида – механизма этнической изоляции, механизма межэтнической напряженности и механизма национальной идентификации.

Первый механизм – этническая изоляция – наиболее характерен для представителей национальных меньшинств в многонациональных обществах. Данный механизм имеет биологическую природу и тесно связан с механизмом происхождения видов. Так, если в животном мире инстинкт заставляет представителей различных видов живых существ держаться себе подобных, избегая при этом представителей чуждого вида, то в человеческом обществе биологическая составляющая данного инстинкта находит свое отражение в социальном поведении представителей различных национальных групп. Особенности такого поведения индивидов являются стремление к межличностным отношениям и общению с пред-

ставителями своей национальной группы, избегание контактов с людьми «чуждой» нации. Логическим следствием реализации механизма этнической изоляции в российском обществе является создание и функционирование замкнутых национальных групп: диаспор и землячеств.

Второй механизм – межэтническая напряженность – тесно взаимосвязан с первым. Межэтническая напряженность также имеет биологические корни. Так, в процессе эволюции социальной организации приматов, изначально развивавшиеся инстинктивно-индивидуальные негативные реакции, заготовленные для автоматического включения на столкновение конкурирующих интересов, стали сменяться иными способами борьбы за выживание группы. В частности, весьма врожденной поведенческой формой стал стабилизирующий групповой инстинкт враждебности по отношению к представителям других групп [5]. В человеческом же обществе данный инстинкт выражается в особенностях социального поведения индивидов: неприятие культурных особенностей другой этнической общности, настороженность в отношении представителей других национальных групп, негативная оценка деятельности лиц, принадлежащих другому этносу.

Третий механизм – механизм национальной идентификации строится на процессе категоризации «мы» и «они» и является частным случаем механизма формирования социальной идентичности. Сущность механизма социальной идентичности состоит в сравнении «своей» группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределяться, обособляться от других, утвердить свою автономию. При этом этническая идентичность является частью социальной идентичности личности. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент – система отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

Следует отметить, что лежащие в основе радикального национализма механизмы могут быть активизированы благодаря сочетанию ряда социально-психологических факторов и условий, деструктивно влияющих на социальное поведение индивидов в обществе. Для современного российского общества можно выделить следующие социально-психологические факторы, способствующие формированию идеологии радикального национализма.

Первым и наиболее значимым на наш взгляд фактором является кризис социальной идентичности. Распад СССР привел не только к политическому и экономическому разделению единого государства на ряд обособленных государственных образований, но он так же лишил его граждан прежней социальной иден-

тичности – принадлежности к советскому народу. В сложившихся условиях именно националистическая идеология во многом оказалась способной удовлетворить потребность людей в осознании и приобретении столь необходимой им социальной идентичности. Кризис идентичности способствует негативной консолидации членов этнических и религиозных групп против реальных или мифических врагов – представителей других «первичных» социальных групп, которым в свою очередь приписывается ответственность за произошедшие беды. И, как следствие – рост националистических настроений в государствах – бывших республиках СССР, а так же в национальных автономиях Российской Федерации. Примером тому могут служить националистические организации Северного Кавказа и Поволжья («Джагмаат», «АдыгэХасэ», «Садвал», «Азатлык», «Союз башкирской молодежи», «Фаляк» и т.п.).

Вторым фактором, способствующим формированию идеологии радикального национализма в российском обществе, является снижение уровня психологической устойчивости общества и усиление негативного воздействия на психическое здоровье населения. Это вызвано деформацией и размыванием исторически значимых позитивных социальных ориентиров российского общества (в том числе идеи социальной справедливости, патриотизма, равенства и единства народов России и др.), что обусловлено противоречивостью процесса модернизации страны и целенаправленным деструктивным воздействием на него определенных субъектов общественных отношений внутри страны.

Следствием стали дезинтеграция единого морально-нравственного пространства страны, которая выразилась в формировании и распространении параллельных и враждебных подсистем морали (криминальных, маргинальных и т.п.), а так же внедрение в общественное сознание и практику альтернативных моральных норм – эгоизма, жестокости, приоритета силы и др. Произошла смена референтных групп: если прежде личность отождествляла себя со всей социальной общностью, то теперь она в большей степени стала ориентироваться на нормы и ценности той части общества, к которой данная личность себя относит. При этом в формировании референтных групп преобладающую роль играла национальная принадлежность индивида.

Третьим фактором, способствующим формированию идеологии радикального национализма, является деформация социального статуса индивида. В современном российском обществе деформация социального статуса индивида обычно связано с ухудшением его материального состояния, а так же с падением престижа некоторых профессий. Как показывают результаты социологических исследований, понижение социального положения в обществе вызывает на личностном уровне рост агрессивности, которая проявляется в социальном поведении индивида. Но и

«благополучные» люди не избавлены от опасностей ксенофобии и агрессии. При увеличении разрыва между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения возрастают агрессивные установки; неудовлетворенность обычно приводит к поиску «виновных». Ими зачастую становятся представители других народов и религий.

Четвертым фактором, способствующим распространению в российском обществе идей радикального национализма, является преобладание в массовой культуре этнических и расовых стереотипов. Эти стереотипы опираются на схематизированный образ представителя какой-либо этнической общности, и представляет собой упрощенное, одностороннее знание о психологических особенностях и поведении людей другой национальности, расы. Такая примитивная схематизация выражается формулой «свой – чужой» и представляет серьезную угрозу для гражданского мира. Необходимо отметить, что даже тогда, когда стереотипы в целом отражают реальность, они могут стать причиной весьма печальных последствий, ибо служат средством деиндивидуализации представителей других наций и этнических групп [6]. Преобладание в обществе этнических и расовых стереотипов приводит к замыканию индивидов внутри своих национальных общностей, которое сопровождается ростом недоверия к представителям других наций и этносов и открытым противопоставлением собственной культуры культурным особенностям других народов.

К факторам, обуславливающим распространение идей радикального национализма, можно отнести так же преобладание в российском обществе негативных социальных установок по отношению к представителям других наций и этносов – предубеждений и предрассудков. При этом социальные психологи определяют предубеждения и предрассудки как негативное отношение к представителям какой-либо социальной группы, основанное лишь на их принадлежности к этой группе [7].

Наличие предубеждений у субъекта обуславливает его пристрастность, избирательность восприятия, интерпретации, оценки и запоминания информации. Люди, с предубеждением относящиеся к определенным группам (например, этническим или религиозным), зачастую обрабатывают информацию об этих общностях и их представителях иначе, чем о других группах [8]. Они уделяют больше внимания сведениям, согласующимся с их предвзятыми взглядами. При этом человек, как правило, не осознает или не желает осознавать, что он предубежден, и склонен рассматривать свое отношение к объекту предубеждения как следствие объективной оценки каких-либо фактов. На практике это приводит к тому, что человек, обладающий негативными социальными стереотипами в отношении других наций, будет избирательно воспринимать только негативную информацию о представителях других национальных групп и этносов, что в свою очередь способствует формированию его

убежденности в превосходстве собственной нации над другими.

С данным фактором связано так же явление так называемой «этнической агрессивности», объектами которой выступают представители другого этноса. В современном обществе этническая агрессивность относится к числу наиболее серьезных проблем и проявляется, прежде всего, среди молодого поколения россиян. Этническая агрессивность молодежи является формой сопротивления сложившимся условиям существования и проявляется как на бытовом уровне в форме криминальной деятельности (разделение по этническим группировкам в криминальном мире), так и на политическом уровне в форме квазиидеологических объединений, следствием чего является рост проявлений радикального национализма в молодежной среде.

Следует отметить, что комплексное воздействие социально-психологических и других детерминант радикального национализма приводит к значительному росту в российском обществе приверженцев его идей. Оно формирует в обществе и особенно среди молодежи нигилистическое отношение к закону, правопорядку, правам человека, чувство безнаказанности за совершение преступных действий, способствует распространению культа насилия, сопровождается созданием предпосылок для роста числа преступлений насильственного экстремистского характера. Как следствие в российском обществе усиливаются этническая и межконфессиональная нетерпимость и противостояние.

Литература

1. См.: Состояние преступности – январь–март 2015 г. / Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://mvd.ru/reports/item/3294242/> (дата обращения 15 апреля 2015 г.).
2. См.: Коротева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. С. 10.

3. Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм: теории и политическая история. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 40–43.

4. См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 29–37, 139–142.

5. См.: Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001. С. 24.

6. См.: Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. СПб., 2004. С. 266.

7. См.: Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. СПб., 2004. С. 269; Бэрн Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб., 2003. С. 219.

8. См.: Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2007. С. 42–44.

References

1. See: Crime and public safety – January–March 2015 / The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mvd.ru/reports/item/3294242/> (accessed April 15, 2015).
2. See: Koroteeva V.V. Theory of nationalism in foreign social Sciences. Moscow: RGGU, 1999. P. 10.
3. Sidorina T.Y., Poliannikov T.L. Nationalism: theories and political history. M.: HSE, 2006. P. 40–43.
4. See: Lebon G. Psychology of peoples and the masses. SPb., 1995. P. 29–37, 139–142.
5. See: Berkowitz L. Aggression: its causes, consequences and control. SPb., 2001. P. 24.
6. See: Taylor Sh., Pipla L., Sears, D. Social psychology. SPb., 2004. P. 266.
7. See: Taylor Sh., Pipla L., Sears, D. Social psychology. SPb., 2004. P. 269; Baron R., Byrne D., Johnson B. Social psychology: key ideas. SPb., 2003. P. 219.
8. See: Croze M.V., Ratinova N.A. Socio-psychological and legal aspects of xenophobia. M., 2007. P. 42–44.

Гражданский процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / [Л.В. Туманова и др.] / Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 599 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

Раскрыты основные темы курса: сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку рассмотрения гражданских дел в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также по делам о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

УДК 316
ББК 60.5

РАДИКАЛИЗМ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА «РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА»

ВЛАДИМИР ПРОХОРОВИЧ ГАЛИЦКИЙ,
действительный член Академии военных наук,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: vgalizky@jandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Характеризуются межнациональные отношения в современной России, проявления радикального национализма. Рассматривается проблема русского национализма.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межнациональные конфликты и противоречия, радикальный национализм, русский национализм.

Annotation. Characterized inter-ethnic relations in modern Russia, the manifestations of radical nationalism. The problem of Russian nationalism is considered.

Keywords: interethnic relations, ethnic conflicts and contradictions, radical nationalism, Russian nationalism.

Россия всегда была многонациональным государством. Распад СССР и образование новых независимых государств не привели и не могли привести к установлению межнационального мира и согласия внутри тех из них, в которых и ранее возникали межэтнические конфликты. Это относится и к России, в которой наиболее выраженными очагами межнациональных противоречий стали Северный Кавказ и Поволжье. Межэтническая напряженность и конфликтность в этих регионах стала отражением общей межэтнической напряженности в Российской Федерации в отношениях между ее национально-государственными образованиями и другими субъектами, в свое время представляющей реальную угрозу целостности российского государства. Важнейшей причиной этой межнациональной напряженности стал национализм и прежде всего его крайняя форма – радикальный национализм.

История государства российского свидетельствует, что для русского народа, как государственно образующего народа, несвойственны проявления национализма и особенно радикального. Именно это позволило сформировать Российскую империю, а затем и Советский Союз как мощное многонациональное государство. Необходимо вспомнить, что на протяжении всей истории России – СССР – Российской Федерации не было антигосударственных выступлений русского народа на основе идеологии радикального национализма. Но, такие выступления (восстания, мятежи и т.п.) имели место у нерусских народов, входивших в состав России – СССР – Российской Федерации – на

пример, горцы Северного Кавказа (XVIII в.), население Западной Украины (1944–1956 гг.), часть населения стран Прибалтики (1944–1956 гг.), события в Чечне (1994–2003 гг.) и др.

Вместе с тем, в целом благородные национальные чувства, здоровый национализм всегда были присущи народам России, в том числе и русскому народу. В связи с этим важно вспомнить высказывание историка Ковалевского П.И. о «русских националистах»: «русские националисты» – люди, в действительности всею душой любящие свою родину и свою нацию, уважающие ее прошлое и желающие ей славы, мощи и величия в будущем. Таковы русские были, есть и будут во веки веков» [1].

Национальный вопрос в нашей стране наиболее остро встал на повестку дня с приходом к власти в России в 1917 г. партии большевиков, установлением Советской власти. Всем известны широкие дискуссии в партии большевиков в 20–30-е годы XX в. по национальному вопросу. В основе этих дискуссий лежала проблема соотношения интернационального и национального. В конечном итоге победила концепция интернационализма в теории «ленинской национальной политики».

Интернационализм стал фундаментом построения советского многонационального государства, воспитания всего населения СССР. При этом особое значение придавалось интернационализму пролетарскому, под которым подразумевалась «идеология и политика международной солидарности рабочих и всех трудящихся» [2].

К национализму со стороны политического и партийного руководства СССР было однозначное отношение – это «враждебные пролетариату буржуазная идеология и политика, призванные укрепить господство и привилегии одной нации за счет угнетения другой, отвергающие дружеское сотрудничество и взаимопомощь между нациями, разжигающие национальную рознь и расовую ненависть. Истоки национализма коренятся в природе буржуазного строя, в отношениях частной собственности и эксплуатации» [3]. Необходимо отметить, что перечисленные и другие положения и идеи о национализме в современной российской науке до сих пор официально ни теоретически, ни практически (прежде всего юридически) не оспорены и не пересмотрены.

Понятие «радикализм» имеет двоякое значение: 1) политическое течение, сторонники которого подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости радикальных преобразований и реформ; 2) использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий [4]. В современных условиях радикализм в его первом значении наиболее распространен в Северо-Кавказском регионе. Это обусловлено тем, что условия и факторы, характерные для ряда республик Северного Кавказа (идеологическая и религиозная дезориентация, социальная незащищенность, массовая безработица, снижение авторитета властных и официальных религиозных структур, коррупция, клановость и сложная иерархичность внутреннего социального устройства, фактическая отчужденность значительной части населения (особенно молодежи) от общественно-политических процессов, высокий уровень криминализации и т.п.), способствуют тому, что экстремистские идеи, предлагающие простейшие решения наболевших проблем, нередко находят свою питательную среду [5].

В контексте настоящей статьи под «радикализацией» понимается стремление, склонность к решительным действиям, бескомпромиссному осуществлению намерений, стремление к коренному изменению существующего положения в том или ином деле [6]. В последние десятилетия экстремистскими и террористическими формированиями на территории нашей страны достаточно широко используются религиозный и национальный факторы для достижения политических целей [7]. Причем очевидная явная тенденция использования ими методов экстремизма и терроризма в решении своих религиозных, политических, социально-экономических и иных вопросов.

Практический опыт свидетельствует, что в основе любых проявлений на практике экстремизма и терроризма, как правило, лежит идеология радикализма: религиозного, социального, националистического, политического. Следует сказать, что подавляющее большинство представителей религиозного (исламского) экстремизма и терроризма прошли через радикальный ислам [8].

В настоящее время одной из наиболее острых проблем в Северо-Кавказском регионе является активно распространяющаяся среди его многонационального населения (при непосредственной поддержке эмиссаров зарубежных неправительственных организаций и специальных служб некоторых государств Ближнего и Среднего Востока) новой исламской идеологии [9], которая ориентирует на: переход к более конспиративным методам пропагандистской и экстремистской деятельности; использование легальных (правовых) способов для пропаганды своего вероучения; использование федеральных и местных выборов для легального проникновения в местную и республиканскую, краевую, областную и т.п. власть; временный отказ от открытой вооруженной борьбы с властью.

Все это представляет реальную угрозу целостности Российского государства. Как в этих условиях сохранить единство и целостность Федерации, уберечь ее от новых потерь и потрясений? Какими путями государственного строительства идти дальше – сохранить национально-государственный принцип, или взять курс лишь на чисто административно-территориальное деление?, что в более широком политическом смысле означает расширять и углублять демократический процесс или свернуть на путь унитаризма и авторитаризма? При этом нельзя забывать, что межнациональные отношения в России сегодня, так или иначе, увязываются с русскими и русским вопросом.

Чтобы ясно представить сложность ситуации, необходимо иметь в виду то, что как в царской России, СССР, так и Российской Федерации проживали и проживают представители более 120 народов, это многонациональные государства. Но в Российской Федерации в ее многонациональности, в отношениях между нациями произошли серьезные изменения, приведшие к совершенно новой этнополитической ситуации. Так по-прежнему наиболее многочисленными народами являются русские, татары, чуваша, башкиры и мордва. Что касается малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (26), то их численность сократилась – всего в настоящее время их насчитывается 181 тыс. человек. В составе населения современной России 16 этнических групп (всего 7,8 млн. человек) представляют народы стран СНГ; 30 этнических групп (1,3 млн. человек) – народы дальнего зарубежья (болгары, греки, венгры и т.д.); 30 этнических групп (173 тыс. человек) – народы, нигде в мире не имеющие своей государственности (цыгане, ассирийцы, уйгуры, курды и др.) [10].

Важно отметить, что во многих республиках в составе Российской Федерации в настоящее время, как и в последние годы существования СССР, титульное население, давнее имя республике, составляет меньшинство. Из 22 республик только в пяти титульное население превышает 50% населения: Чувашия, Тува, Коми, Чечня, Северная Осетия. В целом во всех республиках, вместе взятых, «коренное население» составляет всего 32% населения, а в автономных округах – 10,5% [11].

Все эти моменты приобретали особый смысл на фоне того основополагающего факта, что русские составляют более 80% (в 1991 г. – 81,5%) населения страны [12].

Развитие межэтнических взаимоотношений в современной России, конфликты и противоречия в них, новые формы межнациональных движений обусловлены не только этим гигантским различием соотношения русского и нерусского населения на этно-территориальном пространстве Российской Федерации. Приобрел особое значение тот факт, что национальная психология русских и их разбухшее национальное самосознание в некоторых своих аспектах и потенциалах оказывают влияние на социально-политическую ситуацию и межнациональные отношения в обществе, причем нередко дестабилизирующее. Нередко доминирующую роль в обществе играют идеалы, ценности и установки национального сознания русского этноса, обусловив (как и осознание громадного перевеса своей численности) определенную переориентацию способов и методов регулирования межэтнических взаимоотношений и конфликтов.

Но не этнополитическая ситуация в России сама по себе, не численное доминирование русского этноса стали порождать межнациональные или межконфессиональные конфликты, а та кризисная политическая, социально-экономическая и духовная ситуация, в которой оказались все народы, в том числе, а может быть, и прежде всего, – русская нация, особенно после распада СССР. Проблемы русской нации или, как теперь модно говорить – «русский вопрос», это сегодня основополагающая проблема этнополитического развития России. С ним связано все своеобразие постановки и методов решения любых этнических и национальных проблем в стране. И если ранее – в советский период и даже в полосу «перестроечного» развития – под национальным вопросом обычно подразумевали вопрос развития малых наций и этносов, оставляя в стороне вопросы русского этноса, подразумевая, что этому великому народу с самостоятельным геополитическим положением в мире обеспечено великое будущее, то сегодня положение резко изменилось. И вопрос сегодня стоит в двоякой его постановке: в чем усложненность, деформированность положения русского этноса, суть и характер проявления травмированного национального самосознания русских; каковы возможные уже сегодня потенциальные последствия уязвленного самочувствия русских для других этносов и национальных групп, населяющих Россию?

Начнем с того, что социально-экономический кризис в стране конца XX в. особенно сильно ударил по Центральной России и русскому этносу вообще. И все-таки травмированное самочувствие русских больше связано с политико-нравственными, духовными и идеологическими факторами, чем социально-экономическими, чисто материальными. Речь идет об унижении, национальном оскорблении крупнейшего этноса всего евразийского пространства, выразившиеся в массовом отчуждении русских от приватизации крупнейших сы-

рьевых, производственных, финансовых, социо-культурных, социально-экономических, материальных и иных объектов сфер в период так называемых реформ в России. Именно в последние годы, особенно после распада СССР, в русском этносе происходят существенные негативные изменения и в количественном и в качественном отношении, возникают потенциально крайне опасные социально-политические тенденции в его развитии, в переоценке своего места в мире и, прежде всего, в своем собственном государстве. В связи с этим, на наш взгляд, нуждаются в корректировке отдельные статьи Конституции Российской Федерации (1993 г.), касающиеся федеративного устройства нашего государства, декларируемого равноправия его субъектов, определяющих место русского народа в государстве, как государство образующего (см., например, ст. ст. 5, 26, 31, 37, 65, 66, 68 и др.) [13].

Следующим фактором является не только абсолютное сокращение численности русских, но и уменьшение их доли в общем составе населения страны, а также заметное их сокращение на территориях смешанного проживания, резкое изменение статуса русских на значительной части территории Российской Федерации (например, уменьшается количество русских в республиках Северного Кавказа – Чечня, Дагестан и др.). В трагическом и унижительном положении оказались русские на территориях государств – бывших советских республик, где к моменту распада СССР оказались 26 млн. человек русских [14]. С учетом того за последние годы многие из иммигрировали на территорию России: часть – беженцы, часть – добровольно покинувшие свои обжитые места по убеждению, что у них нет перспектив для нормальной жизни и работы вне России или на территории некоторых титульных субъектов Российской Федерации. Согласно данным официальной статистики, из Таджикистана и Азербайджана уехала треть русских, из Грузии – четверть. Увеличивается число мигрантов из Казахстана и других регионов Средней Азии. Нельзя не видеть, что это «политический горячий материал». Мигранты представляют собой активную, в какой-то степени обездоленную и взрывоопасную группу, склонную поддерживать особенно радикально-патриотические, националистические силы и организации [15]. Под их непосредственным воздействием происходят те сложные психологические коллизии в русском национальном сознании, когда широкие массы русских в условиях кризиса, особенно в сфере духовности, могут оказаться в объятиях иррационального бытового шовинизма как способа самозащиты.

Широко известно, какой серьезной дискриминации подвергаются русские и русскоязычные группы в странах Балтии, Украине [16]. Причем пренебрежительное, оскорбляющее национальное и человеческое достоинство русских отношение существует не только на бытовом уровне, в обыденном сознании простых людей, но и подкреплено законами на уровне государственной политики. Даже в Казахстане, где русские

и русскоязычное население составляет большинство (более 50%) и где официальная пропаганда и политическое руководство страны заверяют о полном уважении прав всех народов, особенно русских, русские и русскоязычное население чувствует себя неуютно. В подборе кадров, при распределении собственности и имущества, льгот и т.д. «равные» права и возможности нередко нарушаются [17]. Безусловно, все это определенным образом влияет на возникновение так называемого «русского национализма». Хотя для русского народа всегда более характерным было такое качество, как толерантность, без которого он не смог бы мирным путем овладеть таким огромным территориальным пространством и многие столетия жить в единстве и согласии с множеством наций и народностей.

На наш взгляд, было бы полезным, если бы российское научное сообщество в своих сегодняшних и будущих исследованиях по рассматриваемой проблеме, сделали бы акцент на следующих вопросах: национальный вопрос в России-СССР-России и пути его разрешения; соотношение национального и интернационального, радикального и фундаментального; правовое регулирование межнациональных отношений и правовая оценка национализма; теоретическое обоснование национального и интернационального в условиях современной России; имеет ли право на свое существование национализм в современной России, если да, то в какой форме; место и роль правоохранительных органов современной России в противодействии радикальному национализму и его формы; опыт борьбы отечественных правоохранительных органов с национализмом вообще и с национальным сепаратизмом в частности, сделав акцент на методах, формах, тактике, особенностях проведения этой борьбы, общей и частной профилактики и т.п.

Не будем забывать, что одной из причин развала СССР было замалчивание проблемы межнациональных отношений и конфликтов в них. Надо сделать все для того, чтобы Россию не постигла участь СССР.

Литература

1. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 5.
2. Политический словарь / Под ред. Проф. Б.Н. Пономарева. М.: Госиздат полит. лит.-ры, 1956. С. 208.
3. Там же. С. 262.
4. См.: Современный словарь иностранных слов. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2001. С. 742.
5. См.: Ильин Е.П. Актуальные проблемы противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность // Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики» (12–14 октября 2009 г. Ростов н/Д. // Интернет-ресурс. Сайт НАК. Дата обращения 7 октября 2010 г.
6. См.: Политический словарь / Под. Общ. Ред. проф. Пономарева Б.Н. М.: Госполитиздат, 1956. С.

448; Краткий политический словарь / Под общ. ред. Шишлина Н.В. и Ониква Л.А. М.: Политиздат, 1978. С. 317.

7. Подробнее см.: Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна: Монография. М.: Аспект Пресс, 2006.

8. Подробнее см.: Малащенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. С. 76–87.

9. См.: Асимметричные угрозы. Конфликты низкой интенсивности. Сетевые войны. Терроризм. Информационно-аналитический справочник / Под общ. ред. Р.М. Латыпова и А.В. Крикунова. М.: ЦАТУ и ЦПК, 2007. 351 с.; Асимметричные угрозы и конфликты низкой интенсивности // Информационно-аналитический журнал ЦАТУ и ЦПК, 2008. № 3. 88 с. и др.

10. См.: Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 60.

11. См.: Там же.

12. См.: Там же.

13. См.: Конституция Российской Федерации. Официальный текст с изменениями на 1 марта 2012 г. СПб.: Изд. Дом «Литера», 2012.

14. См.: Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 62.

15. См.: Галицкий В.П. Мигранты и проблемы экстремизма // Обозреватель. Observer. 2007. № 4. С. 79–89 и др.

16. См.: Крючков Г.К., Табачник Д.В. Фашизм в Украине: угроза или реальность? Харьков: Фолио, 2008. 414 с.; ОУН-УПА. Правдивая история / Под общ. ред. докт. истор. наук, проф. Е.Ф. Безродного и канд. юрид. наук, доц. А.В. Ткачука. Киев: Солюкс, 2006. 252 с.; Чупин Г.Т. Предыстория и история Киевской Руси, Украины и Крыма. Харьков: Изд-во «Литера Нова», 2010. 720 с. и др.

17. См.: Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 62.

References

1. Kovalevsky P.I. Russian nationalism and national education in Russia. M.: MGU, 2014. P. 5.
2. Political dictionary / Under the editorship of prof. B.N. Ponomareva. M.: Gosizdat watered.literature, 1956. P. 208.
3. Ibid. P. 262.
4. See: Modern dictionary of foreign words. 4-e Izd., erased. M.: Rus. lang., 2001. P. 742.
5. See: Il'in E.P. Actual problems of counteraction to youth involvement in terrorist activity//proceedings of scientific-practical conference «Combating the ideology of extremism and terrorism in the framework of realization of the state youth policy» (12–14 October 2009, Rostov n/D. // Internet resource. The NAC website. Date accessed 7 October 2010.

6. See: Political dictionary / Under. General. Ed. prof B.N. Ponomarev. M.: Gospolitizdat, 1956. P. 448; a Concise political dictionary / Under the General editorship Shishlina N.V. and Onikowa L.A. M.: Politizdat, 1978. P. 317.

7. See more: ethno-Religious terrorism / ed. Mr Antonyan Yu. M.: The Monograph. M.: Aspect Press, 2006.

8. For more details see: A. Malashenko, D. Trenin Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia. M: Gandalf, 2002. P. 76-87.

9. See: Asymmetric threats. The low intensity conflicts. Network war. Terrorism. Information-analytical guide / ed. by R.M. Latypov and A.V. Krikunova. M.: CATO and CTC, 2007; Asymmetric threats and low intensity conflict // Information-analytical magazine CATO and CTC, 2008. No. 3. 88 p., etc.

10. See: *Mnatsakanyan M.O.* Nation and nationalism. Sociology and psychology of national life: Proc. manual for schools. M.: Uniti-DANA, 2004. P. 60.

11. See: Ibid.

12. See: Ibid.

13. See: The Constitution of The Russian Federation. The official text with amendments as of March 1, 2012 SPb.: Ed. House Litera, 2012.

14. See: *Mnatsakanyan M.O.* Nation and nationalism. Sociology and psychology of national life: Proc. manual for schools. M.: Uniti-DANA, 2004. P. 62.

15. See: *Galitsky V.P.* workers and the problems of extremism // Explorer. Observer. 2007. No. 4. P. 79 to 89H.

16. See: *Kruchkov G.K., Tabachnik D.V.* Fascism in Ukraine: threat or reality? Kharkiv: Folio, 2008. 414 p.; OUN-UPA. True story / Under the General editorship of doctor. historical. Sciences, Professor E.F. rootless and candidate. the faculty of law. Sciences, Assoc. A.V. Tkachuk. Kyiv: Solux, 2006. 252 p.; *Chupin G.T.* the Prehistory and history of Kievan Rus, Ukraine and Crimea. Kharkov: Publishing house «Litera Nova», 2010. 720 P. and others.

17. See: *Mnatsakanyan M.O.* Nation and nationalism. Sociology and psychology of national life: Proc. manual for schools. M.: Uniti-DANA, 2004. P. 62.

УДК 316
ББК 60.5

УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАДИКАЛЬНОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ

АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ТКАЧЕНКО,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрывается значение укрепления российской национальной идентичности в контексте сочетания гражданского и этнического понимания нации и национализма в противодействии радикальному национализму.

Ключевые слова: нация, национализм, гражданский национализм, этнический национализм, радикальный национализм, национальная идентичность.

Annotation. Reveals the importance of strengthening of the Russian national identity in the context of a combination of civil and ethnic understanding of nation and nationalism in counteraction to radical nationalism.

Keywords: nation, nationalism, civil nationalism, ethnical nationalism, radical nationalism, national identity.

Необходимым условием существования и развития России как самостоятельного геополитического субъекта и суверенного государства является сохранение ее цивилизационной идентичности и прежде

всего ее национальной и культурной идентичности [1]. Причем национальная и культурная идентичность теснейшим образом взаимосвязаны, так как культура является важнейшим атрибутом нации. Национальная

(и культурная) идентичность означает осознание своей причастности к определенной нации (культуре), осознание своего единства с ними. Субъективно национальная идентичность проявляется как национальный менталитет, а объективно – как национальный характер [2].

Укрепление российской национальной идентичности является стратегической задачей, решение которой требует постоянного к себе внимания и не может быть одномоментным. Тем более, в настоящее время, после двух с лишним десятилетий радикальных изменений в российском обществе, речь часто следует вести не только об укреплении, но и о сохранении и формировании этой идентичности.

Радикальный национализм можно рассматривать как результат деформации национальной идентичности, для характеристики которого используются понятия «экстремизм», «ксенофобия», «фашизм», «шовинизм», «нацизм». В контексте этих понятий можно выделить следующие признаки радикального национализма: национальная, культурная и религиозная нетерпимость, отрицание компромиссов, антидемократизм и антикоммунизм; опора на насилие при реализации своих целей, милитаризм; проповедь национального превосходства для обоснования права на дискриминацию и угнетение других народов, права на насилие и геноцид; поиск внутреннего и внешнего врага нации, якобы виновного в ее неудачах, и культивирование ненависти к нему через агрессивную лживую пропаганду.

При характеристике событий внутри России радикальный национализм может рассматриваться по аналогии с этническим радикализмом, как идеологически обоснованный политический курс, направленный на радикальное решение вопросов с точки зрения определенной нации(этноса) [3]. Этнический радикализм является следствием этнического национализма как претензии этноса на политическую власть и построение собственного государства. В форме межэтнического конфликта или этнического сепаратизма он стремится к созданию этнократического государства. Этнократия – политический режим безраздельного господства титульного этноса с дискриминацией и попранием прав других этносов. Как отмечает С.Е. Рыбаков, разрушение Российского государства с использованием националистического фактора имело место во время большевистской революции 1917 г. и либеральной революции рубежа 1980–1990 гг. [4]. Разрушение Российской империи союзом большевиков и этнонационалистов с использованием мифа о России как о «тюрьме народов» сопровождалось этноцидом русских, объявленных «эксплуатирующим народом», которых в массовом порядке подвергали унижению, дискриминации, а то и физически уничтожали.

Та же ситуация повторилась при разрушении СССР союзом российских либералов с национал-демократами республик, которые использовали миф о «русификации» нерусских народов Советского Союза. При

этом 25 миллионов русских оказались за пределами России в качестве людей второго сорта. Нелегко пришлось русским и внутри России в условиях инициированного российской властью «парада суверенитетов» и становления в ее национально-территориальных образованиях режимов этнократии, предполагающих попрание прав не титульных этносов, в числе которых оказывались и русские, составляющие, как правило, большинство населения национально – территориального образования, и объявленные виновниками всех бед титульного этноса. Любой межэтнический конфликт во вновь образовавшихся государствах неизбежно стал сопровождаться пропагандой русофобии для обоснования права на дискриминацию русских людей. Русофобия в данном случае стала проявлением шовинизма как агрессивного национализма.

Размывание традиционной русской идентичности, связанной с православной духовной традицией, определяющую высокую этническую и конфессиональную терпимость русских людей, унижение их национального достоинства в ходе либеральной революции привело к возникновению и распространению среди отдельных представителей государственно образующего народа, и что еще более опасно, среди молодежи, нацистской идеологии. Так называемый русский нацизм, явился, в определенной степени, зеркальным отражением проявлений этнонационализма и этнического радикализма других народов России.

Если радикальный национализм является результатом деформации российской национальной идентичности, то возникают два вопроса: 1) какой должна быть российская национальная идентичность, чтобы быть способной противодействовать радикальному национализму? 2) и что в ней есть для этого противодействия?

В качестве одной из целей Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (далее – Стратегия) определено «...упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации)» [5]. В общих положениях Стратегии говорится, что российская нация состоит из народов – этнических общностей. Здесь же подчеркивается, что одним из основных вопросов государственной национальной политики является «...сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности». То есть речь идет об упрочении национальной идентичности в контексте и гражданской нации как совокупности граждан Российского государства и нации этнической как культурно-языковой общности.

Различное понимание сути нации(гражданская нация; этническая нация) приводит к различным предложениям о путях формирования и укрепления национальной идентичности и методах борьбы с радикальным национализмом. Если, например, нацию понимать как искусственную гражданскую общность, сознательно конструируемую политическими и эко-

номическими средствами, а рождение национальной идентичности трактовать как процесс массовой деэтнизации и замены этничности гражданской идентичностью [6], то отсюда может возникнуть предложение «...формировать национальную идентичность по общегражданскому, а не этническому или конфессиональному критерию» [7], предполагая, видимо то, что этническое и конфессиональное многообразие чревато межнациональными конфликтами и проявлениями радикального национализма. Но этничность и религиозность не порождают с неизбежностью социальные конфликты. Здесь решающее значение имеет ответ на вопрос: какие конкретно особенности культуры, какого конкретно этноса или какие конкретно особенности, какой конкретно религии чреваты проявлениями радикального национализма или религиозного экстремизма.

Кроме того, если формировать гражданскую нацию россиян через деэтнизацию народов России, как же тогда сохранить культурную и национальную идентичность нашей страны? Да и какой народ добровольно откажется от своей культуры?

Различие гражданско-политического и этнокультурного понимания нации порождает различное понимание национализма. И здесь мы выходим на проблему типологии национализма. Гражданский национализм отождествляет нацию с гражданством, закрепляющим равный политический и правовой статус граждан, формирующим их приверженность общим политическим ценностям и общей гражданской культуре, которые способствуют интеграции общества. Сначала государство, потом нация. Этнический национализм рассматривается как антипод гражданского национализма. Сначала нация, потом государство. Нация здесь рассматривается как фаза развития этноса. Утверждается, что любая нация имеет этническое ядро. Поэтому при характеристике нации упор делается на общую кровную связь, а также общую культуру, религию, язык и историю. Обращается внимание на то, что этнический национализм возникает тогда, когда государственные границы не совпадают с этническими [8]. Здесь могут формироваться предпосылки радикального национализма.

Особое место принадлежит культурному национализму, утверждающему, что нация определяется общностью культуры, а легитимность государства – его способностью защищать нацию и обеспечивать развитие ее культурной и общественной жизни. Отсюда вытекает государственная поддержка культуры и языка этнического большинства и поощрение ассимиляции этнического меньшинства для сохранения культурного единства нации.

В противостоянии гражданского и этнического понимания нации и национализма наиболее приемлемой представляется позиция известного российского политолога и публициста Михаила Ремизова, предлагающего не противопоставлять, а сочетать гражданское и этническое понимание нации и национализма [9]. По

его мнению, нация одновременно является политико-правовым и культурно-историческим сообществом. Поэтому необходимо сочетать оба эти принципа интеграции общества, а не противопоставлять их. Нация есть синергия политической власти и культуры одновременно. Поэтому национальная идентичность предполагает сочетание культурной идентичности и политической лояльности. Политика и культура – два неразрывных элемента формулы национализма. Национализм является синтезом культурной идентичности и гражданского достоинства, политической лояльности и представления об общей исторической судьбе.

Гражданский национализм, утверждает Ремизов, противопоставляется этническому национализму, чтобы сохранить современное государство от конфликта этнических лояльностей. Гражданский национализм, поэтому, провозглашает культурную нейтральность государства, чтобы избежать конфликта культурных идентичностей. Однако подобная политика приводит к разрушению нации в интересах до национальных форм этнической жизни, в которых нет взаимосвязи между государством и развитой национальной культурой (часто из-за отсутствия таковой).

Но для современных наций связь между доминирующей культурой и государством является несущей конструкцией и культуры и государства. Культура теряет себя, так как перестает быть основой массовой социализации и однородной ценностной средой (для этого нужна государственная система образования, работающая на доминирующую культуру). Государство теряет себя, так как утрачивает культурные основания лояльности (то есть «дух гражданственности», укорененный в национальном мифе и истории) и необходимую для демократии ценностную и языковую однородность.

Отделение государства от доминирующей культуры в контексте политики мультикультурализма, утверждает Ремизов, приводит не к сообществу «универсальных граждан», а к до государственной этнизации общественного сознания, к культурной и этнической фрагментации общества. Этническое большинство при этом деэтнизруется, атомизируется и деморализуется, бежит в субкультуры, а меньшинства – заполняют возникшую пустоту своей культурой и мифами. Вызов фундаментализмов и этнизмов в современных государствах Запада является следствием их искусственной культурной нейтральности. Но только сильная, пусть и чужая для меньшинств, доминирующая национальная культура способна обеспечить их интеграцию или ассимиляцию, обеспечить единство общества.

В общем, следует иметь в виду, что национализм может пониматься не только как идеология и практика строительства этнически гомогенного государства [10], что чревато возникновением межэтнических конфликтов, но и как любовь к духу, духовному своеобразию своего народа [11]. Патриотизм означает любовь не только к своей Родине, но и любовь к своему наро-

ду, к своей нации. Патриотическое воспитание невозможно без приобщения воспитуемых к национальной культуре, без национального воспитания с одновременным исключением экстремистских проявлений на национальной почве.

Особенности российской национальной идентичности определяются особенностями российской нации и Российского государства, которые раскрываются в Стратегии, в которой, в частности, говорится: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру» [12].

Российская национальная идентичность означает осознание принадлежности к россиянам, российской гражданской нации, включающей в себя русский и другие братские народы России. Русская национальная идентичность означает ощущение принадлежности к русским, русской этнической нации, к государству образующему русскому этносу. Без русской этнической и национальной идентичности невозможна российская гражданская национальная идентичность как без государство образующего русского народа невозможно Российское государство.

Изначальное формирование Российского государства как государства полиэтнического было предопределено особенностями русского этноса и русской культуры. Это государство (так же как и русский этнос и русская культура) возникло на основе религиозной, а не национальной идеи. Поэтому Православие называют одновременно этно-культуро-государство образующей религией. Именно оно на протяжении более чем 1000 лет является сердцевинной традиционного русского национального самосознания, традиционной русской культуры и государственности.

Русская идея в контексте православной духовной традиции всегда выступала как идея жертвенного служения, исключающая возможность националистической гордыни. Эта идея предопределила высокий уровень этнической и конфессиональной терпимости русского народа. Многие народы, благодаря присоединению к России, сохранились физически, сохранили свою самобытность, культуру, религию – и все являются коренными народами России, которые имели и имеют традиционные привилегии. Важная черта русского народа – способность обогащать и поддерживать национальные культуры других народов, не ассимили-

руя их носителей. Россия стала Родиной не только для русского, но и для многих других народов, сражавшихся за нее уже на поле Куликовом в XIV в., ополчениях Смутного времени начала XVII в., в годы Великой Отечественной войны.

Приобщение братских народов России к русской культуре является необходимым условием укрепления российской идентичности, российской гражданской нации, воспитания российского патриотизма. Это особенно актуально и в условиях интенсивной этнической миграции внутри России, когда иногда прибывающие в регионы с преимущественно русским населением представители братских нерусских народов России демонстрируют нежелание интегрироваться в местную культуру, ведут себя вызывающе и агрессивно, что провоцирует неизбежно межэтническое напряжение.

Укрепление российской гражданской идентичности всех народов России и, одновременно, русской национальной идентичности, свободной от нацистской, националистической деформации, должно осуществляться через приобщение к традиционной русской культуре, основанной на православной духовности и образе жизни. Именно здесь мы находим противоядие одновременно против любых форм национального экстремизма или глобализма, уничтожающего этническое и культурное многообразие народов.

Укреплению российской национальной идентичности и государственности, безусловно, способствовало бы возвращение русских на территории национально-территориальных образований, которые они были вынуждены покинуть. Это способствовало бы восстановлению и эффективному развитию экономики, укреплению межнационального мира и преодолению межэтнических противоречий в полиэтнических регионах, где русские традиционно выступали гарантами стабильности. А для этого необходимо преодоление русофобии и этнократических тенденций в Российской Федерации. Ведь русская культура для других народов России была и остается мостом в мировую культуру. Разрушение этого моста, как показывает практика развала СССР и сепаратизма внутри России, изгнание из тех или иных регионов русского языка и русской культуры, унижение и дискриминация русских людей сопровождается разгулом диких националистических страстей, кровавыми межнациональными войнами и отбрасыванием этих регионов в социально-экономическом отношении в далекое историческое прошлое.

Важнейшей современной задачей является укрепление правового статуса русского народа, самоопределившегося на всей территории Российской Федерации и являющегося социальной, языковой и культурной основой гражданской российской нации. Заботясь об обеспечении прав национальных меньшинств, не следует забывать о правах большинства в соответствии с зафиксированным в Стратегии принципом равноправия народов. Ведь для Российского государства в контексте борьбы с радикальным национализмом лояльность национального большинства

не менее важна, чем лояльность национальных меньшинств. Русскому народу должны быть предоставлены такие же права и возможности для свободного развития, как и другим братским народам России. В этом заключаются гарантии свободы и безопасности всех братских российских народов. Без русского народа и Российского государства по правилам нового мирового порядка их или превратят в обслуживающий персонал транснациональных корпораций или просто выселят с пригодных для добычи природных ресурсов территорий.

Обеспечение безопасности и единства России, борьба с радикальным национализмом в российском обществе предполагают укрепление российской национальной гражданской идентичности на основе возрождения традиционной русской национальной идентичности в контексте православной культуры при сохранении национальных культур других братских народов России и их приобщении к русской культуре.

Литература

1. См.: Сацута А.И. Глобализирующийся мир и социально-политическая идентичность современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8.
2. См.: Смирнов П. Национальная идентичность: основные функции и факторы формирования // URL://www.rosbalt.ru/smirnov/ (дата обращения: 17 мая 2015 г.).
3. См.: Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001. С. 262, 275.
4. См.: Там же. С. 317–323.
5. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. // Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор». URL://www.minnation.senat.org/Strategia-2025.html (дата обращения: 17 мая 2015 г.).
6. См.: Рыбаков С.Е. Там же. С. 275.
7. Шарова В.Л. Идеология радикального национализма в современной России: Автореф... дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. М., 2008. URL://refdb.ru/look/2855682.html (дата обращения: 17 мая 2015 г.).
8. См.: Рыбаков С.Е. Там же. С. 275.
9. См.: Ремизов М.В. Гражданское и этническое. К типологии национализма. Ч. 1–3 / Агентство политических новостей. 15, 18 и 23 мая 2012 г. URL:// www.apn.ru/publications/article26621.htm (дата обращения: 17 мая 2015 г.).
10. Рыбаков С.Е. Там же. С. 262.
11. См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Религиозный смысл философии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
12. См.: Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года // Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор». URL://www.minnation.senat.org/Strategia-2025.html (дата обращения: 17 мая 2015 г.).

References

1. See: Satsuta A.I. Globalizing world and socio-political identity of modern Russia // Vestnik of Moscow University of the MIA of Russia. 2013. No. 8.
2. See: Smirnov P. National identity: the key features and factors of formation // URL://www.rosbalt.ru/smirnov/ (accessed: may 17, 2015).
3. See: Rybakov S.E. Philosophy of the ethnic group. M.: the Institute of public administration, 2001. S. 262, 275.
4. See: Ibid. P. 317-323.
5. The strategy of state national policy of the Russian Federation for the period till 2025 // Federal information and analytical magazine «Senator». URL://www.minnation.senat.org/Strategia-2025.html (accessed: may 17, 2015).
6. See: Rybakov S.E. ibid. P.275.
7. Sharova V.L. Ideology of radical nationalism in contemporary Russia: abstract of Diss.... on competition. academic step. Cand. polit. Sciences. M., 2008. URL://refdb.ru/look/2855682.html (accessed: may 17, 2015).
8. See: Rybakov S.E. ibid. P.275.
9. See: Remizov M.V. Civil and ethnic. To the typology of nationalism. H. 1-3 / the Agency of political news. 15, 18 and 23 may 2012 URL:// www.apn.ru/publications/article26621.htm (accessed: may 17, 2015).
10. Fishermen S.E. Ibid. S. 262.
11. See: Ilyin I.A. Path of spiritual renewal // Religious meaning of philosophy. M.: AST: AST MOSKVA, 2006.
12. See: The strategy of state national policy of the Russian Federation for the period till 2025 // Federal information and analytical magazine «Senator». URL://www.minnation.senat.org/Strategia-2025.html (accessed: may 17, 2015).

УДК 316
ББК 60.5

ПРОЯВЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕМУ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЫСОЦКИЙ,
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрываются формы проявления радикального национализма и меры административного противодействия ему в современном российском обществе, применяемые органами исполнительной власти.

Ключевые слова: национализм, радикальный национализм, административно-правовое принуждение, меры административного пресечения, правоохранительные органы, государственные органы исполнительной власти.

Annotation. Analyzed forms of manifestations of radical nationalism and administrative measures to counter it in the modern Russian society, used by executive authorities.

Keywords: nationalism, radical nationalism, administrative and law enforcement, measures of administrative punishment, law enforcement, state executive authorities.

Последние события в Украине и других странах, отдельных регионах мира свидетельствуют о широком распространении в социальных отношениях и взаимодействии идеологии и практики радикального национализма. Радикальный национализм, особенно молодежный, в настоящее время умело используется определенными политическими силами для достижения разного рода целей, представляет угрозу безопасности личности, общества и государства. Профилактика, предупреждение и противодействие экстремистской деятельности, основанной на идеологии национализма, выявление и устранение условий и факторов ее порождающих является сегодня важнейшим направлением деятельности правоохранительных и других органов государственной исполнительной власти. В Российской Федерации, в соответствии с политико-нормативными документами и законами, правоохранительные органы обязаны всеми легальными средствами и способами противодействовать экстремистской деятельности, в том числе деятельности незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и групп, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью организацию вооруженного мятежа, насильственное изменение конституционного строя страны, насильственный захват или насильственное удержание власти.

Радикальный национализм представляет собой многогранное явление, проявляющееся в различных формах. Наиболее распространенным его проявлени-

ем, в том числе и в российском обществе, является организация и проведение радикальными националистическими силами массовых общественно-политических мероприятий с нарушением законодательства, регулирующего проведение митингов, пикетов, демонстраций и шествий. Несанкционированные массовые мероприятия, организованные представителями радикальных националистических сил, как правило, немногочисленны, носят пропагандистский характер, проходят с незначительными нарушениями общественного порядка и преследуют цель – «заявить о себе», привлечь внимание окружающих и тем самым пополнить свои ряды новыми сторонниками. В некоторых случаях участники подобных акций своими действиями провоцируют сотрудников правоохранительных органов на применение к ним мер административного принуждения, связанных с непосредственным физическим воздействием (административное задержание, применение специальных средств и др.), создавая себе при этом имидж «мучеников, страдающих за правое дело». В соответствии с нормами административного законодательства Российской Федерации такие действия подпадают под признаки ст. 20.2. («Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования») Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее КоАП).

Одним из проявлений радикального национализма является участие его сторонников в легальных обще-

ственно-политических мероприятиях, проводимых в соответствии с законодательством различными политическими силами, и совершение ими на этих мероприятиях провокационных действий, направленных на возбуждение национальной розни. При проведении санкционированных публичных массовых акций представители радикального национализма совершают противоправные, в том числе экстремистские, действия, доводят до окружающих информацию (путем устных выступлений или демонстрирования соответствующих лозунгов и транспарантов), возбуждающую расовую, национальную, религиозную или социальную вражду, совершают хулиганские действия, провоцируют сотрудников правоохранительных органов на неадекватные силовые действия. В соответствии с КоАП Российской Федерации такие действия подпадают под признаки ст. 20.1. («Мелкое хулиганство») и ст. 19.3. («Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органа государственной охраны, сотрудника органов, уполномоченных на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, либо сотрудника органов уголовно-исполнительной системы»).

Общественно опасную форму проявления радикального национализма в современных условиях представляет организация его субъектами и их участие в массовых беспорядках, направленных на достижение радикальных националистических целей. Националистически настроенные лица совершают провоцирующие действия, сопровождающиеся в последнее время захватом ими помещений, принадлежащих государственным органам власти, нападением на сотрудников полиции, других должностных лиц с целью инициирования открытых столкновений с силами правопорядка и совершения при этом массовых драк, грабежей, погромов и т.п. Если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, то в этом случае применяется ст. 20.2 со значком 2 КоАП («Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка»). Отдельные виды административных наказаний выступают также в качестве мер профилактического характера по недопущению участия отдельных лиц в массовых беспорядках (ст. 3.14 КоАП «Запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения»).

К современным проявлениям радикального национализма относятся планирование, подготовка и осуществление радикальными националистическими силами хулиганских действий. Радикально настроенными активистами в качестве выражения протеста, или несогласия с точкой зрения своих оппонентов, во время проведения конференций, заседаний, собраний, встреч с гражданами практикуется забрасывание их

пачкающими предметами (гнилыми овощами, яйцами, пакетами с майонезом и др.). Применяется этот способ, как правило, в отношении лидеров политических партий, государственных чиновников, представителей СМИ, международных организаций. Такие действия являются нарушением общественного порядка, выражают явное неуважение к обществу и могут квалифицироваться по ст. 20.1. КоАП как мелкое хулиганство.

Проявлениями радикального экстремизма является также изготовление и распространение материалов экстремистского характера. Сторонники националистических группировок и организаций (в первую очередь скинхедов) при проведении своих акций активно используют нацистскую символику и атрибутику (значки, эмблемы, нашивки и т.д.), размещают ее в общественных местах, в печатных изданиях, демонстрируют другими способами (например, жестами). Указанные действия квалифицируются согласно ст. 20.3. («Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики») и ст. 20.29. («Производство и распространение экстремистских материалов») КоАП Российской Федерации.

Для предупреждения и пресечения перечисленных и других проявлений радикального национализма, экстремистских действий националистических сил правоохранительные органы Российской Федерации используют различные способы и приемы, варианты служебной деятельности. Так, в соответствии с законодательством Российской Федерации, правоохранительные органы могут использовать возможности и силы других организаций, органов государственной власти для обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Государственные органы, а также предприятия, учреждения и организации обязаны оказывать содействие правоохранительным органам в осуществлении возложенных на них обязанностей по предупреждению и пресечению противоправных действий радикально настроенных националистических элементов.

Меры административного предупреждения уполномочены применять должностные лица федеральных органов исполнительной власти. Что касается применения иных мер административного принуждения, в частности мер административного пресечения (административного задержания, доставления, проверки документов, личного осмотра и др.), то, например, в соответствии с п. «и» и «к» ст. 13 ФЗ «О федеральной службе безопасности» сотрудники органов безопасности имеют право проверять у лиц документы, удостоверяющие их личность, осуществлять их личный досмотр и досмотр находящихся при них вещей, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении административных правонарушений или преступлений, производство либо дознание, или предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности, а также досмотр транспортных средств и находящихся в них грузов при

подозрении, что они используются в целях совершения указанных административных правонарушений или преступлений. Сотрудникам органов ФСБ предоставлено право осуществлять административное задержание лиц, совершивших правонарушения, связанные с попытками проникновения или проникновением на специально охраняемые территории особорежимных объектов, закрытых административно-территориальных образований и иных охраняемых объектов, а также проверять у этих лиц документы, удостоверяющие их личность, получать от них объяснения, осуществлять их личный досмотр, досмотр и изъятие их вещей и документов.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности ст. 27.8 «Осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов», предоставляет право сотрудникам органов безопасности, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях в соответствии со ст. 28.3 настоящего Кодекса, осуществлять осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю используемых для осуществления предпринимательской деятельности помещений, территорий и находящихся там вещей и документов.

Целью применения мер административного принуждения является принудительное прекращение противоправных действий (деятельности) граждан, должностных лиц, организаций, нарушающих установленный порядок, что позволяет правоохранительным органам активно использовать их в противодействии проявлениям национального радикализма.

Меры административного пресечения, как и административно-предупредительные меры, имеют право, в большинстве случаев, применять должностные лица органов исполнительной власти, осуществля-

ющие государственный контроль и надзор. Решение о применении этих мер принимает уполномоченное должностное лицо непосредственно в момент совершения противоправных действий. В исключительных случаях для использования некоторых специальных средств, требуется решение руководителя операции, начальника правоохранительного органа.

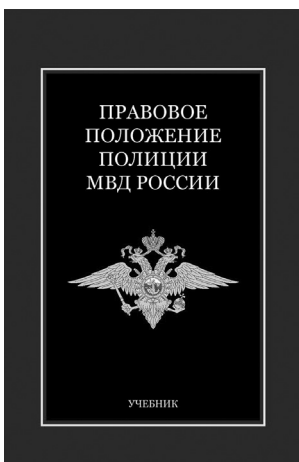
Правоохранительные органы в ходе пресечения массовых беспорядков свои усилия направляют на выявление и изоляцию их зачинщиков, организаторов и активных участников. Пресечение массовых беспорядков представляют собой согласованные мероприятия правоохранительных органов и подразделений других силовых структур государства. В противодействии радикальному национализму важное значение имеет современное ограничение и нейтрализация признаков радикального национализма. Особое значение здесь имеют предупредительные меры, в том числе административно-правовые. В то же время в современном российском обществе существует определенная проблема правового регулирования применения мер административного принуждения правоохранительными органами для предупреждения проявлений радикального национализма.

Литература

1. См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ от 7 января 2002 г. № 1 (Ч. I) ст. 1 (в редакции от 4 июня 2014 г.).

References

1. See: The Russian Federation code of administrative offences of 30 December 2001, No. 195-FZ // Collected legislation of the Russian Federation from January 7, 2002, № 1 (Part I) article 1 (as amended on June 4, 2014).

Правовое положение полиции МВД России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [С.Ю. Анохина и др.] / Под ред. Ф.П. Васильева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 815 с.

Цель учебника — ознакомить читателя с деятельностью полиции по вопросам организации обеспечения общественного порядка (ООП) и безопасности в современных условиях.

Рассмотрены правовое положение полиции и участие подразделений полиции в ООП, а также отдельные направления деятельности ряда подразделений полиции.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также для должностных лиц местных органов власти и иных правоохранительных органов.

УДК 316
ББК 60.5

ФАШИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КОШКАРОВА,
доцент кафедры гуманитарных,
социально-экономических и
информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского
университета МВД России,
кандидат культурологии
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выделяются и рассматриваются теоретико-методологические аспекты и проявления фашизма как разновидности правого радикализма. Особое внимание уделяется проблеме нарастания фашистской угрозы в современном мире и антифашизму как средству противодействия ей.

Ключевые слова: радикализм, фашизм, неофашизм, антифашизм.

Annotation. Identifies and discusses theoretical and methodological aspects and manifestations of fascism as a form of right wing radicalism. Special attention is paid to the problem of the rise of the fascist threat in the modern world, and antifascism as a means of resistance to it.

Keywords: radicalism, fascism, neofascism, antifascism.

Правый радикализм как культурно-политическое явление оформляется в России и зарубежных странах в конце XIX – начале XX вв. в форме национализма. В 1920-е – 1930-е гг. широкое распространение в мире получает фашизм как одна из разновидностей праворадикальной идеологии и практики. К концу XX в. в общественно-политической жизни вновь возрастает значение праворадикальных партий и движений, претерпевших значительные изменения и вобравших в себя массу воззрений леворадикального характера. Однако, не смотря на более чем столетнюю историю существования феномена «правого радикализма», проблема определения данной категории не получила всесторонней научной проработки. До сих пор предметом научной дискуссии является вопрос разграничения понятий «радикализм» и «экстремизм», а также отсутствует единый подход в определении основных черт и разновидностей правого радикализма.

Среди разновидностей правого радикализма наиболее изученным является фашизм как движение и политический режим межвоенного периода (главным образом на примере итальянского фашизма и германского национал-социализма). Осмыслению фашизма уже в 30-е гг. XX в. посвящены работы М. Тореза,

П. Тольятти, до сих пор не утратившие своей актуальности. Основная масса исследований по данной проблематике проводится в послевоенный период. Наиболее известными зарубежными исследователями феномена фашизма в это время являются А. Аквароне, П. Алатри, Р. Гриффина, Э. Джентиле, Э. Колотти, Э. Сантарелли, Р. де Феличе, И. Феста и др., а среди отечественных ученых – Л.С. Белоусов, В.Д. Ежов, А.А. Галкин, Л.И. Гинцберг, Ц.И. Кин, Б.Р. Лопухов, С.П. Пожарская, П.Ю. Рахшмир, Г.С. Филатов и др.

Не смотря на серьезное внимание к проблеме фашизма, до сих пор в науке отсутствует четкое определение данного понятия. Долгие годы фашизм определялся отечественными исследователями в контексте марксистской парадигмы как антидемократическое буржуазное движение или режим, «крайняя форма империалистической реакции», связанные с монополистической стадией в развитии капитализма [1]. В настоящее время получает распространение трактовка фашизма как «агрессивной формы правого радикализма», «правоконсервативного революционаризма», направленного на снятие существующих в обществе противоречий посредством разрушения всего, что препятствует сохранению и возрождению

«фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия» [2].

Следует отметить, что в России понятие «фашизм» законодательно также не определено: проект закона № 99041517-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации», который должен был зафиксировать данный термин (ст.1), был отклонен и снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в марте 2004 г. [3].

В условиях отсутствия общепринятого определения понятия «фашизм», большинство специалистов сущность фашизма раскрывают через совокупность признаков: обоснование по расовому признаку превосходства и исключительности одной, провозглашаемой в силу этого господствующей нации; нетерпимость и дискриминация по отношению к другим «чужеродным», «враждебным» нациям и национальным меньшинствам; отрицание демократии и прав человека; насаждение режима, основанного на принципах тоталитарно-корпоративной государственности, однопартийности и вождизма; утверждение насилия и террора в целях подавления политического противника и любых форм инакомыслия; милитаризация общества, создание военизированных формирований и оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем [4].

70 лет назад фашизм был разгромлен, его преступления осуждены Нюрнбергским трибуналом 1945–1946 гг., и, казалось, в вопросе возможности легального существования этой идеологии и практики была поставлена точка. Тем не менее, уже во второй половине 1940-х гг. в Европе стали возникать первые неофашистские организации, а с конца 1950 – начала 1960-х гг. они стали превращаться в реальную угрозу, взяв курс на легализацию через участие в представительных органах власти, выступая за открытую реабилитацию преступлений фашистского режима [5].

На рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем небывалый всплеск неофашизма и антисемитизма. Быстрыми темпами в мире растет количество организаций неонацистского и неофашистского толка. В одной только Германии насчитывается порядка 165 откровенно нацистских группировок [6]. На территории России «действует более 150 радикальных неофашистских группировок, члены которых исповедуют культ национализма, расового превосходства и воплощают свою идеологию на практике путем криминального насилия, в том числе убийств, на национальной, расовой и религиозной почве» [7].

Анализируя современный неофашизм как практику, академик А.А. Дынкин структурирует его следующим образом: ядро неофашизма составляют «идеологизированные и отобилизованные группировки ультраправых радикалов», не скрывающих свою неонацистскую ориентацию, второй слой – это разнородные группировки без четкой идеологии, но склонные к насилию (скинхеды, спортивные фанаты), третий

(внешний) слой представлен праворадикальными политическими партиями, которые напрямую не участвуют в актах насилия и стремятся избегать параллелей с фашизмом [8].

В целом проблема фашизма в его «неоформе» сохраняется в современном мире и постепенно приобретает глобальные масштабы. Более того, в настоящее время можно говорить о росте популярности фашизма, о появлении на него своеобразной «моды» [9].

На путь откровенной нацификации и фашизации встали бывшие республики СССР: страны Балтии и Украина. В Латвии ежегодно с 1991 г. проводятся марши неонацистов и бывших эсэсовцев, в Украине фашистских коллаборационистов приравнивали по статусу к ветеранам Великой Отечественной войны.

Столь открытая пропаганда фашистских идей все еще немыслима для большинства стран Европейского Союза, но, при этом она не находит и однозначного осуждения. Значительная часть представителей политической элиты европейских и некоторых других стран предпочитают просто «не замечать» этой пропаганды. Показателен в этом отношении отказ ряда государств-членов ООН от безоговорочной поддержки резолюции, осуждающей героизацию нацизма и другие формы расовой дискриминации, ксенофобию, нетерпимость и экстремистские движения, создающие реальную угрозу демократическим ценностям, ежегодно принимаемую на Генеральной Ассамблее ООН с 2005 г. по инициативе России. Так США последовательно голосуют против осуждения героизации нацизма, а среди стран традиционно «воздерживающихся» от принятия резолюции – делегации стран Европейского Союза, а также Украины, Молдовы, Грузии [10].

Все вышесказанное обуславливает актуальность обращения к антифашизму как средству противодействия распространению неонацизма и неофашизма в современном мире в целом, и в России в частности.

Идеология и практика антифашизма возникает, прежде всего, в зарубежной Европе в 1920-е годы как реакция на становление и развитие фашизма (движение «Arditi del Popolo» в Италии). С 1935 г. на основании решений VII конгресса Коминтерна антифашизм становится составной частью коммунистической идеологии, интеграция политических сил в борьбе с фашизмом допускалась с анархистами, католиками, социалистами и беспартийными, но только на основе принципов марксистско-ленинской парадигмы.

Как было отмечено выше, четкое содержательное определение понятия «фашизм» в марксистской науке отсутствовало, что привело, соответственно, к размытости понятия «антифашизм». Очевидной данная проблема стала на рубеже XX–XXI вв. в условиях крушения коммунистической идеологии и одновременно при нарастании угрозы неофашизма.

Современная наука также дает предельно общее определение термина «антифашизм», трактуя его как политизированное общественное движение, направленное на борьбу с фашизмом [11], что позволяет

подводить под него зачастую диаметрально противоположные общественно-политические силы. Так, представители отечественного «гуманитарного антифашизма», интерпретируя «фашизм» как «проявление несвободы и насилия, насаждение государством вражды и тоталитарной ненависти» [12], рассматривают в качестве фашистов всех, кто применяет оружие для решения социально-политических вопросов, отстаивания демократических прав и свобод человека, в том числе и реальные антифашистские силы, противостоящие неонацистам (например, в Донбассе).

Данный парадокс особо подчеркивает важность проблемы четкого определения понятий «фашизм» – «неофашизм» – «антифашизм», до сих пор не решенной ни отечественной, ни зарубежной наукой.

Литература

1. См.: *Рахмиров П.Ю.* Происхождение фашизма / П.Ю. Рахмиров. М.: «Наука», 1981. С. 8.
2. См.: *Галкин А.А.* Размышления о политике и политической науке / А.А. Галкин. М.: «Оверлей», 2004. С. 148–152.
3. См.: Проект Федерального Закона № 99041517-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&n=42&req=doc>
4. См.: Юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/legal/Fashizm-20051.html>
5. См.: *Рахмиров П.* История фашизма в Западной Европе / П. Рахмиров, С. Пожарская, Г. Горошкова, Л. Гинцберг, В. Давидович. М.: Наука, 1978. С. 502 – 525.
6. См.: *Дынкин А.А.* Структурные контуры европейского неофашизма в XXI в. // Международная конференция «Неофашизм в Европе: 70 лет спустя», г. Санкт-Петербург, 30 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://neveragaininitiative.org/publikatsii/307-ctrukturnye-kontury-evropejskogo-neofashizma-v-khkhhi-veke>
7. См.: *Гирько С.И.* Доклад начальника ВНИИ МВД России на международной научно-практической конференции «Оперативно-розыскные меры по борьбе с организованными группами и преступными сообществами экстремистской и террористической направленности». М., 28 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: vnii-mvd.ru.
8. См.: *Дынкин А.А.* Там же.
9. См.: *Калачёв Б.Ф.* Вопреки решениям Нюрнбергского трибунала: новые тенденции и формы пропаганды фашизма// *Пространство и время.* 2011. № 2(4). С. 77–84.

10. См.: Резолюции ГА ООН о видах практики, способствующих расизму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://r-u.org.ua/?p=4881>

11. См.: Политический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/politic/Antifashizm-43.html>

12. См.: Акция в Санкт-Петербурге: Антифашизм – это неприятие тоталитарной ненависти. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/content/article/2605085.html>

References

1. See: *Rakhshmir P.U.* Origins of fascism / P.U. Rakhshmir. M.: «Nauka», 1981. P. 8.
2. See: *Galkin A.A.* Reflections on politics and political science / A.A. Galkin. M.: «Overlay», 2004. P. 148–152.
3. See: The draft Federal Law № 99041517-2 «On the prohibition of propaganda of fascism in the Russian Federation» [Electronic resource]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&n=42&req=doc>
4. See: Dictionary of law [Electronic resource]. Available at: <http://enc-dic.com/legal/Fashizm-20051.html>
5. See: *Rakhshmir P.U.* History of fascism in Western Europe / P.U. Rakhshmir, S. Pozharsky, G. Goroshkov, L. Ginzburg, V. Davidovich. M.: Nauka, 1978. P. 502–525.
6. See: *Dynkin A.A.* Structural contours of European neo-fascism in the twenty-first century // international conference «neo-Fascism in Europe: 70 years later», St. Petersburg, March 30, 2014, [Electronic resource]. Available at: <http://neveragaininitiative.org/publikatsii/307-ctrukturnye-kontury-evropejskogo-neofashizma-v-khkhhi-veke>
7. See: *Girko S.I.* The report of the head of the research Institute of the MIA of Russia in the international scientific-practical conference «Operational-search measures on struggle with organized groups and criminal associations of extremist and terrorist nature». M., October 28, 2010 [Electronic resource]. Available at: vnii-mvd.ru.
8. See: *Dynkin A.A.*, *ibid.*
9. See: *Kalachev B.F.* Contrary to the decisions of the Nuremberg Tribunal: new trends and forms of propaganda of fascism// *Space and time.* 2011. No. 2(4). P. 77–84.
10. See: The UNGA resolution on the types of practices that contribute to racism [Electronic resource]. Available at: <http://r-u.org.ua/?p=4881/>
11. See: Political dictionary [Electronic resource]. Available at: <http://enc-dic.com/politic/Antifashizm-43.html/>
12. See: The action in St. Petersburg: Fascism is a rejection of totalitarian hatred. [Electronic resource]. Available at: <http://www.golos-ameriki.ru/content/article/2605085.html/>.

УДК 316
ББК 60.5

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО РАДИКАЛИЗМА

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ САЦУТА,
профессор кафедры социологии и политологии,
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, профессор
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Характеризуются националистические партии и другие националистические организации и движения современной Украины как основные силы радикализма в украинском обществе, их идеология, политические установки и цели, практические действия. Дается общая оценка современному украинскому радикализму.

Ключевые слова: политический процесс, националистические партии, организации и движения, Украина, украинское общество, радикализм, современный украинский радикализм, национализм, русофобия.

Annotation. Nationalist parties, other nationalist organizations, and the movements of modern Ukraine as the main forces of radicalism in the Ukrainian society, their ideology, socio-political installations and the purposes, practical actions are characterized. The general assessment is given to modern Ukrainian radicalism to radicalism.

Keywords: political process, nationalist parties, organizations and movements, Ukraine, Ukrainian society, radicalism, modern Ukrainian radicalism, nationalism, russophobia.

Последние события в Украине свидетельствуют о всплеске радикализма в украинском обществе. Радикализм является отличительной чертой современного политического процесса в стране, оказывает существенное влияние на политическую жизнь Украины, ее внешнеполитические отношения.

Социально-политические силы современного украинского радикализма составляют националистические политические партии и другие в разной степени институализированные националистические организации и движения. Наиболее активными в политической жизни современной Украины националистическими политическими партиями являются Всеукраинское объединение «Батьковщина» Ю. Тимошенко, Народный фронт А. Яценюка и А. Турчинова, Всеукраинское объединение «Свобода» О. Тягнибока и Радикальная партия О. Ляшко. Все эти партии, несмотря на имеющиеся у них расхождения в идеологических и социально-политических представлениях, программных установках о политическом будущем Украины, о стратегии и тактике их

реализации, принципиально ориентируются на политико-идеологические идеи и ценности радикализма, на использование присущих ему средств, приемов и способов в политической практике. А некоторые различия в идеологиях и политических целях националистических партий обусловлены главным образом интересами тех или иных финансово-промышленных групп и региональных кланов, а также различных социальных, в известной степени маргинальных, слоев украинского общества, которые они выражают [1].

Политические цели, концептуально-идеологические основы практической деятельности Всеукраинского объединения «Батьковщина» и Народного фронта, их программные установки по актуальным проблемам внутреннего развития современной Украины и ее внешних отношений в определенной степени близки и даже совпадают. Они определяются политико-идеологической программой зарубежной организации украинских националистов, образованной в 1956 г. в противовес бандеровской и мельниковской организациям украин-

ских националистов, и связанной с наиболее уважаемыми современными политическими и идеологическими кругами Запада. Идеологию Всеукраинского объединения «Батьковщина» и Народного фронта составляют идеи украинских националистов о независимой самостоятельной Украине, а также в той или иной мере, принципы и идеи современного либерализма. Программная цель этих партий – построение Украины как независимого национального государства, сделавшего устойчивый западный («европейский») политический, экономический, социальный и культурный выбор.

В практической политической деятельности Всеукраинское объединение «Батьковщина» и политическая партия «Народный фронт», их лидеры ориентируются главным образом на радикально-экстремистские средства, приемы и способы реализации своих политико-идеологических идей и целей. Совместно с другими радикальными организациями и их руководителями, они не только поддержали протестное движение на Майдане в конце 2013 – начале 2014 гг., приняли участие в нем, но и провели определенную организационную и мобилизационную работу по подготовке и осуществлению государственного переворота в Украине силовым способом. Представители этих партий в нынешних органах государственной власти Украины являются сторонниками унитарного национального украинского государства, европейской интеграции, тесных взаимоотношений с США. Они действуют с жестких антироссийских позиций, выступают за силовое подавление «сепаратистов» на Юго-Востоке страны, за возврат Крыма в состав Украины.

Политические партии Всеукраинское объединение «Свобода» и Радикальная партия О. Ляшко в последних событиях в Украине позиционируют себя как ультралиберальные организации. Всеукраинское объединение «Свобода» считается партией «бандеровского» направления. Его идеология и политическая практика основываются на традиционных идеях и политико-практических целях, действиях и методах бандеровской организации украинских националистов, на так называемой концепции «интегрального национализма», разработанной теоретиками украинских националистов Д. Донцовым и С. Бандерой в первой половине прошлого века. Политико-идеологическими установками «Свободы» являются построение Украины как государства в этническом смысле сугубо украинской нации (Украина для украинцев), ксенофобия, важнейшую часть которой составляет русофобия, ярко выраженные антисемитизм и антикоммунизм. Социальную базу «Свободы» составляют различные социальные группы в Западной Украине, прежде всего в Галичине, ее сторонники имеются также в Центральных и Северных областях Украины.

Радикальную партию О. Ляшко до событий осени 2013 – начала 2014 гг. относили к радикальной чисто символически. Лидера партии и ее представителей в украинском обществе считали безудержными попуристами, скандалистами и мастерами радикальной

риторики. Они своеобразно в агрессивной форме пропагандировали идеи построения в Украине демократического правового государства, эффективной социально-ориентированной рыночной экономики, принципы открытого гражданского общества.

Во время событий на Майдане конца 2013 – начала 2014 гг. активисты Всеукраинского объединения «Свобода» приняли непосредственное участие в силовом противостоянии с сотрудниками правоохранительных органов, выявлении «provokatorov», изгнании с Майдана тех, кто выступал за мирный протест, в государственном перевороте в Украине в феврале 2014 г. После «победы» Майдана Всеукраинское объединение «Свобода» и Радикальная партия О. Ляшко, сформировавшая по результатам выборов в сентябре 2014 года собственную фракцию в Верховной Раде Украины VIII созыва, целенаправленно инициируют реализацию идеи украинского национализма во внутренней политике государства. Представители партий в официальных публичных выступлениях используют нацистскую риторику о «жидах, ляхах и москалях», требуют решительных действий по украинизации населения страны. Россию и русских они называют вечными онтологическими врагами украинцев, будущее которых в построении «соборной незаленной державы».

Следует отметить признаки радикализма в практической политической деятельности «Блока Петра Порошенко» являющегося, как и «Народный фронт», ведущей политической партией современной Украины, одной из основных политических сил страны. Эта партия, сформировавшаяся в августе 2014 г. перед выборами в Верховную Раду Украины VIII созыва в результате политико-идеологической и организационной трансформации партии «Солидарность», формально провозглашая демократические ценности, на деле привержена идеям создания унитарного соборного украинского государства, основанного на национализме. Депутаты партии, совместно с депутатами от других националистических партий и движений в Верховной Раде, приняли законы о признании членов «Организации украинских националистов» и «Украинской повстанческой партии» (ОУН-УПА) «борцами за независимость Украины» и предоставлении им прав на социальные льготы, об уравнивании коммунистического и нацистского режимов, запрещении их символики в Украине. Официальные киевские власти проводят в стране политику террора против своих политических оппонентов, используя современные информационные технологии оказывают психологическое давление на тех, кто не согласен с их действиями во внутренней и внешней политике.

Члены «Блока Петра Порошенко», занимая высшие посты в органах государственной власти Украины, развязали гражданскую войну в стране, саботируют в настоящее время выполнение минских договоренностей по урегулированию конфликта на Юго-Востоке Украины, проводят политику всемерного укрепления вооруженных сил государства как средства военного противоборства с

Россией и освобождения Крыма от российской «оккупации». Из числа активистов радикальных организаций в составе вооруженных сил Украины Министерством обороны сформировано специальное диверсионно-разведывательное подразделение, которое планируется использовать на Юго-Востоке Украины для совершения провокаций от имени российской армии, в «освободительном» наступлении на Крым. Приоритетами внешней политики «Блока Петра Порошенко» являются всемерное сближение с США, полноценное членство в Евросоюзе, вступление в НАТО.

Наряду с политическими партиями, ориентированными на идеологию и практику радикализма, в социально-политической жизни современной Украины действует и значительное количество других радикальных организаций и движений. Именно эти организации и движения, формы, способы и методы их действий в основном определяют публичный «градус» радикализма в современном украинском обществе. Среди отличившихся своей ультрадизидентностью и активно проявляющие себя в политическом пространстве Украины в настоящее время достаточно крупные организации такие как «Тризуб имени Степана Бандеры», Украинская национальная ассамблея (УНА), «Патриот Украины», Социал-национальная ассамблея (СНА), С-14, «Братство». Имеется также значительное количество мелких, не играющих самостоятельной роли группировок, объединенных в ультрадизидентные коалиции – «Белый молот», «Misanthropic division», «Нарния», «Викинги» и др. Социальную базу этих организаций и движений составляет в основном группировки молодежи, объединенные на основе различных молодежных субкультур.

Так, «Тризуб имени Степана Бандеры», организационно сформировавшийся и действующий на западе Украины, представляет собой наиболее массовую военизированную молодежную организацию радикально-националистического характера. Ее идеологические и политические установки основаны на идеях и программных политических целях Степана Бандеры и действующей в настоящее время в Украине бандеровской организации украинских националистов. Украинская национальная ассамблея, активно проявляющая себя, как и «Тризуб имени Степана Бандеры» в западных областях Украины, ориентируется на расистское учение основоположника идеологии украинского национализма Д. Донцова, частью которого является «белая идея» арийского происхождения украинцев, тезис о перерождении украинской нации в результате множества циклов ее пассионарности. Для Украинской национальной ассамблеи единой подходящей для Украины государственной формой является иерархически выстроенный Гетманат.

«Патриот Украины», действующий, в отличие от других основных украинских радикальных организаций и движений, преимущественно в Центральной, Восточной и Юго-Восточной частях Украины, стремится перехватить у традиционного ОУНовского Запада Украины «державостроительную инициативу». С

точки зрения, пропагандируемой идеологии, эту организацию можно назвать неонацистской, ее официальным символом, как и Социал-национальной ассамблеи является нацистский «волчий крюк». «Патриот Украины» проповедует принципы нациократии, «белый» расизм и в какой-то мере «древнеукраинское» дохристианское разноеверие, воинствующий антилиберализм, государственный тоталитаризм и политический вождизм, относит к числу главных врагов украинской нации Россию. Программной целью «Патриота Украины» является создание «национальной не залежной Украины», а в последующем под ее патронажем – Центрально-Европейской Конфедерации наций и в перспективе – в Евразии во главе с Украиной Конфедеративной сверхдержавы, с включением в ее состав и России.

К «Патриоту Украины» весьма близки по идеологическим и политическим установкам такие радикальные организации, движения и блоки как Социал-национальная ассамблея, С-14, «Братство», «Белый молот», «Misanthropic division». Их в полной мере с некоторыми оговорками можно также отнести к неонацистским, расистским и русофобским организациям и движениям.

Массовые радикальные организации и движения, несмотря на наличие у них, как и у политических партий, расхождений в идеологических, социально-политических установках и целях, оценках перспектив развития украинской государственности и даже перманентно возникающих между ними конфликтов, уже примерно 15–20 лет являются весьма заметной политической силой в Украине. Особенно возросла их активность в последнее время. Сформированный на Майдане, из числа боевиков ультраправых организаций и движений («Тризуб имени Степана Бандеры», Украинская национальная ассамблея, Социал-национальная ассамблея, С-14, «Братство», «Белый молот» и др.), «Правый сектор» стал основным силовым вооруженным формированием в процессе подготовки и совершения государственного переворота в ноябре 2013 – феврале 2014 г. в Украине [2]. Характеризуя действия главным образом «Правого сектора» при осуществлении государственного переворота в Украине В.В. Путин в Обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации в связи с присоединением Крыма к России отметил: «...в ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты» [3].

После государственного переворота ультрадизидентные организации и движения стали основным силовым ресурсом новой киевской власти, ее ударной силой. Их представители, не без одобрения и поддержки пришедшей к власти политической элиты, изгоняли глав местных администраций – представителей бывшей государственной власти, активно участвовали в их так называемой «мусорной» люстрации. Они оскверняют и сносят памятники и могилы советским воинам, павшим в борьбе с немец-

ко-фашистскими захватчиками, жертвам нацизма, памятники и символы советской власти, участвуют в разного рода акциях против несогласных с действиями новой власти, развязали против них политический террор, героизируют тех, кто сотрудничал с немцами в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг., принимал участие в их карательных операциях против мирного населения[4]. Из боевиков Майдана, представителей радикальных организаций и движений формировались добровольческие отряды, объединённые в Добровольческий украинский корпус «Правого сектора», которые совместно с национальной гвардией и Вооружёнными Силами Украины, принимали участие в войне с народом Донецкой и Луганской областей, выступающего против принудительной украинизации, за права русскоязычного населения, федеративное устройство страны.

Представители радикальных организаций и движений в органах государственной власти современной Украины на официальном уровне стремятся формально закрепить статус, идеологические и политические установки этих организаций и движений, обеспечить необходимые условия для их функционирования, реализации выдвигаемых идей и целей. Так, лидер «Правого сектора» Д. Ярош, депутат Верховной Рады и советник главнокомандующего Вооружёнными Силами Украины добивается официального оформления особого статуса Добровольческого украинского корпуса как самостоятельной силовой структуры государства, включения его боевиков в наиболее боеспособные части и соединения украинской армии как идейных нацистов. Он заявил, что в ранге советника Главнокомандующего Вооружёнными Силами Украины будет «искать возможности построения социальной защиты бойцов» Добровольческого корпуса[5].

Характеристика радикальных социально-политических сил как субъектов политического процесса в современной Украине, их идеологии, политических установок и целей, конкретных практических действий, влияния на внутреннюю и внешнюю политику украинского государства в 2013–2015 гг. свидетельствует, что современный украинский радикализм можно считать организационно, идейно и политически относительно оформленным, специфическим социально-политическим явлением. Он представляет собой крайне сложный феномен, порой не поддающийся формальному осмыслению и однозначной оценке на основе сложившихся в науке общепринятых подходов. Современный украинский радикализм с точки зрения социально-политического идеала, разновидностей и форм, используемых его силами средств, приемов и способов практических действий является довольно эклектичным, без явно выраженных контуров явлением. Политические силы современного украинского радикализма составляют разнородные социальные группы с несовпадающими и даже противоположными интересами и целями, а их идеологические и

политические установки не имеют четко артикулированного «профиля», не всегда явно отражаются в реальных практических действиях. Радикальные идеи и ценности, политические установки и цели сочетаются с либеральными и неолиберальными, а политическое поведение радикальных сил характеризуется как стихийностью, непоследовательностью и выраженной агрессивностью, так и перманентной трансформацией от умеренности к экстремизму и наоборот, подъемом и спадом активности.

Однако очевидно, что объединяющей идеологией всех радикальных сил в украинском обществе являются идеи украинского национализма, независимой самостоятельной Украины с прозападной ориентацией, построенной по этническому принципу, ксенофобия. Практически все радикальные силы в Украине считают своими врагами русских, а практической целью – ослабление и даже разрушение России. Для реализации своих идеологических и политических идей и целей они готовы применять ультрарадикальные методы и способы, вплоть до использования средств вооружённой борьбы, военной силы, сотрудничают, в ущерб национальным интересам, с наиболее гегемонистскими силами современного мира, реанимирующими рецидивы «холодной войны» прошлого столетия. В этом контексте радикализм в современной Украине правомерно оценивать, как правый и экстремистский [6].

Радикализм определяет состояние современного украинского общества, содержание и характер общественных явлений, процессов и событий в Украине и вокруг нее. Действия радикальных сил привели к дестабилизации экономики, социальной жизни, деградации духовно-нравственных идеалов, ценностей и традиций украинского народа, обнищанию большинства населения страны. Они представляют крайне деструктивный фактор угрожающий единству украинского государства, безопасности России и всей Европы, обостривший военно-политическую обстановку на европейском континенте. Противодействие и борьба с радикализмом со стороны здоровых сил украинского общества, объединёнными усилиями европейских народов и государств являются необходимыми условиями преодоления системного кризиса в Украине, стабилизации геополитической ситуации в сопредельных районах, нормализации государственных отношений в Европе и мире.

Литература

1. См.: *Кынев А.* Особенности системы политических партий в Украине: эволюция и перспективы. URL: <http://polit.ru/article/2002/10/11/473556/> (Дата обращения 13 апреля 2015 г.).
2. См.: *Бышок С., Кочетков А.* Евромайдан имени Степана Бандеры: от демократии к диктатуре. М.: Книжный мир, 2014.
3. Российская газета, 2014. 19 марта.
4. См.: Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине// URL: <http://>

www.kremlin.ru/media/events/tiles/41d4da83f8a-4el696e94.pdf. (Дата обращения 12 апреля 2015 г.).

5. См.: Российская газета. 2015. 7 апреля.

6. См.: *Лихачев В.* Правый экстремизм в Украине на подъеме. Ч. I, II // URL: <http://eajc.org/page18/news34105.html> (Дата обращения 20 апреля 2015 г.); URL: <http://eajc.org/page18/news34106.html> (Дата обращения 21 апреля 2015 г.); *Его же.* Место антисемитизма в идеологии и пропаганде Всеукраинского объединения «Свобода» // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры, 2013. № 1; *Никولين П., Лизер Ю.* Майдан Независимости, выход на правую сторону. URL: <http://rusplt.ru/world/Maidan-praviye-7765.html> (Дата обращения 27 апреля 2015 г.) и др.

References

1. See: *Kynev A.* Peculiarities of the system of political parties in Ukraine: evolution and prospects. URL: <http://polit.ru/article/2002/10/11/473556/> (accessed April 13, 2015).

2. See: *Byshok S., Kochetkov A.* Euromaidan behalf of Stepan Bandera: from democracy to dictatorship. M.: Book world, 2014.

3. Rossiyskaya Gazeta, 2014. March 19.

4. See: White book on violations of human rights and the rule of law on Ukraine // URL: <http://www.kremlin.ru/media/events/tiles/41d4da83f8a4el696e94.pdf>. (Accessed April 12, 2015).

5. See: Russian newspaper. 2015. On 7 April.

6. See: *Likhachev V.* Right-wing extremism in Ukraine on the rise. Part I and II // URL: <http://eajc.org/page18/news34105.html> (accessed April 20, 2015); URL: <http://eajc.org/page18/news34106.html> (accessed April 21, 2015). The place of anti-Semitism in the ideology and propaganda of the all-Ukrainian Union «Freedom» // Forum newest East European history and culture, 2013. No. 1; *Nikulin P., Lieser J.* Independence square, exit on the right side. URL: <http://rusplt.ru/world/Maidan-praviye-7765.html> (accessed April 27, 2015) and others.

УДК 316

ББК 60.5

УКРАИНСКИЙ РАДИКАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ И ТЕРРОРА

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГУДИМЕНКО,

старший научный сотрудник сектора мировой политики

ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук

E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье анализируются идеология и практика современного украинского радикального национализма, выделяются его наиболее характерные черты и проявления, в частности антироссийская направленность.

Ключевые слова: идеология, радикальный украинский национализм, русофобия, антисемитизм, война, террор.

Annotation. The article analyzes the ideology and practice of contemporary Ukrainian radical nationalism, highlighted its most characteristic features and manifestations, in particular anti-Russian orientation.

Keywords: ideology, radical Ukrainian nationalism, russophobia, anti-Semitism, war, terror.

Драматические процессы в Украине, развернувшиеся в 2014 г., заставляют пристально присмотреться к феномену украинского радикального национализма и его идеологии. То, что еще недавно вызывало у многих наблюдателей снисходительную улыбку или, по меньшей мере, недоумение, сегодня становится фактором реальной опасности. В 2014 г. в Украине произошел редкий в истории послевоенной Европы случай, когда националисты захватили всю полноту политической, информационной и военной власти в отдельно взятом

государстве и получили возможность «железной рукой» претворять свои идеи в жизнь.

Следует оговориться, что под украинским радикальным национализмом в статье подразумеваются не программные установки и политическая практика отдельных действующих в Украине партий и организаций, наподобие «Свободы» и «Правого сектора», а в целом идеология украинской обособленности и исключительности, которая подспудно вызревала со второй половины XIX в., ненадолго выходила из подполья

после Первой мировой и во время Второй мировой войны, неуклонно усиливала свои позиции в украинском обществе на всем протяжении постсоветского периода и, наконец, после государственного переворота 22 февраля 2014 г. в течение нескольких месяцев стала сначала идеологическим мейнстримом, а затем и вообще монополюющей идеологией, неприятие которой стало приравняться к государственной измене.

Украинский радикальный национализм во многих отношениях уникален. Он выделяется подчас параноидальным характером, безудержной агрессивностью и экстремизмом. И его идеология фактически стала в Украина государственной.

Необходимо отметить отличительную черту украинских радикальных националистов: у них одна «одна, но пламенная страсть» – ненависть к России. Ксенофобия, свойственная отдельным националистам практически всех стран и народов, у них носит явно односторонний характер. Можно с полной уверенностью утверждать, что становой хребет украинского радикального национализма – патологическая русофобия, зоологическая ненависть к России и всему русскому. Будет правильным сказать, что националисты не видят Украину не только в качестве дружественного России государства, но даже нейтрального. Добиваясь вступления Украины в структуры НАТО и Евросоюза, они рассчитывают сделать «развод» с Россией необратимым. Они стремятся сделать из Украины не просто Не-Россию, а Анти-Россию. Симптоматично, что в качестве национальных героев они превозносят таких одиозных деятелей, как Мазепа и Бандера, преклоняются перед УПА времен Второй мировой войны и ее кровавыми «подвигами». Показательными являются употребляемые националистами на массовых мероприятиях речевки: «Русского – на виселицу!» («Москаляку на гиляку!»), «Кто не скачет – тот москаль!» (т.е. русский). Яркими свидетельствами политической паранойи, охватившей деятелей этого направления, стали попытка ввести уголовную ответственность за употребление русского языка (лидер партии «Свобода» Олег Тягнибок, февраль 2014 г.) и сделанное 18 марта 2014 г. в частной беседе экс-премьером Юлией Тимошенко заявление о желательности ядерного удара по русским («кацапам»). Русофобия подавила даже имманентно присутствующий украинским националистам антисемитизм – так, они легко нашли общий язык с олигархом-евреем И. Коломойским, который профинансировал создание на базе националистических группировок нескольких батальонов «Национальной гвардии», благодаря чему они получили статус легальных военизированных формирований.

Следует отметить, что украинский национализм – вовсе не кабинетная идеология, разрабатываемая узким кругом политиков и теоретиков. Это идеология, ориентированная на практику «прямого действия», улично-активизма. Украинские радикальные националисты приняли непосредственное участие в «оранжевой революции» (22 ноября 2004 – январь 2005 г.) в событиях на «Евромайдане» (ноября 2013 – февраль 2014 г.). С помощью западных инструкторов они создали многочислен-

ные штурмовые отряды, боевики которых прошли подготовку в тренировочных лагерях на территории Польши и Литвы и, как выяснилось в ходе их противостояния с «Беркутом» зимой 2013/2014 г., вполне способные на равных бороться с силами правопорядка. После государственного переворота в феврале 2014 г., эти формирования стали украинским аналогом латиноамериканских «эскадронов смерти», которые осуществляют террор против инакомыслящих – избиения, похищения, пытки и публичные издевательства, видеозаписи чего выкладываются в Интернет.

Многие акции украинских радикальных националистов носят явно криминальный характер. Так, 14 июня 2014 г. они осуществили заранее спланированное и хорошо организованное нападение на посольство России в Киеве. Однако самым зловещим примером практической реализации идей украинского национализма стал одесский «холокост» 2 мая 2014 г., когда от рук боевиков погибло более шестидесяти активистов Антимайдана, многие из которых сгорели заживо. На этом фоне заталкивание неугодных лиц в мусорные контейнеры, обливание их зеленкой и посыпание мукой выглядят просто невинными шалостями.

Украинский радикальный национализм демонстрирует явные тоталитарные наклонности. Его носители, захватившие власть в стране, насильственно навязывают обществу свои взгляды, осуществляют репрессии против инакомыслящих. На президентских, а затем парламентских выборах 2014 г. к участию к ним практически не были допущены кандидаты из числа тех, кто не разделял националистическую идеологию, в результате чего представители оппозиционных националистическим организациям и движений сегодня исключены из политической жизни страны. 16 сентября 2014 г. украинский парламент (Верховная Рада) принял закон о люстрациях, после чего началась глобальная чистка государственного аппарата и силовых структур (под действие закона попало миллион человек). Стремясь к полной информационной монополии, украинские радикальные националисты запретили трансляцию российских телеканалов и де-факто ввели жесткую цензуру в украинских СМИ, которые стали инструментом «промыывания мозгов», антироссийской пропаганды воистину геббельсовского масштаба.

Как в свое время писал профессор К.С. Гаджиев, в тоталитарных системах «тщательно разработан образ целой социальной общности – чужаков, каких-то недочеловеков, ущербных по своей сущности, ... которых просто не жалко оскорблять, унижать и даже физически уничтожать» [1]. После начала военных действий в Донбассе украинские радикальные националисты, демонизируя противника, ввели в употребление для обозначения борцов Сопротивления наименования «ватники» и «колорады», а реальная практика, объявленной президентом Украины П. Порошенко «антитеррористической операции», неоднократно давала серьезные основания для заявлений о геноциде на Юго-Востоке Украины.

У украинских радикальных националистов значительный опыт участия в боевых действиях в различных

«горячих точках». Так, они участвовали в конфликте в Нагорном Карабахе (на стороне Азербайджана), в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. (на стороне Грузии), в войне в Югославии (на стороне Хорватии), в Первой Чеченской войне (на стороне самопровозглашенной «Ичкерии»), в грузино-российской войне 2008 г. (на стороне Грузии). С апреля–мая 2014 г. украинские националисты воюют на юго-востоке республики в составе батальонов «Донбасс», «Азов», «Айдар» и других.

Ориентированная на Россию ксенофобия органично сочетается у большинства украинских националистов с комплиментарностью и сервиллизмом по отношению к Западу (в том числе к США), со стремлением к интеграции Украины в НАТО и Евросоюз. Им свойственна манипулятивность, готовность и желание быть «цепным псом» Запада в борьбе с Россией.

При наличии многопартийности, когда на Украине существует несколько радикальных националистических партий и организаций, соперничество между ними идет за благосклонность зарубежных кураторов из американского Госдепа и бюрократических структур Евросоюза. Политические лидеры пытаются доказать, что именно они могут наиболее решительно бросить украинских солдат под русские танки и соревнуются в радикальности заявлений.

В нынешней ситуации сторонники идеологии украинского национализма, занимающие ключевые посты в системе государственной власти и руководстве силовых структур Украины, представляют собой реальную угрозу миру в Европе. Им недостаточно военных действий в Донбассе, они хотят использовать этот локальный конфликт в качестве повода для глобального столкновения России и НАТО, безрассудно полагая, что им самим удастся отсидеться за спинами иностранных рейнджеров или, в крайнем случае, успеть сесть в последний улетающий на запад самолет. При этом украинский народ, о благе которого они так любят рассуждать, в реальности представляет для них интерес лишь в качестве пушечного мяса, призванного погибать за их политико-идеологические фантазии.

Литература

1. Гаджиев К.С. Заметки о тоталитарном сознании // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1993. № 4. С. 25.

References

1. Gadzhiev K.S. Notes on the totalitarian consciousness // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science. 1993. No. 4. P. 25.

УДК 316
ББК 60.5

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РУНЕТА

АНТОН БОРИСОВИЧ МОИСЕЕВ,
старший преподаватель кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Характеризуются условия и факторы, выделяются особенности либеральной радикализации массового сознания в постиндустриальном обществе. Раскрывается роль Интернета в этом процессе.

Ключевые слова: постмодерн, постиндустриальное общество, массовое сознание, либеральная радикализация, неолиберальный дискурс.

Annotation. Characterised the conditions and factors, highlights features of the liberal radicalization of mass consciousness in the post-modern society. The role of the Internet in this process.

Keywords: postmodern, post-industrial society, mass consciousness, liberal radicalization, neoliberal discourse.

Феномен либеральной радикализации массового сознания в российском сегменте глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет может быть понят только в контексте общей идейной эволюции постсоветского пространства в течение последних двадцати лет. Чтобы понять, почему именно этот период избран в качестве условного временного эталона существования современного общества, необходимо вспомнить о так называемом «Законе времени», подробно рассмотренном в трудах исследовательской группы, именующей себя «Внутренним предиктором СССР» [1]. Согласно этому закону, эталонной частотой вступления в жизнь новых поколений людей на биологическом уровне является отрезок в 20–25 лет. Социальное время согласно этому же закону бежит несколько быстрее, поскольку периодичность обновления технологий в настоящий момент определяется периодом в 5–10 лет. В дальнейшем эта асинхронность между появлением новых технологий и способностью человечества к их разумному осмыслению в процессе своего естественного воспроизводства, безусловно, проявит себя. Однако, следует учитывать, что опережение темпов развития социального времени частоты обновления времени биологического в исторических масштабах произошло сравнительно не так уж и давно – на рубеже 60–70 гг. XX в., причем для того, чтобы этот разрыв стал ощутим так же потребовалось определенное время. В этом смысле первые качественные результаты последствий асинхронности социальной и биологической эволюции на постсоветском пространстве в массовых масштабах дали о себе знать только во второй половине 90-ых годов, поэтому 20 лет в данном случае – это как раз тот срок, основные тенденции, тренды и маркеры которого позволяют судить о нем как о периоде исторического бытия того социального образования, которое в данном случае именуется «современным постсоветским обществом».

Раскрывая базовые черты современного общества, Директор института региональных проблем Д.А. Журавлев отметил [2], что это общество, во-первых, потребительское, и во-вторых, информационное. Казалось бы, потребительская природа современного постсоветского общества уже сама по себе, посредством диалектики несовпадения возможностей и желаний, объясняет причину устойчиво фиксируемой исследователями в Рунете либеральной радикализации массового общественного сознания. Однако внимательное изучение информационного контента в социальных сетях порождает веское подозрение в том, что эта радикализация на самом деле не отражает действительные чаяния масс, а, напротив, искусственно формируется и направляется. Поэтому становится очевидным, что одной только потребительской мотивации для

объяснения тенденции к либеральной радикализации массового Интернет-сознания будет недостаточно.

Чтобы разобраться в происходящем, базисную характеристику современного постсоветского общества как общества потребления следует дополнить представлениями о постмодернизме и неолиберализме как двух принципиально важных феноменах, изучение которых позволяет понять природу ценностно-нормативной регуляции общественного сознания и социального поведения современного человека.

Постмодернизм является характеристикой того состояния развития общественного сознания, когда базовые общественные ценности размыты, десакрализованы и низведены до уровня гражданско-правовой ответственности за соблюдение ограниченного круга условных социальных приличий, истины нет, как нет и социальных доктрин, претендующих на владение ею, а во взглядах людей господствует калейдоскопический хаос, упорядочить который призвана все более усложняющаяся система образования, по своей структуре напоминающая масонскую иерархию посвящений, где каждый новый уровень прозрения становится доступным все меньшему числу неофитов, отбираемых не то, чтобы среди умных и способных, а из тех, кто достоин посвящения. Было бы бессмысленно в духе примитивной псевдомарксистской пропаганды утверждать, что личное трудолюбие и способности в данном случае не являются одним из критериев отбора. Являются, но наряду с целым рядом критериев совершенно иного свойства, которые так или иначе сводятся к наличию объективных возможностей заниматься своим образованием, так как по мере ускорения темпов социального времени процесс полноценной социализации в более высоких по своему положению статусных общностях становится все длиннее, а повременить со вступлением в полноценную социальную жизнь могут позволить себе только те, у кого стартовые возможности изначально лучше. Отсюда – распространенное представление, что хорошее образование является не столько плодом личных усилий обучаемых и искусства учителей, сколько, в первую очередь, дорого стоит.

Постмодернизм прекрасно коррелирует с другой вышеназванной характеристикой современного общества как общества информационного. Д.А. Журавлев, раскрывая особенности информационного общества, указывает на то, что в век господства, на первый взгляд, общедоступной информации по абсолютно любым вопросам, способным хоть как-то заинтересовать человека, потребность в социализации в качестве приобретателя и носителя знания уступает место наличию возможности потреблять, производить и распространять информацию [3]. Таким образом, ввиду чисто постмодернистской специфики современного обще-

ства с кажущимся отсутствием монополии на знание, смыслы, трактовки, комментарии и общепризнанные авторитеты производителем и распространителем информации формально может стать каждый, кто имеет возможность пользоваться персональным компьютером, вне зависимости от своего социального положения и степени компетентности. Однако, продолжает Д.А. Журавлев свою мысль далее, «человек не может совсем не иметь мировоззренческих ориентиров» [4]. Таким ориентиром становится для него само информационное поле, в рамках которого человек постмодерна теряет свою мнимую субъектность и становится заложником так называемого «Интернет-мнения», объективность и компетентность которого оценивается по количеству людей, которым данное сообщение понравилось [5].

Но Интернет-мнение, несмотря на свою анонимность, все же имеет авторов. И авторы эти совсем не похожи на рядового пользователя, плывущего в информационном потоке и зачастую некритически воспринимающего все, что он из этого потока получает [6].

Вся информация в Интернете очень четко подчинена принципу дискурса, и каким бы постмодернистским не позиционировало себя современное общество, всегда есть люди, которые этот дискурс формируют [7]. И именно на формирование этого слоя людей в конечном счете сориентирована столь сложно организованная система селекции человеческого материала в современной индустрии образования, о которой уже говорилось выше. В этом, собственно, и заключается весь фокус постмодернизма, внешняя хаотичность которого имеет внутреннюю четко выраженную организацию: какая бы свобода мнений, убеждений и мировоззрений формально бы не декларировалась в обществе, в реальности оно всегда делится на тех, кто владеет и управляет истиной, и тех, кто волей или неволей в той или иной степени эту истину транслирует.

Постмодернизм в общественном развитии пришел на смену модерну. Модерн, разрушивший традиционную религиозную картину мира, привел к замещению идеалистического сознания, основанного на вере, позитивистским скептицизмом, основанном на сциентизме и технократизме. Вершиной модерна стала порожденная западной социологической мыслью концепция постиндустриального общества, в котором на смену массовому производству материальных благ приходит удовлетворение индивидуальных потребностей и запросов конкретной личности. Подобный подход вроде бы напоминает известный марксистский принцип «От каждого – по способности, каждому – по потребности», однако, на самом деле он очень далек от гуманистической составляющей марксизма, если в данном случае уместно говорить о таковой.

Проблема состоит в том, что марксистская доктрина исходила из того, что в обществе будущего собственно материальные запросы людей станут гораздо скромнее. Это, конечно, не означает уравнивание в бед-

ности, как хотят представить дело противники коммунистической идеологии. Речь идет о том, что человек по мере своего развития сам осознает меру того, что ему необходимо, и будет способен к сознательному самоограничению там, где его эгоизм вступает в противоречие с требованиями разума.

Концепция постиндустриального общества, напротив, не ориентирована на снижение темпов материального потребления и уж явно несклонна популяризировать идеи самоограничения и обобществления. Напротив, потребление материальных благ должно расти и становится все более индивидуальным. На первый взгляд, подобный подход вступает в очевидное противоречие с темпами прироста населения Земли и научными оценками возможностей планеты удовлетворять потребности человечества в дальнейшем наращивании качества и количества потребляемых материальных благ. И вот здесь на помощь постиндустриальному проекту приходит идеология и практика современного неолиберализма.

В основе неолиберального проекта, как показывает практика, лежат следующие идеологические постулаты или, точнее говоря, абсолюты:

1. Абсолютное превосходство принципов, культуры и мировоззрения западной англо-саксонской цивилизации над всем остальным человечеством.
2. Абсолютное превосходство экономического над социальным, банковского над производственным, частного над государственным, эффективного над человеческим, меньшинства над большинством.
3. Социальный расизм (деление общества на избранных, элиту, эффективных менеджеров, собственников и т.п. и недочеловеков, быдло, ватников и т.п. по принципу абсолютного морального превосходства одних над другими).

Органичными дополнениями концепции постиндустриального общества в этом смысле являются концепция «золотого миллиарда» и теория «устойчивого развития» в ее атлантической трактовке. Все они по своей природе и целенаправленности являются проявлениями неолиберального мышления и служат только одной цели: сохранения прежнего все возрастающего уровня материального потребления для одних за счет фактического ограбления, а в идеале – целенаправленного физического истребления всех остальных.

Адептов неолиберальной доктрины не смущает ее откровенно циничная, человеконенавистническая, людоедская направленность, однако на постсоветском пространстве, в отличие от своих предшественников в эсэсовских мундирах, они предпочитают скрывать свои истинные намерения, маскируя их озабоченностью состоянием прав человека, беспокойством за эффективность функционирования демократических институтов, тревогой по поводу соблюдения прав всевозможных меньшинств, а также филантропическими проектами защиты окружающей среды, всевозможной помощи жертвам государственной несправедливости, развития и поддержки негосударственных независи-

мых СМИ, в том числе и в первую очередь функционирующих в сети Интернет.

Пропаганда неолиберального дискурса под видом практического утверждения базовых ценностей либерализма и вовлечение в эту пропаганду неопитов в России и других странах СНГ ведется по той же технологии, что и формирование в период, предшествовавший событиям Великой Французской революции, того социального слоя, которое профессор права и политических наук Реннского университета во Франции Ф. Бенетон назвал «сообществом мысли», и которому в последующих революционных событиях было предназначено сыграть решающую роль [8]. Как указывает Ф. Бенетон, характерной чертой истории Франции во второй половине XVIII в. стало возникновение множества масонских лож, члены которых объединялись без особой практической цели с единственной задачей способствовать развитию своей просвещенности. В противоположность социальным сообществам старого традиционного общества эти сообщества основывались не на общности интересов или социального положения, а на единстве идей. Все члены каждого такого сообщества формально были равны. Под сенью ложи или литературного клуба приказчик, чиновник, служащий обретал новую идентичность равного среди равных, обсуждающих общие вопросы политики, морали, земледелия и тому подобные вопросы вне связи со своими социальными интересами и профессиональной ответственностью. Так были сформированы сообщества мысли, в которых стремление каждого разума оказалось направлено на установление общего мнения, т.е. достижение такого состояния в отношениях между участниками обозначенных выше сообществ, которое Ф. Бенетон называет «социализацией мысли» [9].

Это «социализированное мнение», продолжает далее Ф. Бенетон, имело ту существенную особенность, что выступало в качестве господствующего и неоспоримого. Это был консенсус в том смысле, что если источником истины является общее мнение, то меньшинство может только примкнуть к нему, в противном случае несогласные должны уйти. Таким образом, делает Ф. Бенетон вывод, «истинное мнение – это то, что одобряется коллективной волей. Прочие мнения не только ложны, они незаконны. Диссиденты противятся расцвету истины, они могут быть лишь ее врагами. Единодушная вера в демократию приводит к тому, что противящиеся формированию единодушия подвергаются проклятию и исключению» [10].

Нечто подобное можно наблюдать ныне и в Рунете. При этом хозяева неолиберального дискурса в Сети направляют ход дискуссий таким образом, чтобы у их участников не возникало и тени сомнения в том, что постулаты, которыми собственно и маскируется неолиберализм (западный европейский цивилизационный выбор в противоположность восточной азиатской дикости, примат индивидуального над общественным, личного над государственным, антиисторичность советского, утопичность коммунистического, замше-

лость традиционного и т.п.) – это всего лишь флер, камуфляж истинных намерений их организаторов, обусловленный логикой развития неолиберального проекта на Западе, когда по мере нарастания проблем и противоречий поиски тех, за счет кого можно разрешить накопившиеся трудности становится все более лихорадочным. Постоянное обсуждение этих тем – это не более, чем способ прощупывания социальной базы нового Майдана, хотя внешне все выглядит более чем пристойно и объясняется беспокойством за судьбы Русского мира и конкретных населяющих его народов. Те, кто в ходе указанных дискуссий высказывают мнения в русле, определяемом дискурсом, получают одобрения своих действий другими пользователями самого разного социального статуса и ранга, что существенно повышает самооценку данных лиц вне зависимости от их реального статуса и уровня социализации, а те, кто позволяют себе в чем-то усомниться, подвергаются остракизму и даже блокировке. Хотя, правды ради, следует отметить, что в последнее время подобными инструментами научились пользоваться и противники неолибералов и их адептов в Сети.

Сам ход дискуссии, а также стремление отдельных ее участников набрать как можно больше «лайков», то есть получить одобрение своих действий со стороны Интернет-сообщества, порождают ситуацию, когда оценки делаются все резче, а рецепты решения той или иной проблемы – проще и революционнее, хотя суть обсуждаемого состоит по большей части в предложении заменить одних людей другими людьми и сопровождается филиппиками в адрес тех, кого надо устранить, и панегириками в адрес тех, кого надо возвеличить. Именно так было устроено медийное сопровождение в сети Киевского Майдана: «Банду геть!» и «Бандера [11] приде – порядок наведе!». Обсуждение сути нового порядка, его плюсов и минусов, последствий и издержек изначально не предполагалось. Революция святая и чиста по определению, она не может заменить плохое худшим.

Одновременно хозяевами неолиберального дискурса в Сети организуется противодействие попыткам появления действенных альтернатив. Посредством диверсионной работы «троллей», как именуют в Интернет-сообществах провокаторов и источники явно тенденциозной и фальсифицированной информации, целенаправленных информационных вбросов, а также используя факторы неуверенности в правоте своих утверждений одних оппонентов и идеологическую зашоренность других адепты информационного неолиберализма радикализуют лагерь противостоящих им идеологических сил, раскалывая его тем самым на враждующие между собой группы. На практике это выражается в том, что националисты и монархисты начинают ругать все советское, коммунисты не могут отличить зерна от плевел в антисоветском, патриоты натравливаются на государственников, националисты на державников и т.д. И только адепты неолиберализма, управляемые своими незримыми хозяевами, в

нужные моменты выступают единым фронтом вне зависимости от степени и характера своих внутренних разногласий.

Что мешает противопоставить радикализму неолибералов в Сети идеологию здравого смысла? Политический аналитик Виктор Милитарев так отвечает на этот вопрос в статье «Помешательство интеллигенции» [12]. «Большинство нашего народа ... не зря называют молчаливым. Оно безгласно. Прежде всего потому, что его голос в публичном пространстве практически не представлен. А если иногда этот голос и пробивается, то сразу забивается голосами «крикливых меньшинств». ...Но молчаливое большинство не только потому безгласно, что его взгляды в публичном пространстве вытеснены взглядами крикливых меньшинств. Молчаливое большинство еще и не склонно к публичному высказыванию своих мнений.

Более того. Несклонность молчаливого большинства к публичному высказыванию своих оценок связана отнюдь не только с социальными страхами, ... тут присутствуют еще два мотива. Во-первых, особого рода «застенчивость», то есть боязнь любой негативной оценки со стороны другого человека, приводящая к тому, что «лучше промолчать, чем услышать возражение». В результате, люди, мыслящие совершенно одинаково, либо в общении помалкивают и обходят острые вопросы, либо отделяются расхожими банальностями, в которые сами нисколько не верят. Во-вторых, молчаливость нашего большинства связана еще и с тем, что оно не уверено в собственной правоте. То есть люди испытывают какие-то чувства, но не уверены в том, что эти чувства правильные. И поэтому их очень легко сбить с их позиции любым напыщенным окриком».

Не отрицая имеющихся в современной России трудностей, следует все же подчеркнуть, что, как показали результаты киевского Майдана, либеральный радикализм – это всего лишь идеологическое прикрытие неолиберального проекта организации очередного Майдана, последствия реализации которого в России для всех народов Русского мира будут иметь фатальный характер.

Литература

1. См.: напр.: Мертвая вода / Сост. Е. Кузнецов. В 3-х ч. СПб.: ТО «Ступени», 1992. Ч. 1. С. 183–184.
2. См.: *Журавлев Д.А.* Постиндустриальное общество как среда зарождения и развития сетевого терроризма // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 74–75.
3. См.: *Журавлев Д.А.* Там же. С. 75.
4. *Журавлев Д.А.* Там же.
5. См.: *Кулик А.* Фейсбук вернул нас в Средневековье. Цит по Интернет // Доступно из URL: [https://](https://sites.google.com/site/kuliktexts/filosofskaa-publicistika/fejsbuk-vernul-nas-v-srednevekove)

sites.google.com/site/kuliktexts/filosofskaa-publicistika/fejsbuk-vernul-nas-v-srednevekove.

6. См.: *Журавлев Д.А.* Там же.

7. Израильский публицист Исраэль Шамир назвал это сообщество «Хозяевами дискурса». Этот же термин применительно к указанному сообществу будет употребляться далее и в данном выступлении.

8. См.: *Бенетон Ф.* Введение в политическую науку / Пер. с фр. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. С. 193–194.

9. См.: *Там же.* С. 194.

10. *Там же.* С. 195.

11. Данный пример носит чисто условный характер. Замена указанной харизматической фигуры любым реальным киевским политиком, принявшим активное участие в событиях на Майдане, только подчеркивает общее правило.

12. См.: *Милитарев В.* Помешательство интеллигенции. Цит по Интернет // Доступно из URL: http://politconservatism.ru/forecasts/pomeshatelstvo-intelligentsii/?ELEMENT_CODE=pomeshatelstvo-intelligentsii.

References

1. See: eg.: Dead water / Comp. E. Kuznetsov. In 3 parts. SPb: «Steps», 1992. Part 1. P. 183-184.
2. See: *Zhuravlev D.A.* Postindustrial society as the environment of the origin and development of the network of terrorism // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2014. No. 9. P. 74-75.
3. See: *Zhuravlev D.A.* *ibid.* P. 75.
4. *Zhuravlev D.A.* *ibid.*
5. See: *Kulik A.* Facebook brought us back in the middle Ages. Quoted on the Internet is // Available from URL: <https://sites.google.com/site/kuliktexts/filosofskaa-publicistika/fejsbuk-vernul-nas-v-srednevekove>.
6. See: *Zhuravlev D.A.* *ibid.*
7. Israeli journalist Israel Shamir has called this community «Masters of discourse». This is the same term as applied to the specified community will be used further in this presentation.
8. See: *Benetton F.* Introduction to political science, Transl. with FR. M: Palgrave Macmillan, 2002. P. 193-194.
9. See: *Ibid.* P. 194.
10. *Ibid.* P. 195.
11. This example is purely conditional. Replacement specified charismatic figures of any real Kiev politician who took an active part in the events on the Maidan, only emphasizes the General rule.
12. See: *Militarev V.* Insanity intelligentsia. Quoted on the Internet is // Available from URL: http://politconservatism.ru/forecasts/pomeshatelstvo-intelligentsii/?ELEMENT_CODE=pomeshatelstvo-intelligentsii.

УДК 37.034
ББК 74

МОРАЛИЗИРОВАНИЕ И МОРАЛЬНЫЙ ТЕРРОР КАК АНТИПОДЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЗАРНОВ,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
профессиональной этики и эстетической
культуры Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: pechkinru@yandex.ru*

*Научная специальность 13.00.08 – теория и методика
профессионального образования*

Рецензент: доктор философских наук, доцент И.А. Кушнаренко

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Процесс нравственного воспитания таит в себе немало трудностей. Огромная роль в данном процессе принадлежит ближайшему окружению воспитуемого. Истинным воспитателем может быть только тот человек, который сам вполне усвоил идеи и ценности высокой морали и по мере сил стремится воплощать их в жизнь. Автор раскрывает сущность негативных форм нравственного воспитания, таких как морализаторство и моральный террор.

Ключевые слова: нравственное воспитание, моральный террор, морализаторство, нравоучения, моральная демагогия, моральная оценка.

Annotation. The process of moral education is fraught with many difficulties. A huge role in this process belongs to the immediate environment nurtured. A true educator may be just the person, who is quite learned the ideas and values of good morals and as the forces seeking to bring them to life. The author reveals the essence of negative forms of moral education, such as moralizing and moral terror.

Keywords: moral education, moral terror, moralizing, preachy, moral rhetoric, moral assessment.

Люди, проходящие через одни и те же жизненные испытания, оказываются очень разными, различно думают и различно действуют. Причина этого не только в их врожденных индивидуальных особенностях, но и в том, что они получили разное воспитание, имели разных воспитателей. «Главная функция воспитателя – внедрение в сознание воспитанника определенного типа ценностей, ведущих ориентиров, способных регулировать и контролировать поведение изнутри, как бы из души самого человека» [1].

Первым воспитателем человека выступает его ближайшее окружение, прежде всего родители. Именно они обучают его человеческому способу реагирования, предметно-практическим действиям, речи, представлениям о добре и зле, должном и недолжном. Родители очень долго, иногда всю жизнь, остаются главными воспитателями для индивида и являются личностным критерием правильности его поступков: их одобрение и порицание могут иметь для человека огромное значение в любом возрасте. Воспитание ребенка родителями – далеко не всегда сознательный процесс. Оно происходит, прежде всего, через копирование, подражание, непосредственное усвоение ребенком родительского поведения и взглядов. То, что

исходит от родителей, воспринимается ребенком как единственно возможный способ действия и как норма. Ближайшее окружение, микрогруппа, в которой вырастает индивид, определяет его первичное отношение к действительности и другим людям, хотя впоследствии эти изначальные стереотипы могут быть критически пересмотрены.

Второй важный воспитатель подрастающего человека – это круг его друзей. Если родители пользуются преимущественным влиянием в первые семь лет жизни человека, то, начиная со школьного возраста, на первый план выдвигаются друзья, особенно старшие. В подростковом периоде «плохая» или «хорошая» компания имеет решающее слово в формировании личности [2]. Подростковый максимализм воздвигает стену между детьми и родителями, возникают секреты и тайны, которыми, как правило, не делятся со старшей родней, но ими можно и должно делиться с друзьями, получая их совет и поддержку, находя взаимное понимание. В этом смысле подростки воспитывают друг друга, хотя, конечно, нельзя сбросить со счетов влияние родителей, учителей и других взрослых. Товарищеский круг практически всегда имеет одного-двух лидеров, более старших, чем остальные. Установка

лидеров и определяет микроклимат в коллективе: микроклимат высокой морали, дружбы и справедливости или же конкуренции, единоборства и агрессии.

Нравственное воспитание не относится собственно к формам воспитания, так как не осуществляется строго в рамках какого-либо социального института, но, на наш взгляд, необходимо обсудить этот вид воспитания в силу его непреходящего значения и сложности одновременно. Существует буквальное понимание нравственное воспитание как обучения нравственности, что является не вполне адекватным: обучить нравственности нельзя; нравственное воспитание выражает потребность общества сознательно влиять на процесс, являющийся предельно индивидуализированным и в целом протекающий стихийно. Нравственное воспитание может приобретать крайние, негативные формы - морализаторство и моральный террор.

Моральная демагогия это понятие, применяющееся для обозначения такой позиции при вынесении моральной оценки или нравственного поучения, которые вызывают сомнение в их этической оправданности. О морализаторстве речь идет тогда, когда моральная оценка рассматривается не как простое расхождение в ценностных определениях, а как признание систематического искажения моральным проповедником нравственных принципов. «Недоверие к морализаторству связано, прежде всего, с ущемлением нравственной автономии индивида, а также с безапелляционностью суждений морального проповедника и подозрением его в ханжестве и, следовательно, в корысти. Морализаторство встречается в быту довольно часто и принимается за собственно нравственное воспитание, хотя в принципе является его противоположностью» [3].

Морализаторство или моральная демагогия, по сути, есть форма нравственного негодования по поводу безнравственных поступков других людей, выражающаяся в назойливой проповеди моральных норм и принципов, построенных на абстрактных идеалах и пожеланиях, без учета реальной ситуации. Эта проповедь может быть в виде нравоучения, нотации, назидания, упрека. Оно переоценивает добрую волю индивида, подменяет педагогические, экономико-хозяйственные и иные практические проблемы моральными, а решение последних связывает с назиданием, проповедью.

Другой противоположностью нравственного воспитания является так называемый моральный террор. Он есть, не что иное, как стремление навязать кому-либо определенные формы поведения. При этом нравственные предписания выступают как средства подавления и унижения личности. Моральный террор недооценивает добрую волю человека. Его суть – насильственное осчастливливание людей путём навязывания им через жёсткую регламентацию определённых внешних норм поведения, нравственная значимость которых сама по себе не вызывает сомнения. Нравственные предписания выступают в данном слу-

чае как скрытое средство для подавления и унижения личности.

Именно об этих двух антиподах нравственного воспитания идет речь в произведении Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» Главный герой повести Фома Фомич Опискин, будучи шутком, слугой отставного генерала Крохоткина, после его смерти становится главным человеком в доме Егора Ильича Ростанева, узурпировав моральное право оценивать нравственное поведение окружающих людей. Причем этический счет он выставляет «всем и каждому» только с целью «облагодетельствовать «этих всех», помочь им достичь счастья. Однако за благими намерениями морализатора принести всем пользу и счастье, наставить на путь истинный, он скрывает желание возвысить себя в глазах окружающих, показать себя человеком, который ничего не пожалеет ради блага других, и который послан в мир для спасения других [4].

Владелец богатого и благоустроенного поместья Степанчиково, бывший гусар, сорокалетний полковник в отставке Егор Ильич Ростанев, уступчивый и добрейший человек оказался не способным утвердить собственные независимость и интересы. Его стремление – мир в доме, ради которого он готов жертвовать собой. Убежденный в доброте и благородстве человеческой природы, он бесконечно оправдывает даже самые дурные, эгоистические поступки людей, не хочет верить в злые замыслы и побуждения. В итоге он оказывается жертвой моральной тирании своего приживальщика и собственной, выжившей из ума матери.

«Фома! – вскричал дядя в иступленном восторге, – ты виновник нашего счастья.

– Дети мои, дети моего сердца! – сказал Фома. – Живите, цветите и в минуты счастья вспоминайте когда-нибудь про бедного изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, может быть, мать добродетели. Это сказал, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у которого бывают иногда зернистые мысли. Изгнание есть несчастье! Скитальцем пойду я теперь по земле с моим посохом, и кто знает? может быть, через несчастья мои я стану еще добродетельнее! Эта мысль – единственное оставшееся мне утешение!

– Но... куда же ты уйдешь, Фома? – в испуге вскричал дядя. Все вздрогнули и устремились к Фоме.

– Но разве я могу оставаться в вашем доме после давешнего вашего поступка, полковник? – спросил Фома с необыкновенным достоинством.

Но ему не дали говорить: общие крики заглушили слова его. Его усадили в кресло; его упрасивали, его оплакивали, и уж не знаю, что еще с ним делали. Конечно, и в мыслях его не было выйти из «этого дома», так же как и давеча не было, как не было и вчера. Он знал, что теперь его набожно остановят, уцепятся за него, особенно когда он всех осчастливил, когда все в него снова уверовали, когда все готовы были носить его на руках и почитать это за честь и за счастье. Но, вероятно, давешнее, малодушное его возвращение,

когда он испугался грозы, несколько щекотало его амбицию и подстрекало его еще как-нибудь погеройствовать; а главное – предстоял такой соблазн поломаться; можно было так хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушению. Он и не противился; он вырывался от непускавших его; он требовал своего посоха, молил, чтоб отдали ему его свободу, чтоб отпустили его на все четыре стороны; что он в «этом доме» был обесчещен, избит; что он воротился для того, чтоб составить всеобщее счастье; что может ли он, наконец, оставаться в «доме неблагодарности и есть щи, хотя и сытые, но приправленные побоями»? Наконец он перестал вырываться. Его снова усадили в кресло; но красноречие его не прерывалось.

– Разве не обижали меня здесь? – кричал он, – разве не дразнили меня здесь языком? разве вы, вы сами, полковник, подобно невежественным детям мещан на городских улицах, не показывали мне ежечасно шиши и кукиши? Да, полковник! я стою за это сравнение, потому что если вы и не показывали мне их физически, то, всё равно, это были нравственные кукиши; а нравственные кукиши, в иных случаях, даже обиднее физических» [5].

Как видно из этого фрагмента повести, моральная назидательность и моральный террор является выражением фактической беспомощности или прикрытием безнравственности. К морализаторству чаще всего прибегают воспитатели по положению и тем охотнее, чем менее они являются воспитателями по своему существу. Морализаторство – один из источников лицемерия, социальной фальши.

Морализаторство представляет собой очень сложный духовный, этический и психологический феномен. Несмотря на существование исследований, посвященных этому вопросу, точная граница между оправданной моральной оценкой и непозволительной остается невыясненной. Однако несомненен факт, что полностью отказываться от моральных оценок нельзя. Велика их роль в формировании нравственного самосознания личности, в особенности личности тех людей, совесть которых не является надежным ориентиром их поведения. Не каждый человек в состоянии себя полностью контролировать, не каждый может заметить за собой, что он делает что-то, что может вызывать негодование, возмущение, ущемление прав других людей. Но при этом моральная оценка не должна разделять людей по нравственному критерию на «добрых» и «злых», разводя их по разные стороны баррикад, не должна быть основанием для применения насилия по отношению к тем, кто нарушает моральные запреты. Моральная оценка может быть лишь поводом

для размышления, но никак не ущемлением чести и достоинства личности, её оправдано выносить не с целью возвышения над другими людьми, а как лишь совет, наставление, носящее не абсолютный характер.

Для того чтобы избежать моральных нравоучений, считаем, что изучение этики не может проводиться на «ценностно-свободной» основе; эмпирическое изучение значения морали должно основываться на четких философских, психологических и собственно этических дефинициях. Профессиональная этика преподавателя требует призвания, преданности своей работе и чувства ответственности при исполнении своих обязанностей. Он никогда не должен терять чувства меры и самообладания, обязан избегать морализаторства, а это значит – не спешить осуждать и не требовать от других того, что сам соблюдать не в силах. Поэтому, в первую очередь он должен быть требователем к себе и не навязывать своей точки зрения по поводу моральных вопросов остальным людям, в том числе своим воспитанникам.

Литература

1. Щеглов А.В. Профессионально-нравственное воспитание как основа кадровой политики в МВД // Государственная служба и кадры. 2014 № 1. С. 172.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Этика: Учебное пособие. Ростов н/Д, 2013. С. 65.
3. Полякова М.В. Концепты теории воспитания: практ.-ориентир. Монография / М.В. Полякова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2010. С. 37.
4. Соина О.С. Моралист (опыт этической характеристики) // Человек. 1995. № 4.
5. Достоевский Ф.М. Скверный анекдот. Сборник. / Составление, вступ. Статья и комментарии В. Модестова. М.: Худож. лит., 2007. С. 422–423.

References

1. Shcheglov V.A. Vocational moral education as the basis of personnel policy in the Ministry of internal Affairs // Public service and shots. 2010. No. 1. P. 172.
2. Zolotukhina-Abolina E.V. Ethics: a Training manual. Rostov n/D, 2013. P. 65.
3. Polyakova M.V. Concepts of theory of education: a practical guide.-landmark. Monograph / M.V. Polyakov. Ekaterinburg: publishing house of the GOU VPO «ROS. state professional and pedagogic. University», 2010. P. 37.
4. Soina O.S. Moralism (the experience of the ethical characteristics) // Man. 1995. No. 4.
5. Dostoevsky F.M. Nasty joke. Collection. Compilation, introduction. Article and comments by V. Modestov. M.: Art. lit., 2007. P. 422–423.

УДК 343.32
ББК 67.308

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОГДАНОВ,

кандидат юридических наук,

доцент, доцент кафедры ОРД

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя;

ФЕДОР ЛЕОНИДОВИЧ ДОРОЖКО,

преподаватель кафедры конституционного

и муниципального права Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя;

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,

доктор юридических наук, профессор,

начальник кафедры конституционного

и муниципального права Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: evg.hazov@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.02 – конституционное право;

конституционный судебный процесс; муниципальное право,

12.00.14 – административное право; административный процесс,

12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная

деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оперативно-розыскной характеристики терроризма и экстремизма, как одна из угроз национальной безопасности России и всего мирового сообщества.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие терроризму, противодействие экстремизму, террористические организации, экстремистские организации.

Annotation. The article deals with the issues of operational-investigative characteristics of terrorism and extremism as a threat to the national security of Russia and the entire world community.

Keywords: terrorism, extremism, counter-terrorism, counter-extremism, terrorist organizations, extremist organizations.

Почти ежедневно поступают сообщения об устрашающих проявлениях экстремизма и терроризма, будь то смертельные теракты в аэропорту или метрополитене, взрывы, совершенные смертниками в Ираке и Афганистане, угрозы Исламской государства Ирака и Леванта в Интернете, проявления экстремизма на Украине или сообщения о предотвращенных терактах в России и по всей Европе.

Статья 29 Конституции Российской Федерации, гарантирует свободу мысли и слова, запрещает пропаганду и агитацию возбуждающую социальную, расовую национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства¹. Запрещается создание и деятельность общественных

объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13) Конституции Российской Федерации².

Первым примером международного закрепления дефиниции «экстремизм» стала Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. которая предусматривает, что терроризм, сепаратизм, и экстремизм, вне зависимости от их мотивов, не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответствен-

ности в соответствии с законом. В ней «экстремизм» расценивается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участия в них»³.

Экстремизм (лат. *extremus* – крайний) – ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели, достижение которых осуществляется в основном силовыми, а также нелегитимными и противоправными методами и средствами (напр., терроризм, разжигание религиозной, расовой ненависти, вооруженные выступления, партизанские войны и т.д.). Левый экстремизм обычно исходит из идей марксизма-ленинизма и других левых взглядов, критикуя капиталистический строй за подавление личности и эксплуатацию. Правый экстремизм выступает с позиций антикоммунизма, расизма, крайнего национализма либо клерикализма и т.д. Источник экстремизма как индикатора социального и политического неблагополучия – разнообразные кризисы. Ради достижения своих целей экстремисты обращаются к предрассудкам людей, сознательно подавляя в них рациональное сознание. Участники экстремистских группировок являют собой особый психологический тип индивида, склонного к самовозбуждению, к потере контроля над своим поведением, к иррациональным поступкам⁴.

В Федеральных законах Российской Федерации даны следующие понятия. В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии экстремистской деятельности»⁵, который вступил в силу 25 июля 2002 г. и связан с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» экстремистская деятельность (экстремизм) определяется как: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных

объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму»⁶. **Терроризм** – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Террористическая деятельность – организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

В Российской Федерации, как и в большинстве стран мира, общество обеспокоено ростом уровня экстремизма и терроризма, так как они представляют собой огромную опасность для всего человечества.

Угрозами для безопасности России являются международный криминал, незаконный оборот наркотиков, распространение оружия и боеприпасов, торговля людьми и незаконная миграция, расширение экстремистской и террористической активности.

В настоящее время экстремизм и терроризм превратились в одну из наиболее острых политико-правовых проблем Российского общества.

Экстремизм и терроризм – эти явления относятся к числу опаснейших, в чем нет никакого сомнения, если в первую очередь вспомнить, что мы живем в многонациональной и многоконфессиональной стране.

В последние годы экстремистские и террористические проявления превратились в одну из основных угроз безопасности многих государств.

Действительно, экстремизм и терроризм – явления многомерные. Их можно и нужно исследовать с различных точек зрения: исторической, социологической, политологической, психологической, криминологической, уголовно-правовой, оперативно-розыскной и т.д.

Преступления экстремистской и террористической направленности занимают все более заметное место в общей структуре преступности, становятся привычным явлением в жизни нашего общества, состоящего из множества социальных групп, разделяемых между собой как национальной либо расовой принадлежности, так и религиозными идеологическими предпочтениями.

Противодействие экстремистской и террористической деятельности, связанной с причинением существенного вреда общественным отношениям, обеспечивающим основы конституционного строя Российской Федерации, является важнейшим направлением в современной государственной политике противодействия преступности.

Впервые Россия столкнулась с массовыми террористическими проявлениями в предреволюционный период конца XIX в. – начала XX в. и по настоящее время мы вынуждены по-прежнему отражать террористическую агрессию, противодействовать террористическим и экстремистским проявлениям во всем их многообразии.

Малоэффективная миграционная политика регионов, высокий уровень безработицы, в том числе среди молодежи, резкая имущественная дифференциация различных национальных и социальных групп населения, как и прежде, являются причинами террористических и экстремистских проявлений на национальной и религиозной почве на всей территории России⁷.

Одной из важнейших обязанностей государства является обеспечение защиты личности от противоправных посягательств.

Ключевой задачей органов внутренних дел во всем мире остается противодействие терроризму и экстремизму⁸.

Экстремизм в России достаточно разнообразен – от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, очень часто прибегающих к террору.

Экстремистские преступления отличаются высокой латентностью, многие из них и сейчас, и раньше маскируются под вандализм, хулиганство или пре-

ступления против личности. Между тем, экстремизм в нашей стране стремительно эволюционировал и трансформировался в более опасную форму – организованную преступность⁹.

Экстремисты отравляют общество ядом воинствующего национализма, нетерпимости и агрессии. К чему это может привести, мы хорошо знаем на примере соседней страны – Украины¹⁰.

Общественная опасность экстремизма и терроризма представляет угрозу не только национальной безопасности России, ее конституционному строю, территориальной целостности, но и международной стабильности (ИГИЛ)¹¹.

Итак, деятельность экстремистской и террористической организаций, с юридической точки зрения, является незаконной в любом государстве. Международное сообщество осознало опасность терроризма и экстремизма и совершенствует законодательные меры по противодействию идеологии экстремизма и терроризма.

Националистические и религиозные конфликты разрушают страну изнутри, способствуют экономическому и политическому ослаблению, поэтому необходимо противодействовать экстремистам и террористам всех мастей, посягающих на целостность и стабильность государства, благополучие и спокойствие каждой российской семьи.

В настоящее время экстремизм и терроризм превратились в одну из серьезнейших проблем безопасности, с которыми человечество вошло в XXI в. Это проблемы всего мирового сообщества.

За последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских и террористических угроз. Но, конечно, важно понимать, что угрозы постоянно меняются и трансформируются, соответственно должна совершенствоваться и система обеспечения безопасности страны¹².

Вместе с тем, в последние годы большое развитие получают идеи национального самоутверждения. В первую очередь, это свойственно народам, населяющим Северо-Кавказский регион. Сами по себе эти идеи – естественное явление и не могут породить национальную вражду или ненависть, если они не перерастают в экстремизм и терроризм.

Наиболее сложным регионом в этой сфере по-прежнему остается Северо-Кавказский федеральный округ. Многие угрозы по-прежнему связаны с деятельностью экстремистских и террористических организаций в Северо-Кавказском регионе («Имарат Кавказ», «Таблиги Джамаат», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислам» и т.д.). Продолжается проникновение идей религиозного экстремизма по каналам получения образования в зарубежных исламских учебных заведениях (Саудовская Аравия, Египет, Кипр и др.).

Установлены многочисленные факты участия граждан России и стран СНГ в деятельности экстремистских и террористических организациях с использованием каналов незаконной миграции, торговли людьми.

Из года в год экстремизм и терроризм превращаются из инструмента достижения политических целей в орудие, с помощью которого мощные организации экстремистской и террористической направленности пытаются реализовать свои планы.

В настоящее время утверждена и разработана совместно с взаимодействующими правоохранительными ведомствами Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации¹³, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2020 г.¹⁴, в которой закреплены концептуальные подходы по реализации государственной политики в области противодействия экстремизму, определены источники угроз, обозначены цели, задачи и главные направления противодействия экстремизму и терроризму, а также механизмы и этапы реализации.

В связи с присоединением Крыма органам внутренних дел по Крымскому федеральному округу необходимо анализировать и прогнозировать развитие оперативной обстановки по линии противодействия экстремизму и терроризму. Особенно международная террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами».

Отдельного внимания требуют угрозы, связанные с «Хизб ут-Тахрир аль – Ислами» на территории Крымского федерального округа, деятельность этой организации до вхождения Крыма в состав Российской Федерации украинскими правоохранительными органами не преследовалась.

Определенное негативное влияние на экстремистские и террористические проявления оказывает ситуация на Юго-востоке и в целом складывающаяся на Украине.

Верховный Суд Российской Федерации запретил на территории России деятельность организаций «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), «Братство», «Тризуб им. Степана Бандеры», «Правый сектор», «Украинская повстанческая армия» (УПА), признав их экстремистскими, а также организаций «Джабхат Ан-Нусра», и «Исламское государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), признав их террористическими.

В соответствии с решениями судебных органов, в Российской Федерации запрещена деятельность 22 террористических и 42 экстремистских организаций¹⁵.

В 2014 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 1127 (+70,5%) преступлений террористического характера и 1024 (+14,3%) экстремистской направленности¹⁶.

Вызывает беспокойство процесс распространения во многих регионах Российской Федерации радикального ислама, вовлекая в них, прежде всего, мусульманскую молодежь. Необходимо проводить профилактическую работу, особенно в молодежной среде, а мы видим в социальных сетях открытую пропаганду вражды и ненависти.

Существует проблема в Республике Дегестан и Кабардино-Балкарской республике и во всем Северо-

Кавказском федеральном округе по пресечению деятельности бандформирований и их пособников, недопущению проведения экстремистами и террористами вооруженных акций и провокаций, направленных на обострение межнациональных отношений и дестабилизацию ситуации.

Органам внутренних дел необходимо устанавливать диалог с представителями национальных диаспор, общественных, этнокультурных, религиозных и молодежных организаций в урегулировании межнациональных и межконфессиональных конфликтов, усиливать оперативные позиции в этой среде.

В настоящее время в России необратимо развиваются и внедряются в повседневную общественную жизнь такие системы связи, как Интернет-связь. Нововведения, обеспечившие общение граждан, стали использоваться в преступной деятельности, в том числе связанной с экстремизмом и терроризмом, т.е. вербовка.

Продолжается мощное информационное воздействие на граждан со стороны международных структур и неправительственных организаций террористической и экстремистской направленности, пользующихся иностранной финансовой помощью и политической поддержкой, особенно в сети Интернет. Интернет играет особую, центральную роль в процессе радикализации. Поэтому важной задачей наших правоохранительных органов является обнаружение сайтов соответствующего содержания и его систематический анализ.

Проникновение экстремизма и терроризма в Интернет с большой долей вероятности позволяет прогнозировать, что его угроза с каждым годом будет возрастать.

Необходимо повышенное внимание по предупреждению и пресечению экстремистских и террористических проявлений в местах массового пребывания людей, на предприятиях по производству оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, в местах их хранения и т.д.

Следует отметить и то, что незаконный оборот наркотиков не просто обуславливает связь отдельных лиц с криминалитетом, но и фактически финансирует криминальный мир – денежные средства, полученные от продажи наркотиков, идут на финансирование терроризма и экстремизма, торговлю людьми, незаконную миграцию, закупку оружия.

Но нам всем должно быть ясно, что самой эффективной и результативной формой противодействия экстремизму и терроризму является не столько работа правоохранительных органов, сколько искоренение причин и условий, порождающих экстремизм и терроризм, – аспект, требующий не только внимания органов законодательной, исполнительной и судебной властей, но и усилий всего общества¹⁷.

Таким образом, предупреждение экстремизма и терроризма представляет собой сложную задачу, которую невозможно решить только

правоприменительной деятельностью одного органа государственной власти, следовательно, они должны быть объектами профилактического вмешательства со стороны всех органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных – в особенности.

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2015.

² Михайлов Б.П., Хазов Е.Н. Место и роль Конституции Российской Федерации в правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11.

³ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3 О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. СЗ РФ. 2003. 13 января. № 2, ст. 155. <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Учебно-методическое пособие / Волченков В.В., Богданов А.В., Ильинский И.И., Калинин В.Н., Китайгородский Е.А., Мартынюк В.М., Михайлов Б.П., Тюренков В.Н., Хазов Е.Н., Эриашвили Н.Д. / Московский университет МВД России, Закон и право, ЮНИТИ. М.: 2013.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии экстремистской деятельности». СЗ РФ. 2002. 29 июля. № 30, ст. 3031. <http://www.pravo.gov.ru>

⁶ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О противодействии терроризму». СЗ РФ. 2006. 13 марта. № 32, ст. 1146. <http://www.pravo.gov.ru>

⁷ Богданов А.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы незаконной миграции как один из видов организованной преступности в современной России Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2.; Богданов А.В., Хазов Е.Н. Незаконная миграция как одна из причин создания и деятельности организованной преступности на территории современной России Вестник

Московского университета МВД России. 2015 № 4 С. 176–180; Богданов А.В., Турбина О.В., Хазов Е.Н. Оперативно розыскная деятельность по противодействию в сфере незаконной миграции на территории Российской Федерации Вестник Московского университета МВД России. 2015 № 4. С. 176–180.

⁸ Организация и деятельность полиции (милиции) зарубежных государств: Учебник / Румянцев Н.В, Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В, Галузо В.Н., Егоров С.А, Миронов А.Л. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

⁹ Вайле С.П. К вопросу о противодействии экстремизму как форме организованной преступности // Оперативник (сыщик). 2015. № 2(43). С. 50.

¹⁰ Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». 2015. № 2. С. 2.

¹¹ ИГИЛ – Исламской государства Ирака и Леванта.

¹² Богданов А.В., Ильинский И.И. Предупреждение органами внутренних дел преступлений террористического характера // Актуальные проблемы противодействия терроризму: Мат-лы международной науч.-практ. конференции (20 октября 2011 г., г. Белгород). Белгород: Бел. ЮИ МВД России, 2011. С. 150.

¹³ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). Российская газета. № 198, 2009. 20 октября.

¹⁴ Приказ МВД РФ от 28 ноября 2014 г. № 2753. <http://www.pravo.gov.ru>

¹⁵ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности. <http://www.pravo.gov.ru>

¹⁶ Состояние преступности – январь-декабрь 2014 г. www.mvd.ru.

¹⁷ Мельник И.К., Кочукаев Н.К., Хазов К.Н. Ведение переговоров с преступниками с целью освобождения заложников в ходе проведения контртеррористических операций (исторический обзор) // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7.

Административная юстиция. Общая часть. Теория судебного административного права: Учебное пособие. Зеленцов А.Б. Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 399 стр.

Раскрыты основные теоретические положения, касающиеся административной юстиции как неотъемлемого элемента правового государства. Определены сфера ее действия, функции, организационные признаки, процессуальные формы и парадигмы. Выявлены сущность и содержание основных понятий и институтов административной юстиции как судебного административного права.

Представлена общая часть административной юстиции как судебного административного права, включающая базовые административно-правовые категории, юридические конструкции и принципы, которые раскрывают специфику провозглашенного в Конституции РФ административного судопроизводства как одной из форм осуществления судебной власти.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов, преподавателей и научных работников, судей, государственных служащих, а также всех интересующихся современными проблемами административного судопроизводства как института защиты субъективных прав и обеспечения законности в сфере публичного управления.

УДК 36
ББК 74

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

ВИОЛЕТТА ВЕНИДИКТОВНА ГОРОХОВА,

*доцент кафедры профессиональной этики и эстетической культуры
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

кандидат исторических наук

Научная специальность 07.00.02 – Отечественная история

E-mail: vetta72@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы формирования толерантного поведения и культуры межнационального общения у сотрудников полиции.

Ключевые слова: толерантность, культура межнационального общения, ксенофобия, интолерантность, религия, религиозная культура, национальные стереотипы.

Annotation. The article examines the main problems in the formation of tolerant behavior and culture of interethnic communication from officers.

Keywords: tolerance, culture of interethnic communication, xenophobia, intolerance, religion, religious culture, national stereotypes.

В Российской Федерации, с учетом изменения национальной и религиозной ситуации одной из первоочередных задач обозначены «мероприятия по формированию у молодого поколения общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма, гражданской ответственности, гордости за историю нашей страны» [3], которые заключаются «в воспитании культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России».

При формировании толерантности и культуры межнационального общения у сотрудника полиции необходимо помнить о том, что, фундаментом должно быть уважение Конституции Российской Федерации [2]. В соответствии со ст. 3 п. 1 Конституции Российской Федерации все граждане России обладают равными конституционными правами. В ст. 3 п. 1 Конституции РФ указывается на многонациональный характер российского народа, ст. 5. п. 3 указывает на равноправие народов Российской Федерации, ст. 6. п. 2 говорит о равенстве прав и обязанностей каждого гражданина Российской Федерации, в с. 13 п. 5 содержится запрет на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Федеральный Закон «О полиции» [4], показывает важность для полицейского соблюдения « принципа уважения к национальным обычаям и традициям

граждан, на необходимость учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, религиозных организаций, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию» (гл. 3, ст. 7).

Однако несмотря на действующие в России конституционные запреты, в ряде регионов растет социальная напряженность, которая проявляется в ксенофобии, ненависти и вражде, национальной и религиозной нетерпимости и становится острейшей проблемой, угрожающей основам российского государства. Исходя из выше перечисленного, при подготовке сотрудников полиции, важнейшей задачей является формирование навыков толерантного поведения и культуры межнационального общения.

Взаимодействие сотрудников полиции с гражданами, в ситуациях связанных с осуществлением прав на свободу вероисповедания или этнического самоопределения, всегда находится под пристальным вниманием СМИ. Представители СМИ не всегда способствуют нейтрализации конфликта, так как силу своих профессиональных интересов к рейтингу информации, способны придать национальную и религиозную окраску событиям, склонны усилить или умножить значимость этнического или конфессионального фактора в ситуациях, спокойно решаемых на основании гражданского или административного права. Данное обстоятельство требует формирования навыков – толерантного взаи-

модействия и умения переводить конфликтные ситуации (или ситуации, потенциально чреватые конфликтом) в правовое поле [8, с. 14].

От полицейского требуется, всегда соблюдать положения Всеобщей декларации прав человека (ст. 2): Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся, или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете [1]. Сотрудник полиции должен действовать, «не допуская дискриминации, унижения человеческого достоинства граждан» и одновременно понимать, важность грамотности его действий и поведения, от которых зависит нейтрализация потенциального конфликта, и общая гармонизация жизненной среды. Особенно важно компетентное поведение для рядового и сержантского состава полиции, поскольку именно они ежедневно и ежечасно контактируют с гражданами. При этом в каждом конкретном регионе и республике ситуация отличается своими особенностями, что требует от сотрудника полиции учета специфики. Необходимо учитывать важнейшую тенденцию в современном мире последних лет, что усиление этнического самосознания народов приводит к усугублению различий между этносами, населяющими Россию. Поэтому важно строить межэтническую коммуникацию с учетом знаний национальных и религиозных, культурных особенностей народов, поиске общих и характерных черт национального менталитета [3].

Термин «толерантность» применяется в тех ситуациях, когда чей-то образ чувств, мыслей или действий оценивается как отличный от привычного, вызывает опасения. Толерантность подразумевает возможность подвергать наказанию, но сознательно не делать этого. Данный термин применяется к ненасильственному поведению и употребляется в вопросах религии¹, культуры. В большинстве культур термин «толерантность» является синонимом «терпимости»: лат. – *tolerantia* – терпение. В русском языке аналогом слова «толерантность» является существительное терпимость, которое означает умение человека без вражды, миролюбиво относиться к чужому мнению, характеру и т.п. На сегодняшний день понятие толерантности как важнейшего качества психологически зрелой личности ставит необходимой задачу ее активного формирования и развития. Термин интолерантность (нетерпимость) используется для описания ситуаций проявления насилия, дискриминации, нарушения прав человека, нагнетания социальной нестабильности, стремления к

жесткому единообразию. В российском сознании не существует единства понимания термина, определения границ толерантности; при этом понимаются толерантные отношения и установки; толерантность как свойство личности, навыки толерантного поведения; толерантность – ценность прав человека (гражданско – правовая позиция). При формировании основ толерантности и культуры межнационального общения у сотрудников полиции важно знакомить с основными понятиями религии и особенностями других национальных культур. Изучение мировых религий и других культурных традиций способствует повышению уровня знаний, росту уважения к своей истории, культуре и традициям. Знание ключевых особенностей религии (прежде всего правовых и нравственных) необходимо, так как правовое сознание и общественная мораль формируются через восприятие населением права и закона в свете культуры, вероучений, идеологий, традиций, обычаев. При изложении основ знаний о религиозных и культурно – национальных традициях, необходимо руководствоваться положительным опытом; помочь разрушить сложившиеся стереотипы по вопросам религии, религиозных традиций и воспитания, это оказывает важнейшее значение в формировании толерантности [5, с. 253]. Толерантность в религиозной сфере (в сфере свободы совести и вероисповедания) – это уважение права другого лица на собственный мировоззренческий и религиозный выбор. Уважение не самой по себе религии или иной мировоззренческой системы, а права другого человека выбрать свою собственную точку зрения. Существует понятие противоположное толерантности. Это греческое слово «ксенофобия», где «ксено» означает «чужой», а «фобия» страх. Исследователи выделяют несколько видов ксенофобии: расовые и этнические фобии (этнофобии); религиозные; фобии по отношению к группам, отличающимися культурными, физическими, возрастными признаками.

Историческая обусловленность страхов, базируется на том, что выжить замкнутые группы могли только не общаясь с чужими, которые воспринимались как недруги, представляющие опасность. Одной из базовых особенностей человеческой природы и центральный механизм ксенофобии – разделение человеком мира на Мы и Они. Одним из компонентов ксенофобии – поведенческий, характеризуется идентичностью с себе подобными, своими ли признаваемыми, приводит к объединению, тождественности, общности, а с Другими – Чужими – к отделению, противопоставлению, конфронтации. Опасность ксенофобии заключается в том, что может послужить основой для формирования фашизма, шовинизма (шовинизм – крайняя, опасная форма национализма, выражающаяся в безудержном возвеличивании своей нации).

При подготовке сотрудников полиции необходимо формировать правильное понимание национальной гордости. Национальная гордость – это патриотическое чувство любви к своей Родине и народу, осознание

принадлежности к определенной нации, выражающиеся в понимании общности интересов, национальной культуры, языка, религии [6, с. 51]. В отличие от национализма, как идеологии, в основе которой лежит идея превосходства одних над другими. Для национализма характерна проповедь исключительности и превосходства, пренебрежительное отношение к другим нациям и народностям.

Для психологии человека свойственно испытывать симпатию ко всему тому, что на него похоже, что кажется «своим», и наоборот, испытывать антипатию, отторжение от всего того, что кажется чужим, незнакомым. Мы не говорим о тех случаях, когда ненависть сознательно и целенаправленно культивируются, речь идет только о зарождении неприязни к «чужим» на уровне массового сознания. Но всякую болезнь проще предупредить, чем лечить. Поэтому профилактика этих явлений, важнее, чем карательные меры. В обществе существуют стойкие негативные стереотипы относительно различных религий и национальностей. Национальные стереотипы – это особый вид социальных стереотипов, представляют собой стандартизированные, устойчивые ценностно и эмоционально окрашенные представления людей, которые формируются под влиянием определенных условий общественной жизни и деятельности, под воздействием культуры и языка [6, с. 82]. Всякие стереотипы рождаются от незнания и непонимания. Стереотипы закрепляются в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования в сознании людей тех или иных явлений или событий, многократного их воспроизводства в памяти. Стереотипы функционируют на основе спонтанного восприятия по принципу: «Нам говорят об окружающем мире до того, как мы его увидим и оценим» [8, с. 82]. Содержание этностереотипа часто зависит от психологических характеристик носителя, также от уровня его развития, интеллекта, образования, воспитания. Часто враждебность к национальным меньшинствам может быть связана с проявлением внутреннего невротизма человека, который проецирует свое внутреннее беспокойство вовне, на представителей других этнических общностей. Стереотипы выступают свидетельством о чувстве вражды или дружбы, а не являются объективным отражением характеристик того или иного народа. В процессе подготовки сотрудника полиции важно формировать положительные стереотипы по отношению к представителям других культур, так как возникающая при этом стереотипизация может создать неблагоприятную атмосферу с националистической окраской. Нельзя народы делить на добрые и злые и предписывать им различные ярлыки. Расул Гамзатов говорил, что в мире всего две нации: хорошие люди и плохие люди, а добро и зло носит общечеловеческий характер.

Поэтому самым эффективным способом воспитания толерантности в сфере межрелигиозных и межнациональных отношений является образование и просвещение, систематическое информирование,

знакомство с основами религиозной культуры и истории. При изучении религиозной культуры и истории необходимо делать акцент именно на том общем, что соединяет людей. Все мировые религии поддерживают базовые духовные и общечеловеческие ценности, но тем не менее, религия как наиболее массовая идеология в каждую историческую эпоху с большей или меньшей активностью использовалась и используется различными социально – политическими силами, в том числе экстремистской направленности, для реализации своих целей, весьма далеко выходящих за рамки религиозных [5, с. 254].

Как терпимость к культурным, этническим, религиозным, признание возможности равноправного существования другого толерантность является разновидностью отношений человека к человеку или общности людей, и потому это категория этики [9, с. 25]. В тех случаях когда речь идет о религиозной вере, социальных и культурных ценностях, необходимо признать, что бывает крайне сложно найти, методы оценки, с помощью которых, можно оценить какая из принятых моделей является наилучшей. По мнению ряда исследователей, толерантность, – это исключение претензии на единоличное обладание истиной, это признание за другим права на свободное существование и самовыражение. К показателям сформированности толерантности и культуры межнационального общения у сотрудника полиции относят: способность анализировать необходимую этнокультурную информацию; наличие индивидуально-творческого стиля общения; осознанность и принятие собственной этнической принадлежности; ценностным отношением к другому, наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной;

В заключении необходимо отметить, что основным компонентом профессионального поведения полицейского является строгое соблюдение принципа равенства граждан перед законом вне зависимости от их этнической, конфессиональной принадлежности, иных особенностей. При возникновении конфликтных ситуаций, в которых граждане демонстрируют этническую или конфессиональную сплоченность, в первую очередь, необходимо действовать, исходя из норм административного, гражданского или уголовного права, при этом демонстрируя навыки сформированного толерантного поведения и культуры межнационального общения.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.).
3. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) «О полиции».

5. *Горохова В.В.* Проблема религиозной безопасности в современной России // Вестник Московского университета МВД. 2013. № 8.

6. Этнопсихологические особенности в деятельности органов внутренних дел: Монография. М.: Московский университет МВД России, 2007.

7. *Щеглов А.В., Горохова В.В.* Религиоведение: Курс лекций. М.: Московский университет МВД России, 2013.

8. Петербургский полицейский. Основы толерантного поведения: Учебное пособие / В.А. Дмитриев, В.А. Кузнецов, С.М. Оленников, Л.В. Никифорова. СПб., 2011.

9. Профессиональная этика и служебный этикет: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015.

References

1. The universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly on 10 December 1948).

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12, 1993).

3. The decree of the President of the Russian Federation of 19 December 2012 № 1666 «On the strategy of state

national policy of the Russian Federation for the period till 2025». URL: <http://www.consultant.EN>.

4. Federal law of February 7, 2011 № 3-FZ (as amended on July 21, 2014) «On police».

5. *Gorokhova V.V.* Problem of religious security in modern Russia // Vestnik of Moscow University of the Ministry of internal Affairs. 2013. No. 8.

6. Ethno-psychological features of activity of internal Affairs bodies: Monograph. M.: Moscow University of the MIA of Russia, 2007.

7. *Shcheglov V.A., Gorokhova V.V.* Religious studies: a Course of lectures. M.: Moscow University of the MIA of Russia, 2013.

8. St. Petersburg police. Fundamentals of tolerant behavior: a manual / V.A. Dmitriev, V.A. Kuznetsov, S.M. of deer farms, L.V. Nikiforov. SPb., 2011.

9. Professional ethics and office etiquette: a Textbook for University students studying in the field of «Jurisprudence», «law Enforcement». M.: UNITY-DANA, law and the Law, 2015.

¹ Религия (от лат. religare – буквально «восстановление связи», от лат. religio – «святыня», набожность, благочестие). – одна из форм общественного сознания, особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и предписаний, объединение людей в организации.

УДК 36
ББК 74

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ

ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ КУШНАРЕНКО,

профессор кафедры профессиональной этики и эстетической культуры Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, доцент
Научная специальность 09.00.11 – социальная философия

E-mail: kushnarenko_igor@list.ru;

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЭРДНИЕВ,

начальник курса Международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук

Научная специальность 13.00.08 – теория и методика профессионального образования

E-mail: konfuci@inbox.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В работе ставится проблема разрешения противоречия между гуманистическим характером профессионально-этических требований к сотруднику органов внутренних дел России и антагонистическим содержанием радикально-либеральной модели реформирования российского общества и государства. Рассматривается роль служебного коллектива в

деле формирования нравственной культуры сотрудника органов правопорядка. Анализируются задачи субъектов воспитательного процесса в образовательных организациях МВД России на различных стадиях социализации личности курсантов.

Ключевые слова: профессионально-нравственные качества, служебный коллектив, либеральные ценности, социализация личности.

Annotation. The paper raises the problem of resolving the contradiction between the humanistic nature of professional and ethical requirements for employees of the Internal Affairs of Russia and antagonistic content of radical-liberal model of reform of Russian society and the state. Examines the role of the service staff in the formation of moral culture of law enforcement. Analyzes the problem of subjects of educational process in educational institutions Russian Interior Ministry at various stages of socialization of students.

Keywords: professional and moral quality, service staff, liberal values, socialization.

Современные условия взаимодействия государственных институтов с другими социальными субъектами диктуют необходимость повышения уровня нравственного сознания служащих правопорядка. В ряде философских и педагогических исследований ставится задача сформировать отвечающий требованиям времени перечень принципов профессионально-этического поведения.

Так, в работе Л. Хосмера и П.Н. Шихирева [1] выделяются десять аксиом профессионально-этического поведения, которые естественно трансформируются в нравственные ограничения повседневной деятельности сотрудника органов внутренних дел: (1) никогда не делай того, что может навредить твоему личному авторитету или нанести вред службе; (2) никогда не делай того, о чем нельзя было бы сказать, что это действительно честное, открытое и истинное; (3) никогда не делай того, что не есть добро, что не способствует формированию чувства товарищества и коллективизма, так как все действия служащего закона работают на высшую цель – призыв к добру и состраданию; (4) никогда не делай того, что нарушает закон, ибо в законе представлены минимальные моральные нормы общества; (5) никогда не делай того, что не ведет к большому благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь; (6) никогда не делай того, чего не можешь рекомендовать другим в схожей ситуации; (7) никогда не делай того, что может ущемить честь и достоинство окружающих; (8) всегда поступай так, чтобы приумножить авторитет и уважение к службе, ибо максимальное общественное доверие свидетельствует об эффективности профессиональной деятельности служащих правопорядка; (9) никогда не делай того, что препятствовало бы законному праву другого человека на законную самореализацию и саморазвитие; (10) помни о том, что высшая цель защиты правопорядка заключается в служении обществу и защите благополучия граждан и их законных интересов.

Основой профессионального поведения является профессиональная нравственная культура, представляющая собой характеристику личности человека с точки зрения ее целостного нравственного развития, сознания и поведения, а также совокупность нравственных качеств (черт), присущих людям определенного общества, класса, профессии, характеризующих уровень их нравственного сознания и поведения [2].

Нравственное сознание, в свою очередь, базируется на двух основных уровнях: теоретическом, к которому относятся этические взгляды, принципы, идеалы, нормы и нравственные потребности, и психологическом, который базируется на внутреннем восприятии объективной реальности путем осознания опыта социального взаимодействия. Теоретический уровень формируется посредством социального взаимодействия и своей основой имеет социальный опыт, выраженный в действиях.

Очевидно, что содержанием нравственной культуры и нравственного сознания личности вообще и личности сотрудника органов внутренних дел в частности, а равно и формой внутреннего и внешнего проявления духовной зрелости являются нравственные качества, под которыми понимаются целостные духовно-практические образования, проявляющиеся в различных сферах социального взаимодействия.

Профессионально-нравственные качества сотрудника органов внутренних дел проявляются в следующих измерениях служебного взаимодействия: горизонтального (с сослуживцами), вертикального (с подчиненными и руководителем), и внешнего (в отношениях с гражданами, физическими и юридическими лицами).

Рассмотрим взаимоотношения внутри коллектива сотрудников органов внутренних дел как одну из основ структуры служебного взаимодействия.

Служебный коллектив с точки зрения развития профессиональной нравственной культуры является первичной социальной ячейкой, в которой формируются нормы профессиональной морали, этические принципы службы. Коллектив как общественное явление, объективная конкретно-историческая форма объединения людей для решения экономических, социальных и воспитательных проблем, сложен, многообразен и многосторонен. Все субъекты коллектива органов внутренних дел связаны общностью интересов и целей, реализуемых в процессе служебной деятельности.

Происходящие в стране изменения, безусловно, влияют и на коллектив органов внутренних дел – меняется профессиональная деятельность, ее конкретное содержание, формы и методы организации, морально-психологический климат, внутренняя идеология. Но вместе с тем коллективу присущ ряд инвариантных системообразующих характеристик.

Для каждого отдельно взятого сотрудника коллектив ОВД – это обособленная специфическая среда со своими моральными нормами и ценностями. Но в тоже время он является активным субъектом социального взаимодействия, конечной целью которого выступает, с одной стороны, защита государственных институтов, с другой стороны – прав, свобод и законных интересов личности. Как любая профессиональная общность, такой коллектив выполняет две взаимосвязанные функции – экономическую и социальную.

В основе экономической функции лежит производство нематериального блага – состояние правовой и социальной защищенности личности. Если, разделяя позицию Кушнарченко И.А. и Щеглова А.В., считать органы внутренних дел субъектом рыночных отношений, задачей которых является предоставление достаточно специфических услуг [3], то динамика профессиональной нравственной культуры служителей закона становится более прозрачной и понятной.

Произошедшие в 90-х гг. прошлого столетия изменения в политическом устройстве страны привели к капитализации экономических отношений и к такому социальному феномену, как «дикий» рынок, с присущими ему особенностями первоначального накопления капитала. Для подобных отношений характерно господство закона силы, нормой поведения является произвол. Основной характерной чертой взаимоотношений является антагонизм в отношениях между социальными субъектами, безразличие к людям, бессердечие, отсутствие гуманности. Формируется тенденция извращения норм морали и отрицания гуманистических принципов взаимодействия. Образовавшийся в указанный период нравственный и идеологический вакуум до сих пор оказывает разрушительное влияние на морально-психологический климат коллектива сотрудников органов внутренних дел.

Либеральные ценности, основанные на эгоистическом законе хозяйственной деятельности, осваиваются в массовом сознании быстро, и требуют для своего воплощения куда меньших затрат нравственной и психической энергии, нежели принципы гуманизма, социальной солидарности и справедливости. Общество, успешно восприняв рыночные установки, тем не менее требует от правоохранительных органов следования нормам морали «советского» образца, как наиболее отвечающей исторически сложившимся в России патерналистским ожиданиям в государственных институтах. А в этой модели этики доминируют коллективизм, взаимовыручка, взаимопомощь, солидарное и бескорыстное поведение, уважение к интересам окружающих. Но в современных условиях, когда преобладают конкурентные, антагонистические отношения, такая форма моральности выглядит нежизнеспособной. С другой стороны, радикально-либеральная мораль, так легко завоевавшая умы россиян, в каноническом виде также не подходит коллективу органов внутренних дел. Причем за суетой гайдаровских реформ было как-то упущено из виду, что подлин-

ным фундаментом рыночных отношений является не столько формула «Мой Буцефал не выдержит двоих», сколько уважение интересов другого лица, признание его равным, диктатура закона. В свою очередь, для правоохранительной деятельности, основным предметом которой выступает человек, его здоровье, жизнь, судьба, достоинство, подобных установок явно недостаточно. Помимо диктатуры права в рамках любого политического режима, за исключением тоталитарного, от стражей правопорядка требуются сострадание, великодушие и сопереживание.

Сегодня по отношению к представителям профессии защитника правопорядка часто звучит фраза о нравственном падении. Но возникает справедливый вопрос о том, на какой «высоте» находился тот, кто упал? И, конечно же, необходимо определить объективный критерий уровня нравственного падения.

Современные педагогическая и психологическая науки утверждают, что человек, достигший подлинных нравственных высот, редко падает с них. Падение же сопровождается душевными муками и личность прилагает все усилия для того, чтобы вернуться к тем идеалам, которых она была лишена. Но если исходить из данных статистики, окажется, что ничего подобного с «падшими» не происходит. Современное общество построено на идеях эгоцентризма. Миром правят частные интересы, формируется идеологический культ частной собственности, процветает правовое и нравственное стимулирование личного обогащения.

Сложившаяся система ценностей не стыкуется со стандартом общественной нравственности, основанном на идеях гуманного отношения к себе подобным, и нормы социальной морали искажаются в сознании людей. В результате изменения институтов гражданского общества, вызванные реформированием всего общественно-политического уклада, привели к коррозии общественной морали.

Схемы социального взаимодействия в постсоветской России складывались под давлением моральных кодексов и норм, привнесенных из внешней ментально чуждой среды. Нормы общественного поведения, ограничения и запреты базировались не на личностных установках, а на принудительных квазиправовых воздействиях. Моральные качества и ценности, такие как патриотизм, гуманизм, трудолюбие, честность, коллективизм стали выступать как формальные установки, не имея внутренней духовной опоры. Индивидуальная нравственность и духовность подменялись заимствованными суррогатными шаблонами. Как следствие, был запущен процесс нравственного опустошения, утверждения общественного лицемерия.

Анализ советского исторического эксперимента приводит к выводу о том, что идея построения общества благоденствия через отождествление норм морали с нормами права оказалась утопичной. Поэтому очевидно, что проблема современной общественной нравственности коренится, в том числе, и в упущениях социалистической идеологии.

Современная теория воспитания не придает должного значения таким понятиям, как мораль, нравственные нормы, внутренняя нравственная свобода и ответственность, свобода морального выбора. Пренебрежение точными определениями понятий привело к искаженной трактовке реальных явлений. Так, нормы этикетного поведения, основанные преимущественно на профессиональном или классовом фундаменте и направленные на оформление социальных взаимодействий, отождествляются с нравственными идеалами и моральными ценностями, хотя имеют с ними принципиально разную природу.

Подчас упускается четкое представление о сути самого воспитания, характере процесса и конечном результате. Нравственное воспитание выступает как абсолют, вне возрастных и временных порогов, без формируемых навыков и привычек, значимых вкладов субъектов воспитания. Нравственность личности формируется стихийно, обесцеленно и самотечно.

В педагогической литературе выделяются обычно три стадии нравственного развития личности, напрямую связанные с процессом социализации [4]. Первая стадия характеризуется господством природных потребностей. Личность не рождается сразу нравственной, социальная среда не залает пока жестких ограничений. Стимулами поведения в этот период выступают бессознательно формирующиеся рефлекс, привычки, способы удовлетворения потребностей. Социально-правовые отношения в этот период развития определяются естественным эгоизмом. Сущностью данного этапа является постепенное накопление опыта социальных отношений, подготовки сознания к восприятию и усвоению норм, требований морали, переход от внеморальности в мир общественной морали.

Ослабление социальных связей, кризис идей целого поколения, экономическая нестабильность начала девяностых годов прошлого столетия привели к тому, что первичная стадия воспитания у современной молодежи была серьезно упущена. Педагогический опыт формирования общественной морали был отвергнут вместе с неудачами построения общества развитого социализма, в образовавшийся вакуум новые конструктивные идеи без сформированного базиса лечь не могли. Следствием упущений на первичной стадии воспитания этической культуры стало замедление в духовно-нравственном развитии значительной части представителей молодого поколения, что обрекло их на внутреннюю неволю, попадание в плен инстинктам, страстям, необузданным стремлениям удовлетворения первичных потребностей.

Следующая стадия социализации личности заключается в ее моральном воспитании, введении в систему норм общественной морали. Они поддерживаются силой общественного мнения, формируемого государством, партиями, школой, семьей, общественными организациями и неформальными объединениями, средствами массовой информации, учреждениями культуры и церковью.

Как при отсутствии, так и при наличии сформированного морального сознания духовно-нравственное просвещение необходимо дополнять четко отлаженной системой образа жизни, наполненной соблюдением элементарных правил, обычаев, традиций, режимом, распорядком, идеологическими требованиями, духовными и физическими упражнениями. Основным препятствием в деле морального воспитания современной молодежи является, на наш взгляд, падение престижа подлинной нравственности в глазах общественного мнения, аморальность устоявшихся субъектов общественных отношений, пропаганда насилия, пошлости, цинизма, культ силы.

Главное противоречие стадии вхождения личности в мир моральных ценностей и отношений состоит в том, что решающий момент социализации – осознание общественных моральных требований происходит на фоне конформизма подростков, подверженности их сознания влияниям коллективного бессознательного, незащищенности от манипулирования средствами массовой пропаганды и культуры. Это все противодействует практическому осмыслению подростками моральных норм, препятствует осуществлению действительной свободы выбора.

Процесс обучения в образовательных учреждениях МВД России приходится как раз на стык двух стадий социализации молодого поколения.

Первые две из них были рассмотрены выше, но для нас в большей степени примечательна третья как общая стадия социализации индивида, представляющая собой этап свободного интеллектуально-нравственного саморазвития. Педагогическая наука рассматривает данный этап как период, на котором личность способна духовно структурироваться на основе внутренне принятых общественно ценных идеалов и принципов. В ней (личности) утверждается собственное нравственное начало как высший закон повседневного поведения и деятельности. Человек становится принципиальной, критически мыслящей, ответственной, внутренне укрепленной личностью. Идея права встраивается в его нравственное сознание, воплощается в поведении, становится неотъемлемой частью личности. Сдерживающим началом развития в молодежи нравственности является аморальное социальное окружение, атмосфера анархии, преступности, культа развлечений. Осложняет этот процесс и формализованная система школьного воспитания, пораженная отчужденностью людей, духом меркантилизма, моральным лицемерием и религиозной эйфорией.

Тем более важным для нас оказывается начало третьей стадии социализации наших подопечных. Конечной целью нашей деятельности является придание фундаментального характера духовно-нравственной культуре сотрудника органов внутренних дел по окончании образовательного учреждения МВД России.

Юношеский возраст курсантов высших учебных заведений МВД России предоставляет исключительные возможности для пробуждения и интенсивного

созревания нравственной личности. Это пора исканий, проб и ошибок, жизненных выборов, планов и надежд, самопознание и самоопределение, утверждение идеалов. Нравственность развивается в той личности, в которой в результате внешнего социального воздействия или внутреннего духовного озарения интенсифицируются размышления о своем предназначении в мире, о добре и зле, о других людях и отношении к ним, об истине и лжи, о чуде природы и красоте, о человеческой свободе и ответственности. Этот период социализации идеально подходит для формирования необходимых профессионально-нравственных качеств будущего сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Хосмер Л., Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 288.
2. Профессиональная этика и служебный этикет. Учебник / Под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 194.

3. Щеглов А.В., Кушнарченко И.А. Нравственное содержание правоохранительной деятельности в свете концепции «нового государственного менеджмента» // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 3.

4. Лихачев Б.Т. Философия воспитания. М. 2010 С. 28.

References

1. Hosmer L., Chihirev P.N. Modern social psychology. M., 1999. P. 288.

2. Professional ethics and office etiquette. Textbook / Under the editorship of V.J. Kikot. M.: UNITY-DANA, law and the Law, 2011. P. 194.

3. Shcheglov A.V., Kushnarenko I.A. Moral content of law enforcement in light of the concept of «new public management» // Bulletin of Moscow University of the MIA of Russia. 2005. No. 3.

4. Likhachev B.T. Philosophy of education. M. 2010 P. 28.

УДК 33
ББК 65

МЕСТО БЮДЖЕТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В БЮДЖЕТЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

ИВАН АНДРЕЕВИЧ МОРОЗОВ,

аспирант кафедры «Финансов и экономического анализа»

Финансово-технологической академии (г. Королёв)

E-mail: john_morozov@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрен ряд муниципальных различий в Костромской области, как факторов затрудняющих процесс социально-экономического развития региона. Обозначены приоритетные направления бюджетной политики региона.

Ключевые слова: муниципальные различия, межбюджетные отношения, оптимизация бюджетного процесса.

Annotation. A number of municipal differences in the Kostroma region as factors impeding the process of socio-economic development of the region is considered. The priorities of fiscal policy of the region are marked.

Keywords: municipal differences, inter-budgetary relations, optimization of the budget process.

Костромская область – регион с ярко выраженной районной спецификой. Достаточно отметить, что в области по состоянию на 1 января 2015 г., согласно данным официальной статистики, было 179 муниципальных образований, в том числе: 24 муниципальных районов, 12 городских поселений и 137 сельских поселений.

Столь большое число муниципальных образований, с большим количеством отличающихся друг от

друга показателей – структурой, плотностью и численностью населения, физико-географическими условиями, уровнем экономического развития, отраслевым составом экономик, и многое другое, создает необходимость дифференцированного подхода к формированию стратегий и тактики управления развитием региона. А возрастающая роль регионального управления, свою очередь активизирует поиск современных

знаний, обеспечивающих познание глубины процессов, протекающих в границах конкретного региона. Кроме того особое внимание уделяется не только выявлению проблемных ситуаций, возникающих на конкретной территории, но и определение возможностей для преодоления найденных противоречий.

В качестве примера, следует отметить, что в Костромской области имеет место такое муниципальное различие как уровень инвестиционной привлекательности, оказывающий прямое и очень существенное влияние на социально-экономический потенциал любого муниципального района. Так объем инвестиций в основной капитал в муниципальных районах Костромской области в 2013 г. составил от 50 млн. руб. до 350 млн. руб.. Как правило, большему объему инвестиций соответствует более высокий показатель среднемесячной заработной платы в целом по муниципальному району.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов Костромской области в 2013 г. составили от 15% до 35% при среднем по области объеме безвозмездных поступлений в бюджеты муниципальных районов 73% от общего объема доходов. Что демонстрирует разные условия формирования бюджета муниципальных районов и одновременно доказывает, что межбюджетные трансферты, как правило, просто покрывают разрыв между доходами и расходами муниципальных бюджетов. Что неприемлемо.

Современные экономические расчеты и аналитические оценки определяют трудовые ресурсы как ключевую составляющую национального достояния любой страны, а, следовательно, одну из главных характеристик условий развития муниципальных образований, как и региона в целом. Во-первых, речь идет о миграционной убыли населения из-за оттока молодежи и наиболее квалифицированных кадров в областной центр и соседние регионы по причине отсутствия возможности получения высшего профессионального образования и низкой заработной платы. Данное обстоятельство отрицательно сказывается на перспективе социально-экономического развития каждого муниципального образования Костромской области. Во-вторых, в данной сфере серьезной проблемой продолжает оставаться высокий уровень смертности, и прежде всего смертности трудоспособного населения. Так подавляющее большинство муниципальных районов Костромской области подвержено естественной убыли населения, из-за систематического превышения смертности над рождаемостью. В 2013 г. уровень смертности в разрезе муниципальных районов Костромской области составил от 0,25 до 1,5%.

Условия социально-экономического развития муниципального района характеризуются не только качеством работы отраслей материального производства, но и степенью удовлетворенности во вспомогательном производстве. Приоритетной тенденцией современного общества является обеспечение всестороннего развития инфраструктуры, поскольку без нее невозможно ни экономическое, ни полноценное социальное

жизнеобеспечение стран, регионов и муниципальных районов. Определяющими в системе инфраструктур являются производственная и социальная инфраструктуры. От степени их развитости зависит общее состояние экономики региона, привлекательность инвестиционного климата региона. За последнее десятилетие в Костромской области наблюдался рост промышленного производства, в том числе лесопереработки, часть муниципальных районов достигли успехов в сфере агропромышленного комплекса, кроме того в некоторых районах области наблюдалось увеличение доли малого предпринимательства. В свою очередь за соответствующий период в регионе не было построено ни одного километра железных дорог, невысоки темпы строительства автомобильных дорог, есть муниципалитеты, где строительство автодорог не осуществлялось вовсе, некоторые районы испытывают дефицит электроэнергии, в дополнение к этому сохраняется высокий уровень износа основных фондов на предприятиях производственной инфраструктуры.

Таким образом, усиление муниципальных различий создает ряд проблем для органов власти региона: замедление экономического роста в условиях депрессивного региона, обусловленное необходимостью направлять часть ресурсов на выравнивание бюджетной обеспеченности, в место того, чтобы сконцентрировать усилия на развитии Костромской области; повышение социальной напряженности и увеличение опасности возникновения муниципальных кризисов и межрайонных конфликтов; затруднение проведения преобразований в рамках единой социально-экономической политики региона; ослабление целостности общества и государства.

В связи с этим на первый план выходит необходимость исследования внутрорегионального (муниципального) неравенства, определение его характерных особенностей и выявление позволяющих минимизировать региональные различия факторов.

Необходимо отметить, что только всесторонний учет всех социальных, экономических, природных, экологических, демографических, и иных особенностей муниципальных районов даст возможность органам власти региона разумно сочетать работу по подъему экономики с рациональным использованием имеющихся в области ресурсов.

Муниципальный район, городское или сельское поселение, как и субъект РФ в целом, представляют собой сложные социально-экономические системы, обладающие большим количеством причинно-следственных связей между параметрами, характеризующими состояние той или иной составляющей их подсистемы, результат действия которых не всегда очевиден при принятии решений. Поэтому для четкого понимания условий функционирования и определения направлений развития требуется комплексная диагностика внутрорегиональной (муниципальной) социально-экономической системы во всем многообразии ее элементов и связей между ними.

Одной из функций государственной власти является справедливое, рациональное соответствующее потребностям бюджета перераспределение средств, учитывающее тот факт, что бюджеты одного уровня могут отличаться как по доходам на душу населения, так и по другим взаимно сопоставимым параметрам.

Не смотря на то, что проблема межбюджетных отношений наиболее остро встает в наши дни, она имела место и в XX в.. Отечественные ученые исследовали вопрос экономического районирования, занимались выявлением факторов, влияющих на разделение труда, экономическое развитие районов, снижение транспортных расходов, совершенствованием методов планирования показателей. В частности над перераспределением государственных финансов между территориями Советского Союза работали ряд советских экономистов: Ю.Г. Саушкин, А.Г. Гранберг, М.К. Бандман, А.Е. Пробст [1].

А разработке принципиально новых подходов к бюджетному выравниванию способствовало коренное изменение системы формирования бюджетов России с 1992 г.. Основными направлениями исследований в данной сфере в этот период были:

- исследование опыта стран таких, как США, Германия, Канада, где система бюджетного федерализма признана наиболее эффективной и использование отдельных элементов построения системы взаимодействия между уровнями власти было применимо к российской практике [2];
- продолжение исследований начатых советскими учеными, рассматривающими возможность перехода от централизованного распределения средств в новую бюджетную систему, состоящую из трех наделенных собственными полномочиями бюджетов [3];
- исследования, связанные с анализом показателей развития субъектов РФ, предполагающие разработку методики распределения межбюджетных трансфертов.

На начальном этапе формирования новой бюджетной системы в 90-е годы научные исследования в области межбюджетных отношений, были направлены на оптимизацию доходов и разграничение полномочий между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ. А с началом реформирования в России муниципального уровня власти экономисты подошли к необходимости решения проблем межбюджетных отношений внутрирегионального уровня [4]. Таким образом, под межбюджетными отношениями регионального уровня понимаются экономические отношения между бюджетом субъекта РФ, городских и сельских поселений, бюджетами муниципальных районов и городских округов, по поводу разграничения доходных источников, распределения расходных полномочий и предоставления финансовой помощи. Кроме того, распределение межбюджетных трансфертов для выравнивания бюджетной обеспеченности имеют право только муниципальные районы в пользу расположенных на их территории поселений. Следовательно, можно вы-

делить основные составляющие элементы межбюджетных отношений:

- разграничение расходных обязательств между публичными образованиями;
- распределение и разграничение доходов между бюджетами бюджетной системы государства;
- межбюджетное перераспределение средств.

Органы государственной власти всех уровней, в том числе муниципальном планируют, управляют и контролируют государственные финансы. Любой бюджет состоит из доходов и расходов. Органы власти с целью мобилизации доходов в муниципальный бюджет кроме налогов, сборов, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений из вышестоящего бюджета в форме дотаций, субсидий или субвенций привлекают в бюджет благотворительные поступления, а также средства самообложения граждан – добровольные взносы физических лиц на конкретные цели, утвержденные решением референдума (схода граждан) [5].

Больше всего собственных доходов аккумулируется в бюджетах городских округов – доля собственных доходных источников здесь в 2014 г. составляет около 50%, муниципальные районы собирают 35% и наиболее финансово зависимыми являются бюджеты сельских поселений, доля собственных источников в которых составляет чуть более 14% [7].

Современное законодательство предусматривает достаточно широкий перечень расходных полномочий, возложенных на органы власти муниципальных образований. Но практика показывает, что муниципалитеты вынуждены прибегать к финансовой помощи из вышестоящих бюджетов, т.к. не в состоянии финансировать данные расходы за счет собственных источников [6].

На районы возложены обязанности по выравниванию бюджетной обеспеченности поселений, что в значительной мере сокращает их собственные финансовые ресурсы. Так больше всего межбюджетных трансфертов в 2014 г. было перечислено бюджетам муниципальных районов – 45,1%, что связано с недостаточной налоговой обеспеченностью.

В системе межбюджетных трансфертов наибольшую долю имеют дотации, причем 74,6% – дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, а 20,1% – дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов [13].

В бюджетной системе Российской Федерации межбюджетные трансферты должны основываться на:

- исключении ситуации, когда межбюджетные трансферты просто покрывают разрыв между доходами и расходами муниципальных бюджетов;
- привлечении представителей местных органов власти к разработке методики распределения межбюджетных трансфертов с учетом внутренней специфики муниципального образования. Что положительно отразится на вертикальных и горизонтальных выравниваниях бюджетов бюджетной системы в условиях резких колебаний бюджетной ситуации в регионах;

• минимизации издержек на сбор и обработку исходной информации для их применения.

Для формирования качественно и эффективно действующей структуры и систематизации механизмов управления, необходимо грамотно соединить все составляющие и подсистемы внутри неё, синхронизировать направление их изменения. Процесс изменения условий развития происходит на всех уровнях, с разным масштабом происходящих преобразований и скоростью.

Учитывая тот факт, что в последние годы достигнуты определенные результаты реформирования межбюджетных отношений (повысился уровень финансовой дисциплины в бюджетной сфере, осуществляется системная методологическая помощь субъектам РФ и муниципальным образованиям, доходные источники законодательно закреплены за бюджетами соответствующего уровня, создана законодательная база разграничения полномочий и др.), тем не менее, органам государственной власти стоит задуматься о том, что эффективность использования бюджетных средств при оптимизации бюджетного процесса во многом определяется достоверной и своевременной информацией, позволяющей отслеживать текущее состояние дел и принимать управленческие решения, что особенно актуально в условиях тяжелого финансово-экономического положения в стране. Искусство управления регионом состоит в выявлении внутренних возможностей развития, идентификации его индивидуальной программы. Дисбаланс темпов социально-экономических изменений заставляет переоценить значение существующих закономерностей развития и активно разрабатывать новую методологию управления развитием регионом. Традиционные научные подходы и модели демонстрируют недостаточную способность быстро отслеживать происходящие изменения и интерпретировать их смысл. А развитие инструментов управления государственными финансами создаст благоприятные условия для проектирования подходов к управлению муниципальными финансами делая, ставку на качество, результативность и эффективность. Что, вне всяких сомнений, положительно отразится на реализации финансовой стратегии, а также выполнения государством, субъектами и муниципальными образованияами своих задач и функций.

Литература

1. Саушкин Ю.Г. Комплексное развитие народного хозяйства СССР. М., 1966. 210 с.
2. Валентей С.Д. Федерализм. М: ИНФРА-М, 1997. 288 с.
3. Бандман М.К. Федеральная помощь депрессивным и остальным регионам России / М.К. Бандман, С.С. Гузнер, В.Е. Селиверстов // Федерализм и региональная политика: проблемы России и зарубежный опыт. Новосибирск, 1996. Вып. 3. С. 188–231.
4. Рожков Ю.В., Тишутина О.И. Современные проблемы развития бюджетного федерализма в РФ //

Проблемы современной экономики. 2007. № 3 (23).

5. Суглобов А.Е. Пути повышения инновационной активности экономических субъектов региона [Текст] // РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2011. №3. С. 94–98.

6. Суглобов А.Е. Сущность инновационной активности хозяйствующих субъектов в современных условиях экономического развития [Текст] // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8. С. 194–199.

7. Валентей С.Д., Нестеров Л.И. Накопление национального богатства на фоне мировых тенденций. М.: ИЭ РАН, 2000. 109 с.

8. Чеканов Е.В. Динамика оплаты труда наемных работников в контексте эволюции социально-трудовых отношений и социальной политики в России. Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 10–11. С. 66–71.

9. Общая экономическая теория (политэкономия): Учебник / Под ред. Видяпина В.И., Журавлевой Г.П. М.: ПРОМО-Медиа. 1995. 599 с.

10. Гагарина Г.Ю., Бельчук Е.В. Социально-экономический потенциал центральной России и особенности его региональной дифференциации // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2010. №4. С. 65–67.

11. Клисторин В.И. Пространственная экономика и региональные исследования: нерешенные задачи // Регион. 2007. № 1. С. 56–60.

12. Гутман Г.В. Управление региональной экономикой / Г.В. Гутман, А.А. Мироедов, С.Ф. Федин. М.: Финансы и статистика, 2002. 172 с.

13. <http://www.minfin.ru/ru/> [электронный ресурс]

14. <http://www.adm44.ru> [электронный ресурс]

15. <http://www.gradkostroma.ru> [электронный ресурс]

References

1. Saushkin Yu.G. Integrated development of the national economy of the USSR. M., 1966. 210 p.
2. Valentei S.D. Federalism. M: INFRA-M, 1997. 288 s.
3. Bandman M.K. Federal aid depressive and other regions of Russia / M.K. Bandman, S.S. Gutner, V.E. Seliverstov // Federalism and regional policy: problems of Russian and foreign experience. Novosibirsk, 1996. Vol. 3. P. 188-231.
4. Rozhkov Y.V., Tishutina O.I. Modern problems of development of budget federalism in Russia // Problems of modern economy. 2007. No. 3 (23).
5. Suglobov A.E. Ways of increase of innovative activity of economic entities of the region [Text] // RISK: Resources, information, supply, competition. 2011. No. 3. P. 94-98.
6. Suglobov A.E. Nature of innovative activity of economic entities in modern conditions of economic development [Text] // Vestnik of Moscow University of the MIA of Russia. 2013. No. 8. P. 194-199.

7. *Valentei S.D., Nesterov L.I.* Accumulation of national wealth against the background of global trends. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2000. 109 P.

8. *Chekanov E.V.* Dynamics of wage employees in the context of the evolution of socio-labour relations and social policy in Russia. The standard of living of the population of regions of Russia. 2009. No. 10-11. Pp. 66-71.

9. General economic theory (political economy): the Textbook / Under the editorship of Vitamina V.I., Zhuravleva G.P. M.: PROMOTIONAL Media. 1995. 599 S.

10. *Gagarin G.Y., Belchak E.V.* Socio-economic

potential of Central Russia and especially its regional differentiation // Bulletin of the Russian economic Academy n. a. G. V. Plekhanov. 2010. No. 4. P. 65-67.

11. *Klistorin V.I.* Spatial Economics and regional studies: challenges // Region. 2007. No. 1. P. 56-60.

12. *Gutman G.V.* Management of regional economy / G.V. Gutman, A.A. Bloodsuckers, S.F. Fedin. M.: Finance and statistics, 2002. 172 p.

13. <http://www.minfin.ru/ru/> [electronic resource]

14. <http://www.adm44.ru> [electronic resource]

15. <http://www.gradkostroma.ru> [electronic resource]

УДК 271.2(470+571) (091)

ББК П74

ВКЛАД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ РУССКИХ ВОИНОВ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПАШКОВ,

кандидат педагогических наук

Московского гуманитарного университета

Научная специальность 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

E-mail: v...pashkov@mail.ru

Научный консультант: заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы АНО ВПО

«Московский гуманитарный университет»,

доктор педагогических наук,

профессор В.А. Ситаров

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье говорится о жизни и подвигах великого князя Александра Невского. Рассматриваются традиции духовно-нравственного воспитания, которые сложились на время княжения Александра, и личное его участие в утверждении и развитии этих традиций. Показаны основные битвы, которые возглавлял князь Александр, а также взаимоотношения, сложившиеся между великим князем Александром Невским и татарским ханом Орды. Раскрыта духовная сторона жизни Александра, его участие в строительстве храмов и посещении богослужений.

Ключевые слова: традиции, князь, дружина, воспитание, обучение, битва, молитва, победа.

Annotation. The article speaks about the life and exploits of Alexander Nevsky. Discusses the tradition of spiritual and moral education that have developed during the reign of Alexander and his personal involvement in the approval and development of these traditions. It shows the main battle, which was led by Prince Alexander, and the relationships that have developed between the Grand Prince Alexander Nevsky and the Tatar Khan of the Horde. Disclosed the spiritual aspect of the life of Alexander, his participation in the construction of temples and attending worship services.

Keywords: tradition, Prince, squad, upbringing, training, battle, prayer, victory.

Связь великого князя Александра Невского с традициями духовно-нравственного воспитания русских воинов выражается в том, что он непосредственно участвовал в воспитании и обучении русских воинов, в духовном и нравственном их становлении, в подготовке к битвам для защиты Отечества. Эти традиции вы-

ражались в следующих формах: княжеский постриг; профессиональные качества воинов; возведение религиозных сооружений; воинская доблесть; войсковое товарищество; крещение ребенка; мужество и героизм, честь и достоинство; освящение воинов; посещения богослужений; посещение церквей и монастырей;

служение Отечеству; связь с Богом; святой образ жизни; молитвы к Богу; чтение Священного Писания и о жизни святых людей.

Жизнь святого благоверного князя Александра Невского является примером мужества, крепкой воли, самоотверженной любви к Богу, к Церкви, к Родине и своему народу. Он является победителем шведских и немецких воинов, которые задумали совершить крестовый поход на Русь для утверждения католической веры. Большой вклад великий князь Александр внес в строительство национального государства с городом Владимиром. Он всячески опекал города Великий Новгород и Псков и был защитником русского народа от монгольского нашествия.

Родился Александр Невский 30 мая 1220 г. в Переславле-Залесском в семье великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича III Большое Гнездо и княгини Ростиславы – Феодосии, дочери князя Мстислава Мстиславовича Удатного.

Когда исполнилось Александру пять лет, его вместе с братом Федором постригли в князья. Для совершения пострига был приглашен епископ Симон из города Владимира, которого считали мужем благочестивым и ученым. В соборе по этому поводу состоялась церковная служба. И когда юный князь сходил с амвона, то отец сказал: «Господи, Боже, милостивый, дай слугам Твоим, рабам Божиим Федору и Александру силу и мужество, а мечам их твердости на одоление врагов Креста Христова!» [3, с. 25]. Затем Федора и Александра посадили на боевых коней как настоящих князей. В честь такого праздника был устроен роскошный пир на княжеском дворе и многим людям раздавали подарки.

Таким образом, мы видим, что в то время была установлена традиция княжеского пострига и проведения торжества, по случаю такого мероприятия.

Далее с князьями Федором и Александром стал заниматься боярин Федор Данилович. Он читал им «Поучения детям» князя Киевского Владимира Мономаха. В этом поучении говорилось, что выйдя на войну, не надейтесь на воевод, не угождайте питью, ни еде, ни спанью; стражу сами расставляйте, и ночью, везде расставив караулы, около воинов ложитесь, а вставайте рано; да оружие не снимайте с себя второпях, не оглядевшись из-за лени. Куда ни пойдете по своим землям, не позволяйте ни своим, ни чужим отрокам пакости делать, ни в селах, ни в полях, чтобы не начали вас проклинать. А куда ни пойдете, где ни остановитесь, везде напоите и накормите просящего. Больше всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел – простой ли человек или посол – если не можете одарить его, то угостите едой и питьем. Эти люди, ходя по разным землям, прославят человека или добрым, или злым. Больного посетите, мертвого пойдите проводить, ведь все мы смертны. Не проходите мимо человека, не приветив его добрым словом... Что знаете хорошо, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь... [3, с. 26].

Вначале военное дело маленький Александр изучал теоретически по книгам «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Повести временных лет», влияние также оказали песни о богатырях и рассказы своего отца. Отрок Александр имел понятие о истории своего Отечества. Затем обучение начало осуществляться на практике, учился владеть мечом деревянным, а затем уже и железным. В то время по истории о князьях известно, что они уже в двенадцатилетнем возрасте умели уверенно обращаться боевыми мечами, этому юного князя обучали отцовские дружинники, которые имели огромный опыт в таком деле. Также его учили военному единоборству в случае потери меча. При потере меча воины не стремились убежать с поля боя, а вступали в рукопашную схватку, В обучение входило в стрельбе из лука. Верховая езда была одним из основных занятий для молодого князя. После верховой езды князя обучали владению копьем, щитом, палицей, ножом, боевым топориком и секирой.

Уже в 14 лет молодой князь Александр был крепким воином. Он был высокого роста, обладал большой физической силой и множеством способностей мужественного воина. Отец всегда учил сына тому, что князь – это правитель и профессиональный воин.

Все древнерусские князья лично участвовали в битвах, да еще в первых рядах своих дружин, часто вступали в поединки с предводителями противоположной стороны. От личного воинского мастерства во многом зависел авторитет князя, порой исход боя [3, с. 30].

Таким образом, видим, что оформились к этому времени традиции: участие князей в битвах, в первых рядах своих дружин; вступление в поединки с предводителями с другой стороны; авторитет князя.

Степенная книга царского родословия описывает Александра так: «Во время юности своей князь придерживался смиренномудрия, воздержания и соблюдал чистоту душевную и телесную, прилежал кротости, а тщеславия избегал, и весьма был верен воздержанию от пищи, так как знал, что угождение чреву мешает целомудрию и создает препятствие бедности и прочим добродетелям. На устах у него были только божественные слова, услаждавшие более, чем сотовый мед: ведь прочитал он Священное Писание и желал с усердием исполнить на деле его установления. Родственники видели, что он преуспевает в добродетелях, и всячески стремится угодить Богу, загорелся небесным желанием делать только хорошее и честное другим людям [3, с. 30].

Из данных слов мы видим, что князь поддерживает традиции, которые установились в его роду, а именно: чтение Священного Писания; связь с Богом; совершенство добродетелей [5, с. 306]; стремление к душевной и телесной чистоте; избегание тщеславия; воздержание от пищи; обуздание плоти; стремление к смиренномудрию и кротости [6, с. 138].

Когда Александру исполнилось шесть с половиной лет, отец его князь Ярослав переселился в Городище-

во. В Городищеве, в каменной Благовещенской церкви отслужили благодарственный молебен [3, с. 32].

Здесь мы видим, что русскими князьями поддерживается традиция служения благодарственных молебнов.

В то время Новгородская земля занимала большую территорию и славилась монастырями: Антония Римлянина, Хутынский, Зверин, Юрьев, Благовещенский и др. Монастыри в Новгороде имели казну, книги, иконы, архивы, утварь.

5 июня 1233 года умер старший брат Александра Федор, которому было всего 14 лет. Он скоропостижно скончался накануне своей свадьбы. Александр очень переживал утрату своего брата и друга. В XVII веке, после открытия мощей, Федор был причислен к лику местно чтимых святых.

Таким образом, мы видим установившуюся на Руси традицию возведения и освящения храмов.

В 1236 г. князь Ярослав Всеволодович отправился из Новгорода на военное княжение в Киев, а в Новгороде, собрав вече, посадил вместо себя своего сына Александра, которому было 16 лет. Обряд посажения на престол совершен был у стен святой Софии. Архиепископ Спиридон возложил руки на главу князя и вознес молитву Господу, чтобы Он благословил верного раба своего Александра, укрепил его семью свыше, утвердил его на престоле Правды, оградил оружием Святого Духа и показал его доблестным защитником соборной Церкви Святой Софии [3, с. 48].

Из данных действий мы можем выделить зарождение таких традиций, как посажение князей на престол; благословение архиепископа; молитва о добром княжеском служении.

О князе Александре шла молва в народе, что он обладал огромной силой голоса, был ростом высок, силен, мудр, кроток, храбр и мужественен.

К концу XII – началу XIII в. в степях Центральной Азии утвердилось единое Монгольское государство во главе с Темучином, которого называли Чингисханом (1189 г.). В войнах татары не щадили ни женщин, ни детей. В 1237 г. татары закончили завоевание Половецкой степи и теперь начали завоевывать Русь.

После взятия Владимира и Суздаля татары рассыпались по всей Владимиро-Суздальской земле и начали осаждать и брать штурмом города, грабя и избивая людей, сжигая города и села. Затем татары захватили город Переяславль.

Народ новгородский готовился к войне во главе с князем Александром, но Батый с войсками неожиданно остановился и повернул свои войска на юг.

Князь Александр женился в 1239 г. на дочери бывшего Полоцкого князя Брючислава Василькова в 19 лет. Венчание состоялось в храме Святого Георгия в Торопце. Венчал Александра с княгиней Александрой епископ смоленский Меркурий.

Так, имела успешное продолжение у русского народа традиция венчание, вступающих в семейную жизнь молодых людей.

Летом 1240 г. объединенный Левонский орден предпринял наступление на города Изборск и Псков. Александр вошел в Церковь Святой Софии, и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со словами: «Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы! Суди, Господи, обидающим меня и побори борющихся со мной, возьми щит, восстань на помощь мне» [3, с. 70].

Таким образом, существовала традиция возношения молитв к Богу о даровании русским воинам победы над врагами Отечества.

Утром 15 июля 1240 г., в день памяти святого Владимира, Крестителя Руси, русские войска неожиданно обрушились на шведов.

Битва началась атакой конных воинов во главе с князем Александром. Он пробился к центру лагеря и сразился с самим предводителем шведов, ярлом Ульфом Фаси, которого тяжело ранил копьем в щеку [3, с. 71]. К вечеру бой успешно закончился. Невская битва стала примером общенародного подвига, а ее герой, прозванный Невским, стал символом Руси – России на века.

В то время готовился поход крестоносцев на Псков. 15 августа 1240 г. был взят ими город Изборск. Князь Александр перед битвой с крестоносцами снова молился: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с немцами и помоги мне, Боже, как Ты помог в древние времена Моисею победить Амалика, и прадеду моему Ярославу помог победить окаянного Святополка». Затем подошел к дружине своей и по всему войску произнес речь: «Умрем за Святую Софию и вольный Новгород! Умрем за Святую Троицу и вольный Псков! Зане у русских нет судьбы иной, чем защищать свою землю Русскую, православную веру христианскую!» [3, с. 78].

5 апреля 1240 г. произошла битва на Чудском озере, которая была чудесным образом завершена победой русских воинов. Так был остановлен натиск немцев против славян и прибалтийских народов.

Летом 1251 г. умерла жена Александра Невского княгиня Александра.

В конце 1252 г. во Владимир приехали послы от римского папы Иннокентия IV – два кардинала, Галд и Гемонт. Они привезли послание, в котором говорилось о предложении принятия князем Александром веру святой Римской католической церкви, якобы для душевного спокойствия и мира. Князь Александр, посоветовавшись со своими боярами, дал ответ следующего содержания: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешении народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от Давида да начала царствования Соломона, от Соломона до Августа-кесаря, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до

царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого – обо всем хорошо знаем, а от вас учения не приемлем» [3, с. 133].

Такой ответ укрепил авторитет князя Александра среди народа. Этот ответ означал сохранение православной веры.

Царь участвовал в более 20 сражениях и везде он был непобедим.

По отношению к татарам князь вел уже совершенно другую политику. Князь Александр понимал их силу, обстановку среди удельных князей и проявил покорность хану, считая это единственным выходом спасти Русскую землю, поэтому он ездил в Большую Орду с богатыми подарками [2, с. 45].

В 1261 г. князю Александру удалось устроить в Орде Православную епархию в самой столице – Сарае, что явилось великим утешением для многочисленных русских пленников [1 с. 242]. Князь любил повторять пословицу: «Худой мир лучше доброй ссоры» [3, с. 134].

Пять поездок было у князя Александра в Орду. Последняя поездка состоялась в 1262–1263 г., когда великому князю удается спасти русский народ от беды.

Князь Александр при посещении хана Батые поклонился ему и сказал: «Царь, тебе поклоняюсь, понеже Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняются, та бо человека ради сотворена бысть, но поклоняются единому Богу, Ему же служу и чту» [3, с. 114].

В последний раз приехал он в Сарай-Берке осенью 1263 г., чтобы отвести русских людей от беды. Пришлось князю Александру отдавать богатые дары хану и бекам. Когда он зимовал в Татарех, то заболел. До дома он не доехал, умер в Федоровском монастыре в Городце на Волге 14 ноября 1263 г., приняв перед смертью великий постриг – схиму – под именем Алексия. Погребение состоялось 23 ноября во Владимире, в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Рождественском Богородском мужском монастыре. Великий полководец Александр Невский причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

Великий полководец Александр Невский имел множество добродетелей. Он любил жить в мире, ценил свободу и поступал справедливо. В нем было прекрасное сочетание человеческого и ангельского по-

добия. Великий князь Александр Невский внес огромный вклад в утверждение и развитие традиций духовно-нравственного воспитания русских воинов: жить по заповедям [7, с. 4]; трудиться до пота; всего себя отдавать служению Русской земле; учиться военному делу; беречь подданных своих; заботиться о своих делах и др.

Литература

1. Анищенков В. Русские святые воины. Жития. М.: Держава. 2000.
2. Арефьева Л.И. Иллюстрированная хронология истории Российского государства. М.: Планета. 1990.
3. Бегунов Ю.К. Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия. 2003.
4. Каргалов В.В. Исторические портреты: Святослав, Дмитрий Донской, Михаил Скопин-Шуйский и др. М.: Астрель. 2004.
5. Романюк Л.В. Гуманистическая педагогика // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 304–307.
6. Ситаров В.А. Насилие и ненасилие // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1 С. 135–139.
7. Ситаров В.А. Проблемы реализации заповеди «Возлюби ближнего как самого себя // Педагогика. Общество. Право. 2012. № 3 (3). С. 4–10.

References

1. Anishenko V. Century Russian saints. Life. M.: Power. 2000.
2. Arefeva L.I. Illustrated chronology of the history of the Russian state. Moscow: Planeta. 1990.
3. Begunov Y.K. Alexander Nevsky: the Life and deeds of the Holy and right-believing Grand Prince. M.: Young guard. 2003.
4. Karganov V.V. Historical portraits: Svyatoslav, Dmitry Donskoy, Mikhail Skopin-Shuisky, etc. M.: Astrel. 2004.
5. Romaniuk L.V. Humanistic pedagogics // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 2. P. 304–307.
6. Sitarov V.A. Violence and nonviolence // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. No. 1 Pp. 135–139.
7. Sitarov V.A. Problems of realization of the commandment «Love thy neighbor as thyself // Pedagogy. Society. Right. 2012. No. 3 (3). P. 4–10.

УДК 36
ББК 87.7

ДОВЕРИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

ГАЛИНА МАТВЕЕВНА РЕУЦКАЯ,

старший преподаватель кафедры

профессиональной этики и эстетической культуры

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 13.00.08 – теория и методика профессионального образования

E-mail: reytskaya@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Автор рассматривает истоки понятия доверия, формирование этой категории, показывает ее в развитии через другие категории профессиональной этики. На основании этого делается вывод, что кодексы профессиональной этики являются основой для формирования морального облика сотрудника ОВД и доверия к правоохранительным органам.

Ключевые слова: доверие, профессиональная этика, кодекс.

Annotation. The author examines the origins of the concept of trust, the formation of this category, shows how it is revealed through other categories of professional ethics. On this basis it is concluded that codes of professional ethics are the basis for the formation of the moral character of the employee ATS and confidence in law enforcement.

Keywords: trust, professional ethics, code.

На рубеже XX–XXI вв. человеческое общество вошло в эру новой современности. Среди главных отличительных особенностей отмечают следующее:

- требование доверия к государственным структурам, техническим и организационным системам высокого уровня сложности.
- новые размеры формы и риска в ходе цивилизационных и технологических изменений.
- непрозрачность, нестабильность и хаотичность социальной жизни.

Прогрессирующая экономическая, политическая и культурная глобализация, которая является важной и весомой особенностью определяет типичные позиции, которые люди занимают перед лицом усилившегося риска и нестабильности:

- прагматическое понятие жизни такой, как она есть, вытеснение из сознания мыслей о грозящих опасностях («мне по горло хватает своих проблем»).
- последовательный оптимизм и вера в то, что в силу счастливо сложившихся обстоятельств, доминирования здравого смысла, опасности и нестабильности рассеются («всегда найдется какой-нибудь выход»).
- циничный пессимизм, в силу которого люди заранее соглашаются с неотвратимостью угрозы и спешат насладиться жизнью, жить сегодняшним днем («раз и так всем нам предстоит погибнуть, то, по крайней мере, пока живем, возьмем от жизни все, что можно, все ее радости»).
- радикальная борьба с источниками грозящих бед посредством мобилизации общественного мнения,

формирования социальных движений, организации пропагандистских кампаний («все вместе, общими усилиями мы можем отвести эту беду, противостоять этим угрозам»).

В этих условиях современности проблема доверия к правоохранительным органам еще более указывает на особую роль человека – сотрудника ОВД, исполняющего соответствующие функции. Сотрудник ОВД начинается с курсанта и даже раньше, с выбора профессии, а значит обсуждаемая тема тесно связана с вхождением в профессию, овладением ее основами и осмыслением себя в этой профессии.

И поэтому необходимо обратиться к пониманию сущности доверия, поскольку усвоение основополагающих понятий формирует мировоззрение курсанта, убеждения и облик будущего офицера, который служит своему народу, пользуясь его доверием.

Обратимся к источникам; в словаре В.И. Даля читаем: доверить – доверять что кому – поверить, поручить, отдать на веру, на совесть, уполномочить, полагаться на кого-либо, верить ему, не сомневаться в его честности, вверять кому-либо себя, свои тайны, свои дела, полагаться на кого-либо вполне. Доверие – убеждение, что такому-то лицу можно верить, вера в надежность кого-либо. Доверчивый – склонный к доверию.

По С.И. Ожегову: доверие – уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, правильности. Таким образом, доверие – это отношение к действиям другого лица и к нему самому (соучастнику в общем

деле, партнеру по договору, руководителю, другу), которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности. Противоположностью доверия является недоверие, подозрительность, когда подвергается сомнению верность другому общему делу, его готовность соблюдать общие интересы или условия взаимного договора, искренности мотивов его действий. В истории человечества необходимость объединения усилий и трудовой деятельности вызывала потребность во взаимных обязательствах и, следовательно, в доверии. Вместе с тем доверие к людям не означает слепой веры. Оно предполагает взаимную ответственность и проверяется опытом, практикой. Обман доверия – тяжкий моральный поступок – вероломство.

И поэтому, верность как моральное качество, характеризующее нравственную личность и ее линию поведения, означает неизменную приверженность делу общества, неукоснительное выполнение данных обязательств, постоянство в отношениях с другими людьми, с которыми данная личность связана узами сотрудничества, дружбы, любви, становится одним из определяющих [1].

Доверительность, верность тесно связаны с другими моральными качествами, которыми они обуславливаются: это преданность, глубокая убежденность в правоте избранного дела, принципиальность, требующая от человека последовательности в убеждениях и действиях, стойкость по отношению к трудностям, соблазнам и проидам врагов, самоотверженность. Отсутствие этих качеств нередко приводит человека к нарушению верности, т.е. к измене. Содержание дела и его общественное значение во многом обуславливают ту степень верности, которую обычно проявляют его участники. Чем выше цель деятельности, тем крепче моральное единство ее участников – одно из непреходящих условий совместной деятельности людей.

Не удивительно поэтому, что, например, в годы Великой Отечественной войны русский народ показал беспримерные в истории образцы верности своему Отечеству, проявив ее в массовом героизме и самопожертвовании. Мы видим необходимость усвоения определяющих морально-этических категорий, что нашло яркое отражение в профессиональных кодексах. Профессиональные этические кодексы обобщают и включают в себя все основные морально-нравственные требования, которые сложились в данной сфере деятельности до их принятия, а также дополняют и уточняют нормативы, регулирующие отношения в связи современным уровнем развития общества.

Кодекс – это документ-декларация, содержащий призыв соответствовать высокому званию профессии, представители которой стали осознавать себя в качестве единого сообщества. Деонтологические нормы и кодексы полиции представляют собой важнейший нормативный и ориентирующий институт, наделенный социальным статусом. Отражаемые и закрепляемые в этих кодексах нормы вырабатываются с учетом

интересов профессиональных групп и общества о должном, допустимом, возможном, одобряемом, желательном или неодобряемом, нежелательном, неприемлемом профессиональном поведении.

Профессиональные кодексы выдержаны в стиле послания людям, которым оказана великая честь и величайшее доверие – общественного служения. Этот стиль этики придает высочайший статус регулируемой им деятельности. Профессия, чьи ценности она призвана защищать, – врача, педагога, воина, юриста, правозащитника, сотрудника правопорядка – признается самой возвышенной, а сами представители – элитой общества.

Значимость профессиональной этики касается проблемы характера регулирования деятельности и авторитета, стоящего за этим. Авторитетом считается сама профессиональная структура, представителям которой оказано высокое доверие. Если человек занимает столь высокое положение в обществе, то и требование к нему должны быть высочайшими. В зависимости от конкретных обстоятельств разрабатываются различные виды профессиональных моральных кодексов. В настоящее время наиболее распространены являются кодексы профессионалов в различных видах труда. Они фиксируют моральные требования к специалисту, регулируют отношения внутри профессионального сообщества, формируют его имидж и эффективны также для «свободных профессий», где наиболее выражены профессиональные этические дилеммы.

Кодексы регламентируют поведение специалиста в сложных этических ситуациях, характерных для данной профессии, повышают статус профессионального сообщества в социуме, формируют доверие к представителям данной профессии. Они усиливают значимость принадлежности к профессии, а их принятие косвенно может являться обрядом инициации, актом «вхождения в профессию». Репутационная функция кодекса заключается в формировании доверия к государственным, правоохранительным органам и общественным организациям. Кодекс служебной этики – значимый фактор формирования и развития профессиональной культуры, обеспечивающий профессиональный и духовный рост членов данной организации. Он может транслировать ценности всем сотрудникам, ориентировать их на единые служебные цели и тем самым повышать профессиональную идентичность, выражая определенным образом единство служебного коллектива, его цели и задачи.

В то же время развитие служебной культуры требует единого кодекса для всех сотрудников – он должен задавать единое понимание миссии и ценностей правоохранительных органов для каждого сотрудника. Служебная этика регулирует нравственные отношения между сотрудниками различных рангов и специальностей, выделяет поведенческий элемент, рассматривая его в органической связи с профессиональными качествами работника и проявляется в профессиональной

морали, которая обладает такими свойствами, как: нормативность, императивность и оценочность.

Нормативность выражает аспект должного, целесообразность действий, фиксирует типичные и необходимые требования в поведении людей: добросовестность, взаимопомощь, доверительность и др. Эти качества несовместимы с понятием туниядство, тщеславие, карьеризм и др. Нормативность нашла свое отражение в многочисленных пословицах: «Что человек делает, таков он и есть», «Человек велик трудом», «Дружно не грузно, а врозь хоть брось» и др.

Императивность проявляется в необходимости обязательного выполнения моральных норм, нахождения оптимальных способов их реализации, превращения их в моральный императив, что выражает приоритет общественных интересов, а значит, степень доверия общества к представителю профессии. Многовековая житейская практика зафиксировала это свойство в таких пословицах и поговорках, как: «Слушай других, но живи своим умом», «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Штопай дыру, пока невелика» и др. Императивность формирует активную жизненную позицию и требования между людьми в сфере профессиональных отношений.

Оценочность устанавливает соответствие целей, мотивов и результатов трудовой деятельности нормам морали. Формы оценочности в профессиональной этике многообразны: общественное признание, похвала, моральное поощрение, порицание, моральное осуждение, одобрение и т.д., и, этим самым, определяют «кредит доверия» общества представителям разных профессий, что выражается в таких пословицах и поговорках, как: «Не место красит человека, а человек место», «Цыплят по осени считают», «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь» и др.

Основным критерием оценки деятельности сотрудников правоохранительных органов является отношение к делу, уровень профессионализма и компетенции, способность эффективно решать стоящие перед коллективом задачи [2].

Слово «профессия» (от лат. – объявляю своим делом) означает, что для каждого человека труд выступает в виде деятельности, требующей теоретической и практической подготовки. В профессиональной этике особые моральные требования к поведению личности прежде всего формулируются в связи с необходимостью к фиксации специфических форм ответственности, выражением таких отношений человека к другим людям, которые непосредственно зависят от его индивидуального решения и которые зачастую оказываются невозможно проконтролировать никаким другим способом.

Это, во-первых профессии, непосредственно имеющие дело с человеком, с таким видом труда, который очевидно сказывается на судьбе каждого человека, попадающего в поле деятельности специалиста. К таким профессиям относятся профессии врача, юриста, полицейского, учителя, спасателя и другие. Во-вторых

это такие профессии, которые связаны с видами труда, результаты которого сказываются на всем обществе в глобальном масштабе. В современном мире в принципе развивается тенденция охватить профессиональной, кодифицированной моралью все имеющиеся профессии. У лиц, сталкивающихся в своей работе с судьбами отдельных людей, по-особенному проявляется связь действий операций и действий поступков.

Исторически различные профессиональные кодексы складывались вместе с возникновением таких профессий, которые ставили человека в особые отношения ко всему обществу. Древнейшими из таких профессий можно считать профессию врача, судьи, правителя, воина, защитника. К лицам обладающим таким профессиями, всегда предъявлялись особые нравственные требования. Старейшим профессиональным кодексом, созданным около 2500 лет назад, является «Клятва Гиппократы» – перечень моральных обязательств, которые берет на себя каждый врач.

В культуре древнего Китая выделяются кодексы, регламентирующие деятельность правителя и чиновника. Атрибутами правления провозглашались – справедливость, доверие, гуманность. Добродетельно управлять государством может только правитель, который добился искренности в своих мыслях, по-отечески относится к народу, терпимо к иноземцам.

Профессиональная этика включает в себя такие важные доминанты, как профессиональный долг и профессиональная ответственность. Эти категории этики неразрывно связаны между собой: профессиональный долг – безукоризненное выполнение своих служебных обязанностей специалистом; профессиональная ответственность – осознание значимости дела и собственной личности в жизни общества. Например, впервые представление о профессиональном долге полицейского в России были сформулированы в «Уставе благочиния, или Полицейском» (1782г.) с учетом таких добродетелей, как здравый рассудок, добрая воля, человеколюбие, верность службе и доверительность, рвение к должности, честность и бескорыстие [3].

Знакомство с историческими документами показывает, что среди нравственных качеств, которыми должен обладать полицейский, главное место занимали верность императору и верность присяге. В «Клятвенном обещании околоточных надзирателей» (присяга) 1894 г. сказано, что он обещает «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» быть преданным императору. А в «Инструкции для стражников уездной полицейской стражи» встречаем, что чины стражи, «храня непоколебимо преданность государю императору, службу его императорского величества должны исполнять честно, по совести, помня священные слова присяги».

В последующем общество развило такие институты, как присяга президента, судьи, клятва воина, присяга сотрудника правоохранительных органов. Эти процедуры имеют как формально-юридическое, так и

нравственное значение. Профессиональные кодексы, с момента своего возникновения, устанавливали приоритеты в действии различных структурных подразделений. Они регламентировали поведение специалиста в профессии, повышали статус профессии и формировали доверие к представителям профессии.

Поведение сотрудника ОВД – это профессиональное поведение, взаимоотношения в системе «юрист–гражданин» (по вертикали) и «юрист–юрист» (по горизонтали). Специфика и основные черты профессии юриста: ее политическая природа, требование общей культуры, творческий характер, постоянная и тесная связь с негативными явлениями и трудностями в жизни общества. Это отражено в основных принципах профессиональной этики полицейского: гуманность, законность, справедливость, объективность, толерантность и т.д., что отражается моральных нормах и отражают важнейшие черты нравственного облика сотрудника ОВД: ответственность, непримиримость к бездушию, принципиальность, доброжелательность, доверительность, верность, преданность и т.д.

Проблема доверия нашла отражение в ФЗ «О полиции»: ст. 9. «Общественное доверие и поддержка граждан», где подчеркивается, что «полиция при осуществлении своей деятельности стремиться обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан», указываются пути деятельности и определяются ее критерии, а именно, в п.6 «Общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел». В Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации в п.6 подчеркивается «Целью Типового кодекса является установление этических норм и правил служебного поведения государственных служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных служащих, доверия граждан к государственным органам». В Положении о прохождении службы в ОВД ст. 38.2 «Увольнение в связи с утратой доверия» подчеркивает особый статус службы в правоохранительных органах, значимость профессии.

Глубокое осмысление своего предназначения, своего выбора, своей профессии – это начальная точка пути ведущая к авторитету и доверию. Профессиональная этика – это совокупность нравственных норм, регулирующих профессиональную деятельность человека в коллективе. Без знания нравственных составляющих профессии специалист-профессионал не сможет в полном объеме реализовывать в полном объеме поставленные перед ним цели и задачи. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов сегодня особенно злободневна и требует новых подходов к осмыслению авторитета сотрудников ОВД, укрепления доверия к стражу правопорядка.

Литература

1. Профессиональная этика и служебный этикет сотрудников органов внутренних дел // Аминов И.И., Щеглов А.В., Эриашвили Н.Д., Дедюхин К.Г., Усевич А.Р., Горохова В.В., Реуцкая Г.М., Ласкин А.А., Кушнаренко И.А., Никоноров Е.А. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». М., 2015.
2. Щеглов А.В. Профессионально-нравственное воспитание как основа кадровой политики в МВД // Государственная служба и кадры. 2014. № 1. С. 12–17.
3. Щеглов А.В., Горохова В.В., Реуцкая Г.М. Профессиональная этика и служебный этикет: Учебное пособие для заочной формы обучения. М.: МосУ МВД России, 2011.

References

1. Professional ethics and office etiquette employees of internal Affairs bodies // Aminov I.I., Shcheglov A.V., Eriashvili N.D., Dedyukhin K.G., Usievich A.P., Gorokhova V.V., Reutskaja G.M., Laskin A.A., Kushnarenko I.A., Nikonorov E.A. A Textbook for University students studying in the field of «Jurisprudence», «law Enforcement». M., 2015.
2. Shcheglov V.A. Vocational moral education as the basis of personnel policy in the Ministry of internal Affairs // Public service and shots. 2014. No. 1. P. 12–17.
3. Shcheglov V.A., Gorokhova, V.V., Reutskaja G.M. Professional ethics and office etiquette: a Training manual for distance learning. Moscow: Mos the Ministry of internal Affairs of Russia, 2011.

УДК 37, 33
ББК 74, 65

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ПРОЦЕССАМИ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ВУЗОВСКОЙ НАУКИ И БИЗНЕСА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ

НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА СУРОВА,

кандидат экономических наук,
профессор кафедры налогов и налогообложения
ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»

E-mail: lordshi@yandex.ru;

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОСОВ,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Финансы и цены»
ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»

E-mail: kosovme@gmail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье предлагается авторская модель интегрированной системы (органы государственного и муниципального управления – образовательные учреждения – бизнес сфера – общественные организации – местное сообщество) для развития конкурентоспособной предпринимательской среды региона.

Ключевые слова: интеграция, предпринимательская среда, образовательные учреждения, бизнес сфера, общественные организации, местное сообщество.

Annotation. The article offers the author's model of the integrated system (the organs of state and municipal management – educational institutions – business sector – NGOs – local community) for the development of a competitive business environment of the region.

Keywords: integration, business environment, educational institutions, the business sector, social organizations, local community.

В современных условиях модернизации российской экономической системы важнейшим фактором создания в России конкурентоспособной предпринимательской среды и инновационной экономики на принципиально новой технологической основе ключевым средством является использование потенциала системы высшего образования в совокупности с наукой и общественно-политическими институтами.

В Основах государственной инновационной политики Российской Федерации подчеркивается, что важнейшими целями являются перевод научно-промышленного потенциала России на инновационный путь развития и построение экономики, основанной на знаниях, которая освободит экономическое развитие страны от экспортно-сырьевой зависимости и обеспечит высококую динамику экономического роста¹. В настоя-

щее время обществу и системе образования отводится важнейшая роль в реализации политической программы инновационного типа развития, базирующегося на принципах инновационной государственности, основанного на знаниях, экономики интеллектуальных услуг.

Сегодняшние мировые рынки и новые технологии выдвигают перед обществом и высшим образованием новые требования. Научоемкость и технологичность инновационного процесса предполагает потребность в квалифицированном труде в предпринимательской среде. Меняющиеся потребности в образовании и профессиональной подготовке обусловили ряд широких направлений деятельности высшей школы, в том числе – поддержку инноваций за счет создания новых знаний, обеспечения доступа к глобальным источникам знаний и адаптации знаний для национальных

условий. Отсюда актуальна и закономерна проблематика развития научно-образовательного потенциала российских вузов в условиях формирования в России предпринимательской среды инновационного качества.

Состояние и развитие системы образования – одно из основополагающих условий формирования предпринимательской среды инновационного качества. Успех в деле перехода России на инновационный путь развития в значительной мере зависит от степени восприимчивости высшего образования к технологическому прогрессу. Если взаимосвязь слабая и не институционализируемая, то существенно снижаются возможности предпринимательства в целом для разработки новых технических идей и их освоения. Именно поэтому основной задачей, которую ставит перед собой Россия при переходе на инновационный путь развития, является модернизация образования как важнейшая составляющая стратегии формирования экономики, основанной на знаниях.

Происходящая в России реформа образования должна соответствовать потребностям и приоритетам инновационного развития общества, при этом роль высшего профессионального образования в этом процессе должна быть существенно трансформирована и усилена. Модернизация высшего образования должна основываться на следующих инновационных принципах: фокусирование на реальных потребностях отечественного предпринимательства, тесная связь с бизнес – практикой; построение обучающих программ по проблемному, а не предметно-ориентированному принципу; переориентация на проектные принципы деятельностного обучения, позволяющие формировать компетенции будущего специалиста в соответствии с нормами и требованиями Болонского соглашения; усиление исследовательской компоненты в подготовке специалистов в области инновационных процессов.

Так, современная национальная политика в области реформирования системы российского профессионального образования отражает необходимость формирования, разработки, внедрения инновационных методов и форм обучения, разработки инновационных стратегии управления высшей школой, а также значительных изменений в структуре высшей школы, общества.

Президентом Российской Федерации 3 ноября 2006 г. был подписан Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об автономных учреждениях», а также в целях уточнения правоспособности государственных и муниципальных учреждений, который соответствующим образом скорректировал положения Закона Российской Федерации «Об образовании», Гражданского, Налогового и Бюджетного кодексов Российской Федерации и иных законодательных актов.

Помимо упомянутого ранее, был принят Федеральный закон № 174-ФЗ «Об автономных учрежде-

ниях», который предусматривает возможность создания инновационного типа предприятий – автономных образовательных учреждений (далее АОУ), которые имеют ряд существенных отличий от классического университета, предусмотренных законодательством².

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», автономным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта.

Под автономией образовательного учреждения высшего профессионального образования (далее – высшее учебное заведение) понимается его самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке.³

Исходя из истории развития российских университетов, советская высшая школа внедряла стратегию «Подготовки квалифицированных специалистов», что включало в себя комплексную теоретическую подготовку, стимулирование студентов к повышению качества образования за счет поощрения в виде стипендии, обязательная практическая подготовка и гарантированное трудоустройство на ведущих предприятиях. Данная стратегия являлась низкоэффективной, поскольку отмечалась неравномерность в подготовке специалистов гуманитарных специальностей по отношению к инженерно – техническим, также отмечался низкий интерес к научно – практическим разработкам и их внедрению.

По мнению профессора А.М. Новикова⁴, с изменением национальной экономики разрушились существующие связи между представителями высшей школы и ведущими отраслевыми предприятиями. Ликвидированные инструменты регулирования рынка труда не были замещены на новые, которые могли бы соответствовать требованиям инновационной экономической системы, в основе которого лежат знания. Исходя из этого, реформирование экономической системы привело к существенным изменениям в обществе и высшей школы.

Очевидно, что инновационный потенциал российских вузов в настоящее время существенно уступает уровню передовых стран. Недопустимое отставание инновационного потенциала высшей школы должно предопределять усиленное внимание государства к приоритетному системному решению этой проблемы. Развитие вузовской науки как источника инноваций

для предпринимательского сектора экономики должно стать частью всего комплекса воздействий государства на процесс их воспроизводства.

Прежде всего, это стимулирование вузовских исследований и проектов, предпринимательской деятельности вузов в сфере воспроизводства и внедрения инновационных продуктов, на фоне вовлечения в научно-практическую деятельность студентов и аспирантов, развития новых и гибких форм образования, в том числе и непрерывного, а также увеличение расходов на финансирование образования и науки.

Во-вторых, стимулирование интеграции вузовской науки и производственно-предпринимательской деятельности. Одной из наиболее развитых форм организации взаимодействия «наука-практика» являются технопарки, формируемые вокруг университетов, одной из основных целей создания которых является возможность для вузов коммерциализации изобретений, а бизнес выступает как инвестор и потребитель инноваций.

В-третьих, стимулирование развития непрерывного образования и развития корпоративных университетов.

В рамках государственной политики в отношении поддержки инновационного развития высшей школы, в настоящее время вузам на конкурсной основе предусмотрено предоставление субсидии в размере от 400 до 1000 млн. на развитие инновационных программ. Эти средства целевым образом направляются на реализацию инновационных образовательных программ: переподготовку преподавателей, приобретение лабораторного оборудования, программного обеспечения и модернизацию учебных классов, а не на текущее финансирование⁵.

В соответствии с федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. необходимо создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании. Целью программы является создание условий для эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании.

В Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 января 2006 г. № 38-р, отмечается, что для обеспечения инновационной направленности экономического роста требуется повышение роли научных исследований и разработок, превращение научного потенциала в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста путем кадрового обеспечения инновационной экономики⁶.

Таким образом, необходимо привлекать молодых ученых к осуществлению научной деятельности, обра-

зования, а также устранить препятствия для эффективного закрепления и воспроизводства научных кадров, что позволит повысить эффективность социально – экономической системы не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

По мнению Президента Российской Федерации Д.А. Медведева⁷, также необходимо образовать прочные социально – экономические связи между элементами: государственная власть – наука – высшая школа – общество – предпринимательская среда, что может быть достигнуто, в том числе, и посредством создания общественно – активных университетов.

Общественно – активный университет – это образовательное учреждение, основной задачей которого является создание и поддержание инновационной среды на территории своего присутствия, за счет широкого использования в своей деятельности инновационных образовательных программ непрерывного цикла и результатов прикладных исследований.

В этом случае, университет должен во – первых базироваться на двух конституирующих его функциях – образовании и коммерциализация научных исследований.

Во-вторых, вуз должен быть открытым сообществу. Открытость здесь предполагает как привлечение представителей неакадемической среды в образовательный процесс, так и выделение и вовлечение стейкхолдеров вуза в его законодательные или управленческие органы.

В-третьих, вуз должен развиваться как внутри себя, так и в своем окружении предпринимательское и проектное мышление. Это позволяет вузу постоянно находить новые формы взаимодействия с бизнесом, властью и некоммерческими организациями, реализовывать социальные и предпринимательские проекты, нацеленные на развитие территории присутствия вуза.

В-четвертых, управление вузом должно строиться как программно-проектное управление с организационной структурой вуза в виде матричной модели.

В-пятых в вузе должен быть предпринимательский инкубатор или малые инновационные предприятия, продуктом работы которых являются социальные и коммерческие проекты.

Примером модернизации системы высшего образования как императива развития инновационной экономики может служить программа развития Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, подразумевающая трансформацию в общественно – активный университет.

Главная цель программы – устойчивое развитие академии и подготовка высококвалифицированных специалистов в соответствии с существующими и перспективными требованиями личности, общества, государства.

Видение: Академия намерена стать инновационным образовательным учреждением, одним из ведущих вузов Поволжского региона, – аккумулирующим передовой опыт российской и зарубежной высшей школы.

Стратегия развития ориентирует Академию на закрепление статуса престижного, конкурентоспособного высшего профессионального образовательного учреждения, являющегося надёжным поставщиком высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда.

В сфере образовательной деятельности Академия, руководствуясь государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования, учитывает требования потребителей и других заинтересованных сторон при разработке содержания образовательных программ. На рынке дополнительного профессионального образования Академия стремится занять лидирующую роль в Саратовской области.

В сфере научной деятельности основное внимание Академия направляет на развитие фундаментальных и прикладных исследований, повышение их эффективности и внедрение результатов в практику.

Очевидно, что для достижения заявленного статуса и развития основных направлений деятельности Академии (образовательное, научно-исследовательское и учебно-воспитательное), необходимо расширять и закреплять социальную активность вуза.

Иными словами, мы приходим к необходимости осознания и становления модели «общественно-активного университета». Реализация данной модели позволит существенно повысить показатели учебной, научной и финансовой деятельности университетов, вменить систему непрерывного образования и повышения квалификации для населения, увеличить показатели интеллектуальной составляющей общества, создать конкурентоспособную предпринимательскую среду в ареале университета, что неизменно скажется на показателях экономического роста региона и благосостоянии его граждан.

Приоритетное направление в современных условиях реформирования системы высшей школы должно быть направлено на необходимость опережающего формирования инфраструктуры инновационного образования. Существенно поднять уровень вузовской науки, обеспечив ее связь с экономикой, стратегически возможно за счет развития такой инновационной инфраструктуры, как общественно – активные формы ВУЗов, которые предусматривают разработку порядка получения вузами средств, аккумулированных в результате интегрированного участия государства, бизнеса, некоммерческих организаций, гражданского общества в программах ВУЗа; развитие центров трансфера технологий, создаваемых на базе научных центров, высших учебных заведений и отраслевых институтов; реализацию многоуровневой системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и консультирования специалистов для инновационной деятельности в сфере образования, науки и бизнеса.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. [Текст] Федеральный закон Российской Федерации от 3 ноября

2006 г. № 174-ФЗ. Об автономных учреждениях [Принят Государственной Думой 11 октября 2006 года, одобрен Советом Федерации 27 октября 2006 года] опубликован // Российская Газета. Федеральный выпуск. № 4216, 2006. 8 ноября.

2. Методическое пособие по переходу Федерального Государственного образовательного учреждения в автономное учреждение [Текст] Ростов н/Д., 2009.

3. Новикова А.М. Проблемы подготовки кадров для постиндустриальной экономики [Текст] Журнал «Высшее образование в России» № 5, 2010, Учредитель: Министерство образования Российской Федерации, Издатель: Московский государственный университет печати, Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ Рег. св. № 735 от 14 марта 1991 г.

4. Паспорт Федеральной Целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. [Текст] Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 568.

5. Российская Федерация. Законы. [Текст] Проект Концепции развития исследовательской и инновационной деятельности в российских ВУЗах Департамента стратегического развития Министерства образования и науки Российской Федерации [Принято в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2010 г. № 1660-р г. Москва] // Российская Газета: Бизнес. № 772, 2010. 19 октября.

6. Косов М.Е. Формирование инфраструктуры малого предпринимательства как необходимое условие его развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №4 (37), 2009.

7. Косов М.Е. Малый бизнес в системе приоритетных задач социально-экономического развития московского мегаполиса // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2009. № 5, С. 76–82

8. Косов М.Е., Зеленка Е.А. Бюджетные и налоговые отношения в городе Москва: Монография. Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

9. Косов М.Е. Проблемы развития системы налогового контроля и пути их решения/Авторское исследование // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2010. № 11. С. 47–53.

10. Косов М.Е. Налоговый контроль в системе государственного финансового контроля, его особенности // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2010. № 1. С. 64–69.

11. Косов М.Е., Киреева А.В. Ресурсная концепция налогообложения и налогового контроля//Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2011. № 1. С. 59–68.

12. Косов М.Е., Киреева А.В. Ресурсная концепция налогообложения и налогового контроля//Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2011. № 1. С. 59–68.

13. *Kosov M.E., Kireeva A.B.* Ресурсная концепция налогообложения и налогового контроля // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2011. № 1. С. 59–68.

14. *Kosov M.E., Kireeva A.B.* Современные тенденции развития законодательства, направленного на защиту прав инвесторов в процессе мероприятий государственного контроля // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). 2011. № 12. С. 148.

15. *Kosov M.E., Kireeva A.B.* Анализ формирования системы налогового контроля как искусственной организационно-управленческой системы // Вестник Российского государственного торгово-экономического Университета (РГТЭУ). 2011. № 3. С. 56–66.

References

1. Russian Federation. The Laws. [Text] The Federal law of the Russian Federation dated November 3, 2006, No. 174-FZ. On Autonomous institutions [Adopted by the State Duma on 11 October 2006, approved by the Council of the Federation of 27 October 2006] published by // Russian Newspaper. Federal issue. No. 4216, 2006. On 8 November.

2. Toolkit for transition of the Federal State educational institution into an Autonomous institution [Text] Rostov n/D., 2009.

3. *Novikov A.M.* Problems of personnel training for the post-industrial economy [Text] the Journal «Higher education in Russia, No. 5, 2010, Founder tel: Ministry of education of the Russian Federation, Publisher: Moscow state University press, the Journal is registered in the Ministry of press of the Russian Federation Reg. St. No. 735, dated 14 March 1991.

4. Passport of the Federal Target program «scientific and Scientific-pedagogical personnel of innovative Russia» for 2009–2013 [Text] Approved awarded by decree of the Government of the Russian Federation of 28 July 2008, No. 568.

5. Of The Russian Federation. Laws. [Text] Draft Concept of development of research and innovative activity in Russian Universities of the U.S. Department of strategic development of the Ministry of education and science of the Russian Federation [Made in accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation dated 1 October 2010 No. 1660-R Moscow] // Rossiyskaya Gazeta: Business. No. 772, 2010. October 19.

6. *Kosov M.E.* Formation of the small business infrastructure as a necessary condition of its development // National interests: priorities and safety. No. 4 (37), 2009.

7. *Kosov M.E.* Small business in the system of priorities of socio-economic development of Moscow city // Bulletin of the Russian state University of trade and Economics (rsute). 2009. No. 5, P. 76–82

8. *Kosov M.E., Zieleńska E.A.* Budgetary and tax relations in Moscow, Russia: Monograph. Publishing house: UNITI-DANA, 2010.

9. *Kosov M.E.* Problems of development of the system of tax control and their solutions/Author study // journal of Russian state tor-said University of Economics (rsute). 2010. No. 11. P. 47–53.

10. *Kosov M.E.* Tax control in the system of state financial control, its features // Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2010. No. 1. P. 64–69.

11. *Kosov M.E., Kireev V.A.* Resource the concept of taxation and tax of the new control//Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2011. No. 1. P. 59–68.

12. *Kosov M.E., Kireev V.A.* Resource the concept of taxation and tax of the new control//Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2011. No. 1. P. 59–68.

13. *Kosov M.E., Kireev V.A.* Resource the concept of taxation and tax of the new control//Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2011. No. 1. P. 59–68.

14. *Kosov M.E., Kireev V.A.* Modern trends in the development of legislation aimed at protecting the rights of investors in the process of activities of the state control // Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2011. No. 12. P. 148.

15. *Kosov M.E., Kireev V.A.* analysis of the formation system of tax control as artificial organizational and management system // Bulletin of Russian state University of trade and Economics (rsute). 2011. No. 3. P. 56–66.

¹ Развитие теории и методологии сбалансированного управления инновационной и инвестиционной деятельностью промышленной системы // Ж. Поволжский торгово-экономический журнал, № 2 Саратов: Изд-во: РИО РГТЭУ (Саратовский филиал), 2010. С. 44–46.

² Российская Федерация. Законы. [Текст] Федеральный закон Российской Федерации от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ. Об автономных учреждениях [Принят Государственной Думой 11 октября 2006 г., одобрен Советом Федерации 27 октября 2006 г.] опубликован // Российская Газета. Федеральный выпуск №4216, 2006. 8 ноября.

³ Методическое пособие по переходу Федерального Государственного образовательного учреждения в автономное учреждение [Текст] Ростов н/Д., 2009.

⁴ *Новикова А.М.* Проблемы подготовки кадров для постиндустриальной экономики [Текст] Журнал «Высшее образование в России» № 5, 2010, Учредитель: Министерство образования Российской Федерации, Издатель: Московский государственный университет печати, Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ Рег. св. № 735 от 14 марта 1991 г.

⁵ Потенциал Торгово – промышленной палаты: создание интегрированной системы социально - ориентируемых коммерческих и некоммерческих организаций // Ж. Поволжский торгово-экономический журнал, № 6 (22) Саратов: Из-во РИО РГТЭУ (Саратовский филиал), 2011. С. 34–35.

⁶ Паспорт Федеральной Целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. [Текст] Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2008 г. № 568.

⁷ Российская Федерация. Законы. [Текст] Проект Концепции развития исследовательской и инновационной деятельности в российских ВУЗах Департамента стратегического развития Министерства образования и науки Российской Федерации

[Принято в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2010 г. № 1660-р г. Москва,] опубликовано в //Российская Газета-Бизнес// №772 от 19 октября 2010 г.

УДК 34
ББК 67

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ О ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

*доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии*

Правительства Российской Федерации в области науки и техники

*Научные специальности 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве;*

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

E-mail: professor60@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются представления различных ученых о периодизации этапов развития уголовного законодательства, и конкретно, законодательства о присвоении и растрате чужого имущества. Приводится характеристика данного вида преступлений в каждом из определенных периодов истории.

Ключевые слова: периодизация, уголовное законодательство, этапы развития уголовного законодательства, присвоение и растрата чужого имущества.

Annotation. Analyzed the views of various scientists about the periodization of the stages of development of the criminal legislation, and specifically, the legislation on misappropriation and embezzlement of somebody's property. Given the characteristics of this type of crimes in each of specific periods of history.

Keywords: periodization, criminal legislation, stages of development of the criminal legislation, misappropriation and embezzlement of somebody's property.

Периодизация истории государства и права всегда в поле зрения ученых и практиков¹. В этом отношении не является исключением и история развития уголовного законодательства в России, в целом, и история развития уголовного законодательства об отдельных преступлениях², в частности.

Обычно историю России представляют в виде трех этапов: досоветский (до 1917 г.); советский (1917–1991); постсоветский (с 1992 г.). Соответственно и история развития уголовного законодательства представляется в виде трех этапов: досоветский, советский и постсоветский.

Некоторые авторы досоветский этап развития уголовного законодательства именуют «дореволюционным российским уголовным законодательством». М.Г. Дибиров оперирует термином «уголовное за-

конодательство Древней и Средневековой Руси»³. Е.И. Грубова осуществила «ретроспективный анализ дореволюционного российского законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка»⁴. Дореволюционное уголовное законодательство исследует и Р.А. Севостьянов⁵.

В.Ф. Анисимов исследует уголовное законодательство о хищении «советской России»⁶. Таковое же явилось предметом исследования и М.О. Аюпджановой⁷. Советское уголовное законодательство исследовалось и группой авторов-единомышленников⁸. О.Ш. Петросян, помимо советского, исследует и «постсоветский период развития уголовного законодательства»⁹. А.И. Ролик также исследует уголовное законодательство «советской и постсоветской России»¹⁰. И.Г. Руденко на примере «уголовного законодательства о борьбе

с халатностью» выделяет три периода: «русское право»; «советский период»; «постсоветский период»¹¹.

Боев В.И. фокусирует внимание на уголовном законодательстве «военного периода»: от середины XVI в. до конца XX в.; рубеж XIX–XX столетий – первая треть XX в.; конец 30-х гг. XX в. – настоящее время¹².

Представляет интерес прием при рассмотрении периодизации истории развития уголовного законодательства, примененный Н.Г. Ивановым (посредством категории «основные направления (школы) в науке уголовного права»)¹³.

Мы также считаем целесообразным периодизацию истории развития уголовного законодательства в России, в целом, и периодизацию истории развития уголовного законодательства о присвоении и растрате чужого имущества, в особенности, представить в виде трех этапов: досоветский (до 1917 г.); советский (1917–1991) и постсоветский (с 1992 г.). Каждый этап, в свою очередь, может быть представлен в виде периодов.

Ввиду значимости роли личности и роли права в регулировании общественных отношений в России, представляется целесообразным этапы разбить на периоды в зависимости от правления¹⁴.

Так, для части досоветского этапа (с 22 октября 1721 г. по 3 марта 1917 г.) выделяются следующие правления: – правление «Государя Императора» Петра Алексеевича; правление «Государыни Императрицы» Екатерины Алексеевны; правление «Государя Императора» Петра Алексеевича; правление «Государыни Императрицы» Анны Иоанновны; «правление бывшего Герцога Курляндского»; «правление Принцессы Анны Брауншвейг Лüneбургской»; правление «Государыни Императрицы» Елисаветы Петровны; правление «Государя Императора» Петра Федоровича; правление «Государыни Императрицы» Екатерины Алексеевны; правление «Государя Императора» Павла Петровича; правление «Государя Императора» Александра Павловича; правление «Государя Императора» Константина Павловича; правление «Государя Императора» Николая Павловича; правление «Государя Императора» Александра Николаевича; правление «Государя Императора» Александра Александровича; правление «Государя Императора» Николая Александровича; правление «Государя Императора» Михаила Александровича.

Соответственно можно выделить семнадцать периодов досоветского этапа: уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Петра Алексеевича; уголовное законодательство в правление «Государыни Императрицы» Екатерины Алексеевны; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Петра Алексеевича; уголовное законодательство в правление «Государыни Императрицы» Анны Иоанновны; уголовное законодательство в «правление бывшего Герцога Курляндского»; уголовное законодательство в «правление Принцессы

Анны Брауншвейг Лüneбургской»; уголовное законодательство в правление «Государыни Императрицы» Елисаветы Петровны; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Петра Федоровича; уголовное законодательство в правление «Государыни Императрицы» Екатерины Алексеевны; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Павла Петровича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Александра Павловича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Константина Павловича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Николая Павловича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Александра Николаевича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Александра Александровича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Николая Александровича; уголовное законодательство в правление «Государя Императора» Михаила Александровича.

Аналогичным образом можно поступить и относительно советского и даже постсоветского этапов развития уголовного законодательства.

Хищение – одно из наиболее древних видов преступлений. Очевидно, его появление относится к времени возникновения отношений собственности в древнем обществе, когда человек стал присваивать излишки произведенного продукта и распоряжаться ими по своему усмотрению. На раннем этапе развития человечества завладение пищей, орудиями производства сверх собственной потребности и против воли остальных членов общины еще не признавалось преступлением. Тем не менее, такие поступки не одобрялись окружающими и могли повлечь неблагоприятные последствия для нарушителя, иногда достаточно суровые, например изгнание из общины, что, как правило, заканчивалось для него смертью. М.А. Чельцов-Бебутов отмечал, что первой формой применения общественно-карательной власти было изгнание члена родовой общины, совершившего особо тяжкое нарушение условий существования этой общины¹⁵. Однако данная форма наказания была не единственной. Начиная с древнейших времен нормы, устанавливающие ответственность за преступления, связанные с незаконным завладением чужим имуществом, составляли основу уголовного законодательства любого государства в любой исторической и социально-экономической ситуации. На протяжении веков эти нормы постоянно развивались.

На Руси имущественные преступления известны еще со времен русско-византийских договоров (907 г., 911 г., 945 г., 971 г.). Так, в договоре князя Игоря (945 г.) содержится ссылка на «русский закон», в соответствии с которым вор должен не только возвратить украденную вещь, но и уплатить столько же, сколько она стоит. Кроме того, вор будет наказан по закону русскому и закону греческому. В договоре Олега (911 г.) установлено тройное вознаграждение потерпевшему, однако нет указания на уголовную кару¹⁶. В соответствии с

византийскими законами за воровство предусматривались болезненные, членовредительские наказания и даже смертная казнь. Кроме воровства имущественными преступлениями признавались явное отнятие вещи (грабеж) и дружинное похищение (разбой), за которые назначалось такое же наказание, как и за татьбу (кражу).

Основным древнерусским источником права, в частности уголовного, является Русская Правда (IX в.)¹⁷, где термин «преступление» еще отсутствует, а уголовно наказуемое деяние называется «обидой»¹⁸. Классификация преступных деяний по Русской Правде осуществляется по объектам уголовно-правовой охраны, на что обращал внимание М.Ф. Владимирский-Буданов¹⁹. Древняя Правда предусматривала сначала преступления против личности (посягательство на жизнь, здоровье и честь), а затем против имущества. Причем о разбое упоминается лишь как о преступлении против жизни²⁰. Среди имущественных преступлений на первом месте стоят кражи (татьба), наиболее распространенными видами которых являлись кражи из закрытых помещений, конокрадство, кражи пчел и меда из бортовых деревьев, бобров, сена, дров и т.п. При этом изъятие имущества у собственника, находящегося под охраной, наказывалось значительно строже. Княжеское имущество ценилось значительно выше и охранялось значительно лучше, чем имущество других лиц.

В Русской Правде различались преступления, совершенные одним лицом и группой лиц, однако не дифференцирует наказание. Так, по ст. 41 Пространной Правды (XI в.–XII в.) «аже крадет кто скот в хлеве или клети, то же будет один, то платить ему 3 гривны и 30 кун, будет ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платить»²¹.

Татьба (тайное хищение) считалась тяжким преступлением. Так, ст. 36 Пространной Правды позволяла убить ночного вора на месте совершения преступления²². Следует отметить, что открытое изъятие имущества в древние времена на Руси считалось проявлением своеобразной отваги и мужества и не всегда влекло за собой уголовное наказание. Грабеж как самовольное насильственное изъятие имущества длительное время не признавался уголовным преступлением, считаясь «гражданской неправдой»²³. К татьбе относилась не только кража, но и иные преступления, например приобретение краденого имущества²⁴. Незаконное пользование чужим имуществом наказывалось наравне с кражей: «Кто поедет на чужом коне, не спросившись у хозяина, то 3 грив.»²⁵. Более строгое наказание предусматривалось за истребление чужого имущества, особенно путем поджога.

До нынешнего времени остается открытым вопрос, когда и при каких обстоятельствах появилась Русская Правда, которая до нашего времени дошла в нескольких редакциях и списках. Ее нормы, содержащиеся в различных редакциях и списках, нередко не соответствуют друг другу²⁶. По этой причине проводить анализ преступлений против собственности по данному источнику права весьма сложно.

Нормы права периода феодальной раздробленности Русского государства развивают основные положения Русской Правды. Так, Двинской уставной грамотой 1389 г. за совершение кражи в третий раз предусматривалась смертная казнь. Аналогично наказывался вор, совершивший кражу в третий раз, по Псковской судной грамоте 1467 г. Однако в этих законах за совершение убийства, даже квалифицированного (отцеубийства), сохранялся денежный выкуп. Из этого Н.А. Шелкопляс делает обоснованный, как представляется, вывод: законодатель на Руси в первую очередь защищал именно имущественные права лица²⁷.

В Судебнике 1497 г.²⁸ имущественные преступления выделялись особо: это, прежде всего, татьба и разбой. Наиболее опасными преступлениями, каравшимися смертной казнью, являлись церковная татьба и головная татьба, а также повторная татьба.

В Судебнике 1497 г. усиливалась роль государства в пресечении всевозможных злоупотреблений и охране интересов собственников. Так, устанавливается неизвестный ранее порядок, когда грамота об уплате долга в рассрочку выдается только после того, как боярин, расследовав все обстоятельства дела, устанавливает, что несостоятельность возникла в силу независящих от виновного причин. Обязательность расследования боярином, т.е. государственным лицом, причин несостоятельности и скрепление грамоты об уплате долга в рассрочку великокняжеской печатью гарантировали защиту интересов собственников, и в первую очередь феодалов, являвшихся основными кредиторами.

В Судебнике 1550 г.²⁹ к категории особо опасных преступлений, т.е. к «лихим», относились разбой, грабеж, а также отдельные виды татьб (повторную, церковную и головную). Грабеж при этом причислялся к разряду менее тяжких преступлений. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, он причислялся к самоуправному отнятию имущества у другого лица после драки, возникшей по каким-либо личным или имущественным счетам³⁰. Здесь из татьбы впервые выделяется мошенничество (ст. 58). По мнению И.Я. Фойницкого, под термином «мошенничество» (от слова «мошна») понималась карманная кража³¹. Это мнение поддерживал и Л.С. Белогриц-Котляревский, который считал, что мошенники – это воры, срезающие у потерпевших в людных местах с пояса кошельки с деньгами³². В то же время М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечая неясный смысл статьи Судебника, считал, что мошенничество предполагает именно обманное завладение имуществом в связи с тем, что в этой же статье рядом со словом «мошенник» стоит слово «оманщик» (обманщик)³³.

В Уложении 1649 г.³⁴ также предусматривалась весьма суровая ответственность за имущественные преступления, к которым относились татьба, разбой, грабеж, мошенничество и др. Татьба делилась на простую и квалифицированную (конокрадство, кража из церкви, на службе, овощей из огорода и рыбы из садка). За совершение обыкновенной кражи виновный

наказывался кнутом, урезанием уха, а также двумя годами тюремного заключения и ссылкой. Повторная кража наказывалась наряду с сечением кнутом и урезанием уха тюремным заключением на четыре года. При совершении кражи в третий раз выносился смертный приговор³⁵. Как отмечал С.К. Викторский, «применение смертной казни к виновным именно в повторных кражах, и лихим людям, а не к иным преступникам, имело, кажется, еще одно печальное последствие: оно способствовало постепенному примирению населения со смертной казнью, до того времени противной его правосознанию»³⁶. В этот период, хотя все еще отсутствуют понятия присвоения и растраты как уголовно наказуемых деяний, в качестве квалифицирующего признака Уложение предусматривает ответственность за кражу лошади, совершаемую служилыми людьми, находящимися на службе.

Присвоение (утайка) поклажи, отданной виновному в запертом хранилище, присвоение рабочими материала, а также присвоение заклада – все эти деяния по Уложению 1649 г., могли иметь лишь гражданские последствия и назывались «гражданскою неправдою». В статье 195 Уложения указывалось на то, что собственные Русской Правде отношения между хранителем и собственником вещи, основанные на доверии, теперь заменяются формальными, т.е. хранитель отвечает за пропажу вещи, находившейся под замком и печатью. Русское законодательство не облагало уголовной карой нарушение доверия, оказанного виновному, с корыстным намерением.

Разветвленная ответственность за преступления имущественного характера предусматривалась Уставом Воинским от 30 марта 1716 г.³⁷. В нем к категории имущественных преступлений отнесены кража и грабеж (глава «О зажигании, грабительстве и воровстве»³⁸), а квалифицированными видами кражи признавались кражи: из церкви; у господина; у товарища; во время стихийных бедствий; казенного имущества; караульным; с судов, потерпевших крушение; из разрытых могил и др.

Важной особенностью петровского законодательства является оценка имущественных преступлений в зависимости от стоимости вещи, когда «большой» признавалась кража на сумму свыше 20 руб.³⁹. Смертная казнь предусматривалась за кражу церковного имущества и святынь, во время пожара и наводнения, из государственного учреждения, у своего господина или товарища, с военного склада. Особым видом кражи признавалось казнокрадство, под которым подразумевалось не только присвоение казенных вещей, но и употребление казенных денег для личных торговых оборотов, а также злоупотребления при подрядах. За эти деяния полагалась смертная казнь через повешение не только по Воинским артикулам (Артикулу 191), но и по Морскому уставу (ст. 130), а также Указу от 30 октября 1720 г.

Представляется, что начиная именно с Устава Воинского Петра Великого в России присвоение и растра-

та выделяются в качестве отдельных форм хищения. Так, в соответствии с Артикулом 194 «кто Его Величества или государственная деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил, оный живота лишится и имеет быть повешен. Тую же казнь учинить и тем, кои ведая про то, а не известят». При этом наказуемость не зависела от суммы, места, времени и обстоятельств совершения преступления. Если офицер присваивал излишние жалование или провиант, он подлежал «ако вор» смертной казни или ссылке на галеры (Артикул 65)⁴⁰. Однако общего понятия присвоения как самостоятельного преступления в Артикуле Петра I еще не было. Лишь позднее практика Сената начинает признавать присвоение отдельным уголовным преступлением. При этом чиновники за те же деяния подвергались менее строгому наказанию. Например, Инструкция земским комиссарам (1719 г.) предписывала им «не держать ничего из наличных денег, никакими мерами тратить» под угрозой «двойного штрафа и фискального за то взыскания»⁴¹.

Позднее, к концу XVIII в., отмечается тенденция к смягчению наказания, а также конкретизируются понятия растраты и присвоения. Так, Правила провиантского правления 1758 г. относили к числу наказуемых деяний не только растрату казенных денег на собственные нужды, но и предоставление их кому-либо взаймы. За нарушение этой нормы виновные были обязаны «издержанное вдвое возратить»; кроме того, на них налагался штраф в размере месячного жалования. Подобное правило было установлено Регламентом об управлении Адмиралтейств и флотов от 24 августа 1765 г.⁴². В Сенатском указе от 27 декабря 1772 г. губернаторам в случае обнаружения недостачи (независимо от намерений виновного и суммы ущерба) предписывалось «воевод, их товарищей и секретарей тотчас отрешая от должности, казенные деньги взыскивать по указам без малейшего промедления»⁴³.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁴⁴ предусматривался большой перечень преступлений против собственности, в том числе присвоение и растрату чужого имущества. В нем использовавшийся термин «воровство»⁴⁵ заменяется понятием «похищение». В соответствии с названным законодательным актом «похищение чужого имущества, смотря по видам сего преступления и сопровождавшим оное обстоятельствам, признается разбоем, грабежом, воровством – кражей или воровством – мошенничеством» (ст. 128). Присвоение и растрата чужого имущества, по этому законодательному акту, не признаются похищением. Так, ст. 393 разд. V Уложения предусматривала ответственность за пользование казенным имуществом и похищение казенных денег и вещей в форме растраты и присвоения. Отделив присвоение от кражи, составители Уложения 1845 г. вместе с тем распространили область его применения на все предметы, вверенные для какого-либо употребле-

ния. Некоторые ученые данное узаконение именуют «полноформатным Уголовным кодексом»⁴⁶, предтечей которого явился проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 г.⁴⁷

В Уложении 1857 г. полностью воспроизводилось это положение: присвоением вверенного имущества считалось «умышленное противозаконное обращение в свою собственность заведомо чужого движимого имущества, поступившего к виновному с ведома и желания хозяина или заступающего его лица, но лишь во владение, а не собственность, и обращенного им в свою собственность вопреки тому назначению, в виду которого оно ему передано»⁴⁸. Под растратой понимались неправомерное корыстное расходование, залог или отчуждение виновным вверенного ему чужого имущества в пользу самого виновного или других лиц⁴⁹.

В ст. 387 Уложения устанавливалась ответственность за неправильные записи в приходно-расходных книгах, содержащих информацию о незаконном и тайном похищении должностным лицом ценностей, которые могли поступить в число вверенных ему для хранения предметов. Наказание также предусматривалось за вырезание из этих книг листов, за не указанные в книгах расходы и фальшивые расписки. Помимо возмещения двойной суммы причиненного ущерба виновные подвергались уголовным наказаниям.

В ст. 388 предусматривалась ответственность лица, виновного в присвоении или растрате, которое «для избежания суда учинит побег или же составит подложные документы для сокрытия своего преступления». Установление наказания за побег, связанный с растратой, объяснялось не только сравнительной распространенностью этого деяния, но и отсутствием в Уложении общего наказания за побег подследственного. Даже побег арестанта, находящегося под следствием, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, не являлся уголовно наказуемым деянием.

В гл. IV Уложения «О присвоении или утайке чужой собственности» раздела XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» включались два отделения: «О присвоении через подлог или иного рода обманы чужого недвижимого имения» и «О присвоении вверенного чужого движимого имущества». Так, в соответствии со ст. 192, «кто чужую какого-либо рода собственность, вверенную ему для сохранения или же какого-либо употребления, или назначения присвоит себе, запираясь в получении оной или утверждая ложно, что она им уже возвращена или передана, или употреблена по назначению, или же будто бы без вины его истреблена или уничтожена, а равно, кто такую собственность с умыслом растратит», тот должен был подвергнуться такому же наказанию, как за воровство – мошенничество или как за кражу со взломом.

В гл. XIII «О проступках против чужой собственности» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, утвержденного 20 ноября 1864 г.⁵⁰, содержались следующие отделения: «О самовольном

пользовании чужим имуществом и повреждении его» (ст. 145–153), «О похищении и повреждении чужого леса» (ст. 154–168), «О краже» (ст. 169–172), а также «О мошенничестве, обманах и присвоении чужого имущества» (ст. 173–181).

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, имелось специальное разъяснение по поводу того, что в отличие от кражи и мошенничества предметом присвоения и растраты выступает не любое чужое имущество, а только вверенное виновному потерпевшим для ответственного хранения, пользования, распоряжения, перевозки и т.п. Присвоение заключалось в неправомерном корыстном удержании чужого имущества, в невозвращении или непредставлении его должностному лицу по обязательному требованию. Под растратой понимались неправомерное корыстное расходование, залог или отчуждение виновным вверенного ему чужого имущества в пользу самого виновного или других лиц⁵¹. Вверенным считалось такое имущество, в отношении которого данному лицу были представлены определенные полномочия, связанные с его хранением, использованием и распоряжением им, а также возложена материальная ответственность за его сохранность. Окончанием присвоения и растраты считался момент, когда имущество было растратчено или «не будучи употреблено по назначению, удержано самовольно в свою пользу»⁵². Присвоение и растрата на сумму не свыше 300 руб. наказывались по ст. 177 Устава тюремным заключением на срок от трех месяцев до одного года. В качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, рассматривалось совершение данного преступления по легкомыслию. В качестве субъекта выступали чиновники, служащие (курьеры, писари и даже священнослужители), к которым имущество поступало от начальства в качестве разового поручения, даже если само поручение было сделано с превышением власти.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.) нормы об ответственности за преступления и проступки против имущества и доходов казны и нормы об ответственности за преступления и проступки против собственности частных лиц содержались в разных разделах, однако действовало общее правило, согласно которому за всякое похищение казенной собственности виновный подвергался тем же наказаниям, которые определялись за похищение собственности частной (разд. 7, гл. I, ст. 548). При этом за растрату казенной собственности виновные подвергались взысканиям, которые определялись так же, как и за растрату чужого частного имущества (ст. 549)⁵³.

Дальнейшее развитие системы норм, связанных с посягательствами на собственность, было отражено в Уголовном Уложении от 22 марта 1903 г.⁵⁴, в котором прослеживается желание законодателя избавиться от излишнего количества норм, а, следовательно, и от их казуистичности⁵⁵. Так, если в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. насчитывалось

немногим менее 60 статей, предусматривающих ответственность за совершение различных видов краж, грабежей и разбоев, то в Уложении 1903 г. – только девять. Это относилось и к квалифицирующим признакам хищений, которых стало значительно меньше. Видами «похищения» по данному уголовному закону признавались воровство, разбой и вымогательство. Вне рамок похищения остались присвоение вверенного имущества, злоупотребление доверием, а также мошенничество.

¹ См. об этом, например: *Галузо В.Н.* Юридические проблемы периодизации истории Российской Империи // Вестник Московского университета МВД РФ. 2009. № 3. С. 146–150; *Он же*: О периодизации истории Российской Империи (юридические проблемы) / Тобольск-научный 2009; Материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Дунина-Горкавича. Тобольск: Папирус, 2009. С. 150–154; *Он же*: История и право: поиск оптимального сочетания (рецензия на монографию М.А. Бабкина «Священство и Царство. (Россия, начало XX в. – 1918 г. Исследования и материалы)»). Изд-во «ИНДРИК», 2011. 920 с.; ил.) // Государство и право. 2011. № 9. С. 122–124.

² См. об этом, например: *Белякова Е.В.* История развития российского уголовного законодательства об ответственности за насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 2. С. 7–11; *Крюкова Н.И.* История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 6. С. 23–27.

³ *Дибиров М.Г.* История возникновения и развития привилегий в отечественном уголовном праве / Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: Сб. материалов круглого стола (Москва, 10 июня 2014 г.) / Под общ. ред. О.Д. Жука. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. С. 50.

⁴ *Грубова Е.И.* Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права. 2008. № 13.

⁵ *Севостьянов Р.А.* Уголовная ответственность за азартные игры в истории отечественного дореволюционного законодательства // Спорт: экономика, право, управление. 2007. № 1.

⁶ *Анисимов В.Ф.* Хищение в уголовном законодательстве советской России // История государства и права. 2006. № 12.

⁷ *Акопджанова М.О.* Уголовное законодательство о налоговых преступлениях в Советской России // История государства и права. 2010. № 20. С. 2–3.

⁸ См.: *Басова Т.Б., Лещунов Ф.С., Харченко А.Н.* Становление понятия должностного лица в советском уголовном законодательстве // История государства и права. 2010. № 14. С. 29–32.

⁹ *Петросян О.Ш.* Уголовное законодательство советского и постсоветского периодов об ответственности за преступления в сфере обеспечения финансовой безопасности // История государства и права. 2011. № 4. С. 36–39.

¹⁰ *Ролик А.И.* История российского уголовного законодательства об ответственности за наркопреступления / Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной

практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики: Материалы международной научно-практ. конференции, 1–2 октября 2013 г. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2013. С. 246.

¹¹ *Руденко И.Г.* История развития уголовного законодательства о борьбе с халатностью: Учебное пособие. М. 2004.

¹² *Боев В.И.* История российского уголовного законодательства военного времени: Учебное пособие. М.: Спутник+, 2007.

¹³ *Иванов Н.Г.* Уголовное право. Общая часть: Учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 22–52.

¹⁴ Данный подход при периодизации истории государства и права предложен некоторыми авторами (см. об этом, например: *Галузо В.Н.* Юридические проблемы периодизации истории Российской Империи // Вестник Московского университета МВД РФ. 2009. № 3. С. 146–150).

¹⁵ *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С. 39.

¹⁶ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 308.

¹⁷ Специалисты выделяют три ее основные редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную.

¹⁸ См.: *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 270.

¹⁹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 319.

²⁰ *Там же*. С. 319.

²¹ Цит. по: Русская Правда / Под ред. Б.Д. Грекова. Т. 1. М., 1940. С. 418.

²² См.: Русская Правда. М., 1941. С. 66.

²³ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. С. 229–231.

²⁴ См.: *Елисеев С.А.* Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): Дис... докт. юрид. наук. Томск, 1999. С. 16.

²⁵ Цит. по: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 321.

²⁶ *Юшков С.В.* Указ. раб. С. 8, 78, 79.

²⁷ См.: *Шелкопляс Н.А.* Смертная казнь в России: история становления и развития (IX – середина XIX в.). М., 1989. С. 17.

²⁸ Это узаконение А.А. Рожнов именовал «крупнейшим памятником «московского» права» (см.: *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского Государства (XIV–XVII вв.): Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 7).

²⁹ Это узаконение А.А. Рожнов именовал «крупнейшим памятником «московского» права» (см.: *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского Государства (XIV–XVII вв.): Монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 7).

³⁰ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 350.

³¹ *Фойницкий И.Я.* Указ. раб. С. 230.

³² См.: *Белогриц-Котляревский Л.С.* О воровстве – краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев, 1880. С. 152.

³³ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 351.

³⁴ См.: ПСЗ РИ-1. Т. I. № 1. С. 1–161.

³⁵ См.: *Рогов В.А.* Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1990. С. 66.

³⁶ *Викторский С.К.* История смертной казни в России и современное ее состояние / Ученые записки Императорского Мо-

сковского университета. Вып. 41. М., 1912. С. 25.

³⁷ См.: ПСЗ РИ-1. Т. V. № 3006. С. 203–453

³⁸ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X в. – 1917 г.) / Сост. В.А. Томсинов. М., 1998. С. 180–183.

³⁹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 367.

⁴⁰ См.: Российское законодательство X–XX вв.. Т. 4. М., 1986. С. 328–365.

⁴¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. V. № 3. С. 295.

⁴² См.: ПСЗ РИ-1. Т. XVII. № 12459. С. 233–313.

⁴³ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XIX. № 13 С. 896.

⁴⁴ См.: ПСЗ РИ-2. Т. XX. Отделение первое. № 19283.

⁴⁵ По Именному указу Екатерины II «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» от 03.1781 г. различались три вида воровства: «воровство – кража», «воровство – мошенничество» и «воровство – грабеж» (см.: ПСЗ РИ-1 Т. XXI. № 15147. С. 108–109).

⁴⁶ См. об этом, например: *Комиссаров В.С.* Предисловие / Проблемы кодификации уголовного закона (история, современность, будущее) (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 4.

⁴⁷ См. об этом, например: *Епифанова Е.В.* Влияние «Наказа комиссии о составлении проекта нового Уложения» и содержание уголовного законодательства конца XVIII – середины XIX вв. / Проблемы кодификации уголовного закона (история, современность, будущее) (посвящается 200-летию проекта Уго-

ловного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 72–76; *Безверхов А.Г.* Понятие и система имущественных преступлений по проекту Уголовного уложения 1813 года / Проблемы кодификации уголовного закона (история, современность, будущее) (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 268–272.

⁴⁸ См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. СПб., 1907. С. 298.

⁴⁹ См.: *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Вып. I–IV. СПб., 1887–1892. С. 528–554.

⁵⁰ См.: ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. № 41478. С. 401–418.

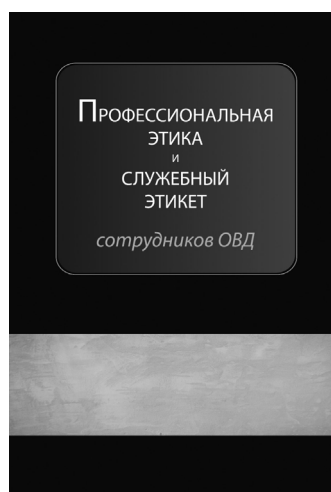
⁵¹ См. об этом, например: *Таганцев Н.С.* Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1909. С. 528–554; *Фойницкий И.Я.* Указ. раб. С. 290.

⁵² См.: Решения Уголовного кассационного департамента Сената. 1873. № 38, 370, 613, 875, 876.

⁵³ См.: ПСЗ РИ-2. Т. 15. С. 1–174.

⁵⁴ См.: ПСЗ РИ-3. Т. XXIII. № 22704. С. 175–274.

⁵⁵ На это же обращает внимание и Харламова А.А. История уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и сборов / Проблемы совершенствования российского уголовного законодательства: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. М.Б. Фаткуллиной. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. С. 50.

Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [И.И. Аминов и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.

Этот учебник — один из немногих опытов разработки проблем профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел. Его главная задача — способствовать повышению нравственной и правовой культуры работников криминальной полиции и полиции общественной безопасности.

С современных позиций рассматриваются основные этические проблемы: сущность морали, категории этики, история нравственных начал в деятельности царской полиции и советской милиции. Даются рекомендации по формированию у сотрудников общих и профессиональных компетенций, убеждений, умений и навыков соблюдения моральных и правовых норм

в профессиональной деятельности и повседневном поведении. Особое внимание уделяется анализу Типового кодекса профессиональной этики и служебного поведения в контексте той или иной главы.

Для учащихся и преподавателей образовательных учреждений МВД России. Учебник может быть использован в процессе служебной подготовки сотрудников полиции.